ФЁДОР
РАЗЗАКОВ
АНАТОЛИЙ
ТАРАСОВ
БИТВА ЖЕЛЕЗНЫХ
ТРЕНЕРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великий хоккеист, замечательный футболист и гениальный тренер Анатолий Тарасов был символом советского спорта. «Британская энциклопедия» называет его «отцом русского хоккея», сделавшим СССР «доминирующей силой» в международном хоккее. И это действительно так.

Анатолий Тарасов сделал, казалось бы, невозможное: совместно с заслуженным тренером СССР Аркадием Чернышевым установил непревзойдённый рекорд — в течение 9 лет подряд (1963–1971) сборная СССР по хоккею под их руководством становилась чемпионом во всех международных турнирах.

Предлагаемая читателю новая книга известного российского писателя Федора Раззакова — это не просто биография великого спортсмена и педагога: это книга о великих тренерах и великих победах.

- Федор Раззаков
  - Время Чернышева, или За что Тарасова убрали из сборной
  - Время Тарасова: поражение
  - Возвращение Чернышева: провал
  - Чернышев и Тарасов: начало триумфа
  - Байки Тарасова
  - Женсовет Тарасова
  - Чернышев против Тарасова… в кино
  - Тарасов против Боброва и Эпштейна, или Как и почему отцепили Евгения Майорова
  - ЦСКА — собиратель талантов
  - «Система» Тарасова
  - «Ты фашист!», или Как Тарасов воевал с чехословаками
  - Как Тарасов проиграл Карпову
  - Кто и почему сорвал первые матчи с профессионалами
  - «Это есть наш последний…»
  - «Он учил нас стойкости»
  - Как Тарасов создал новое суперзвено
  - Сборная без Тарасова
  - Поражение, равное победе, или Суперсерия-72
  - «Телега» на Тарасова, или Хук с правой в исполнении Боброва
  - Последние из «могикан»
  - Как золото Боброва привело к его отставке

- Суперсерия-74, или Реванш Бориса Кулагина
- Поражение и триумф Бориса Кулагина
- Провал в Катовице и отставка Кулагина
- Первое появление Виктора Тихонова
- Последний провал Кулагина
- Второе пришествие Тихонова началось с… провала
- Не мытьем, так катаньем, или Реванш Тихонова
- Время Тихонова: от «Руде право» до Кубка вызова и чемпионата мира
- Потерянная Олимпиада, или Ошибка Тихонова
- Тихонов и смена поколений
- Последние из «могикан» — 2
- Провал в Праге, или Конфликт в первом звене
- Двадцатое золото
- Провал в Калгари и победа в «Рандеву-87»
- Провальный 1987-й
- Золото в Калгари, или Последняя зимняя Олимпиада в жизни СССР
- Интрига внутреннего чемпионата, или Тихонов против рижан
- Ученик против учителя, или Ларионов против Тихонова
- Пятна на золоте, или Начало конца
- Последние победы эпохи СССР
- Эпилог
- Использованная литература

Федор Раззаков
Анатолий Тарасов. Битва железных тренеров

Время Чернышева, или За что Тарасова убрали из сборной

Первым хоккейным тренером-чемпионом в СССР был Аркадий Чернышев. Это он привел свою команду, московское «Динамо», к золотым медалям на первом чемпионате СССР по хоккею с шайбой в сезоне 1946/1947 годов. Правда, это чемпионство не было бесспорным, подавляющим, поскольку стало возможным благодаря лишь лучшей разнице забитых и пропущенных шайб. Как это вышло? В том сезоне (а он длился всего чуть больше месяца — с 22 декабря 1946 по 26 января 1947 года) в чемпионате СССР участвовало двенадцать команд: четыре московские в лице «Динамо», ЦДКА, «Спартака», ВВС МВО, а также восемь иногородних — «Динамо» (Рига), «Водник» (Архангельск), «Дом офицеров» (Свердловск), «Дом офицеров» (Ленинград), «Динамо» (Ленинград), «Динамо» (Таллин), «Спартак» (Ужгород), Команда города Каунаса.

В те годы катков с искусственным льдом в СССР не было, поэтому игры проводились в естественных условиях. Вот почему все 30 игр чемпионата необходимо было провести за время устойчивой зимы — то есть за месяц. Финальные игры, самые драматичные, проводились на катке стадиона «Динамо» в Москве и вызвали массовый ажиотаж. В первом круге главного финала армейцы из ЦДКА победили обоих соперников (столичные «Динамо» и «Спартак») и набрали 4 очка, а спартаковцы — 2. А вот хозяева льда динамовцы оба матча проиграли (с ЦДКА 2:3, со «Спартаком» — 0:1). Однако во втором круге динамовцы взяли реванш: 2:1 у ЦДКА, 6:1 у «Спартака». Таким образом, у всех трех финалистов стало по 4 очка, и для выявления первого чемпиона пришлось считать заброшенные и пропущенные шайбы. Лучшая разность оказалась у динамовцев — 10—6 (у ЦДКА — 5–6, у «Спартака» — 4–7).

Итак, тренером первых чемпионов был Аркадий Чернышев. Причем он был тренером не «сидячим», а играющим — играл

левым крайним нападающим. Причем отметим, что он пришел в спорт в четырнадцатилетнем возрасте — в 1928 году, играя в футбол и хоккей с мячом в московском клубе имени Кухмистерова. В 1936 году он пришел в «Динамо». В хоккее с мячом у него было гораздо больше побед: если в качестве футболиста он дважды становился чемпионом СССР (1937, 1940) и один раз завоевал Кубок СССР (1937), то как хоккеист он побеждал четырежды (1937, 1938, 1940, 1941).

Чернышев был настоящим виртуозом хоккея с мячом. Держа клюшку левой рукой, он играл очень своеобразно. Он отлично прикрывал мяч при обводке, а также обладал точным резким ударом и скоростным рывком по краю. Когда в 1946 году он переключился на хоккей с шайбой (именно тогда он и стал играющим тренером «Динамо»), то он перенес свои навыки в новую игру. Однако большой результативностью он не блистал: став автором первой шайбы первого чемпионата СССР, он так и не сумел войти в десятку лучших бомбардиров того чемпионата. Между тем возглавил список бомбардиров хоккеист команды Военно-воздушных сил (ВВС) Анатолий Тарасов, забросивший 14 шайб. Тот самый Тарасов, который в следующем сезоне перейдет в качестве играющего тренера в ЦДКА и приведет эту команду к золотым медалям (после этого армейцы Москвы под его руководством еще 16 раз станут чемпионами — рекордный показатель).

А. Чернышев и А. Тарасов ведут сборную СССР в бой

В отличие от Чернышева, Тарасов пришел в большой спорт (в футбол и хоккей с мячом) в тринадцатилетнем возрасте — в 1931 году, начав играть в юношеской команде «Динамо» (Москва). И наград у него было меньше: он лишь дважды становился обладателем Кубка СССР по хоккею с мячом (1945, 1946). Однако «забивала» он был тот еще: играя в хоккей с шайбой на позиции центрального нападающего (с 1946 года), он «заколотил» в ворота соперников за несколько лет 102 шайбы (в 100 играх, причем в составе ЦДКА забил 88 голов). Так что Тарасов и тренером оказался прекрасным, и бомбардиром ценнейшим. Знаменитая тройка нападения ЦДКА Евгений Бабич — Анатолий Тарасов — Всеволод Бобров наводила ужас на защитные порядки соперников. Например, в чемпионате 1948 года они забили 108 голов — шестую часть всего количества (617) голов первенства.

Отметим, что если Чернышев не имел профессионального тренерского образования, то Тарасов в 1937 году поступил учиться в Высшую школу тренеров при Московском институте физкультуры. И учился у знаменитого педагога Михаила Давыдовича Товаровского, который возглавлял в институте кафедру футбола и хоккея. По словам А. Тарасова: «Счастье, если встречаешь в жизни мудрого друга, наставника… Товаровский никогда не взирал на нас с пьедестала своих обширных знаний. Это он, едва мне минуло девятнадцать и я только что поступил в Высшую школу тренеров, дал мне совет: «Иди работай! У тебя нет командного голоса, да и вообще много чего нет»…»

Если взять статистику, то в те годы ЦДКА под водительством Тарасова был сильнее «Динамо» Чернышева. Команды исповедовали разные тактические схемы игры, поскольку состав у них был разный. Если у Тарасова было много талантливых и сильных игроков, то у Чернышева таковых было гораздо меньше — в основном середняки. Поэтому он исповедовал тактику игры от обороны, когда его игроки ловили соперника на контратаках. Впрочем, в его «оборонной» тактике было много и созидательных идей — тех самых, которыми славился хоккей в исполнении Тарасова. Однако различие в составах команд чаще всего склоняло чашу весов на льду в пользу «птенцов гнезда» Тарасова. Поэтому и регалий у армейцев было поболее. Так, в период 1948–1954 годов они трижды становились чемпионами СССР (1948, 1949, 1950), а вот «Динамо» смогло достичь этого лишь однажды (1954). Именно поэтому, когда стало известно, что в 1954 году сборная СССР дебютирует на своем первом чемпионате мира и Европы в Швеции, старшим тренером был назначен Тарасов, а помощником к нему делегировали старшего тренера не московского «Динамо», будущего чемпиона страны 1954 года, а наставника другого столичного клуба — «Крылья Советов» (3-е место) — Владимира Егорова.

В состав советской сборной образца 1954 года вошли 17 хоккеистов, причем подавляющая их часть была из ЦДСА. Это были: вратари — Николай Пучков и Григорий Мкртчян (оба — ЦДСА); защитники — Альфред Кучевский («Крылья Советов»), Дмитрий Уколов (ЦДСА), Александр Виноградов (ЦДСА), Павел Жибуртович (ЦДСА), Генрих Сидоренков (ЦДСА); нападающие — Всеволод Бобров (ЦДСА), Виктор Шувалов (ЦДСА), Алексей Гурышев («Крылья Советов»), Дмитрий Крылов («Динамо»), Михаил Бычков («Крылья Советов»), Александр Уваров («Динамо»), Валентин Кузин («Динамо»), Евгений Бабич (ЦДСА), Николай Хлыстов («Крылья Советов»), Александр Комаров (ЦДСА).

В таком составе сборная отправилась на осенний сбор в ГДР. Правда, одного хоккеиста среди них не было — Всеволода Боброва, который помимо хоккея играл еще и в футбол за тот же ЦДСА, а футбольный сезон на тот момент еще не закончился. Однако Тарасов от такого расклада был только счастлив. Дело в том, что они с Бобровым давно находились в контрах, поэтому старались лишний раз не пересекаться.

«Сборников» поселили на уютной даче в Кинбауме, на берегу озера, однако там они по воле Тарасова почти не бывали. Почему? Тренер заставил хоккеистов поселиться на втором этаже «Зееленбиндерхалле» в Берлине, причем прямо в гимнастическом зале, где специально были поставлены койки для спортсменов. Сделано это было неслучайно. Тарасов хотел «задавить» будущих своих соперников на мировом чемпионате с помощью атлетизма, поэтому ввел не двухразовые, а почти трехразовые тренировки. Поэтому утро у хоккеистов начиналось с зарядки на льду на коньках (40–50 минут), потом с 12 до 14 часов проходила основная тренировка. А вечером, с 19 до 21 часа, проводилась еще одна тренировка.

Отметим, что более молодые воспитанники Тарасова из команды ЦДСА — Сологубов, Трегубов и другие — справлялись с этими невиданными физическими нагрузками, поскольку были к ним подготовлены. Чего нельзя было сказать о «сборниках» из «Динамо» и «Крыльев Советов», а также армейских ветеранах в лице Евгения Бабича и Александра Виноградова, которые быстро выдохлись и едва волочили ноги. Даже самый выносливый из армейцев Иван Трегубов очень скоро стал выражать свое недовольство такими непомерными нагрузками. Некоторые игроки даже предлагали спать прямо в амуниции, поскольку у них не было сил, чтобы ее снять. В итоге даже самый мощный игрок — Александр Виноградов — через неделю таких тренировок сбросил несколько килограммов веса.

В конце концов некоторые игроки стали откровенно саботировать тренерские указания. И как только Тарасов отворачивался, прекращали тренировку. Но тренер быстро пресекал это непослушание, а провинившихся наказывал новыми непосильными упражнениями. Причем это был чистой воды эксперимент, поскольку в те времена никакой научно обоснованной системы такого рода тренировок еще не существовало. И Тарасов все делал по наитию, причем греб всех под одну гребенку — как выносливых хоккеистов, так и менее выносливых. В итоге спустя две недели команда оказалась выжатой как лимон, что подвигло Тарасова вернуть игроков на базу в Кинбаум. Там ребята перевели дух, но длилось это

недолго. Спустя пару дней Тарасов возобновил свои изнурительные тренировки с новой силой. Тем более что спустя некоторое время, в начале ноября, сборной предстояло сыграть несколько товарищеских матчей со сборной Чехословакии.

Во время этих игр всем, кто их видел, стало понятно — сборная СССР напоминает собой вареных куриц, а не боеспособную дружину. Депеша об этом тут же была отправлена в Москву. После чего председатель Спорткомитета СССР Николай Романов вынужден был принять меры. И в Чехословакию были отправлены государственный тренер по хоккею Александр Новокрещенов (тот самый, который в 1962 году впервые приведет московский «Спартак» к золотым медалям чемпионата СССР, о чем мы обязательно еще расскажем) и председатель Всесоюзной федерации хоккея Павел Коротков.

Когда они приехали в Братиславу и зашли в расположение советской сборной (она проживала в одной из гостиниц), то увидели шокирующую картину. Все игроки вповалку лежали на своих кроватях, причем большинство из них в верхней одежде. А на вопрос: «Что происходит?» — команда начала дружно… костерить Тарасова. В итоге посланцы из Москвы на ближайшие три дня отменили в команде любые тренировки. А когда сборная вернулась в Москву, начался «разбор полетов», во время которого Тарасову досталось по первое число. Но главное — было решено отстранить его от руководства сборной, поскольку его методика тренировок не сулила нашей сборной хороших перспектив на чемпионате мира. Чуть позже в спортивных кругах будут ходить разговоры, что на смещении Тарасова настоял его давний недоброжелатель Всеволод Бобров. Дескать, он пришел к Романову и заявил: «Либо я, либо Тарасов!» Но это всего лишь легенда. По словам журналиста А. Салуцкого: «Никакая депутация хоккеистов во главе с Бобровым не ходатайствовала перед Спорткомитетом о снятии Тарасова, как рассказывают знающие люди. Эти весьма устойчивые легенды ничего общего с действительностью не имеют и слишком упрощенно, искаженно представляют механизм принятия таких важных решений, как замена главного наставника сборной команды.

Конечно, Всеволод Михайлович Бобров имел самое непосредственное отношение к вопросу о том, кто будет старшим тренером сборной команды по хоккею, потому что был самым лучшим игроком и самой яркой фигурой, представлявшей точку зрения, противоположную тарасовской. Ни Виноградов, ни Бабич не могли бы без поддержки Боброва противостоять нажиму Анатолия Владимировича. Однако Всеволод Михайлович оказывал сильнейшее влияние на ход событий не какими-то

конкретными действиями или демаршами перед спортивным руководством, а… самим фактом своего существования в хоккейном мире. И уяснить это очень важно, потому что проблема заключалась отнюдь не в личных симпатиях и антипатиях Тарасова и Боброва, а в том, как развиваться советскому хоккею, как готовиться к чемпионату мира. И необходимо повторить, что сводить такой серьезнейший вопрос к ситуации «или я, или он!», как делают некоторые, и в том числе Анатолий Владимирович Тарасов, неправомерно, попросту говоря, неправильно…»

А вот что рассказывал о смещении Тарасова очевидец тех событий — Борис Мякиньков, который в тот период был начальником Управления спортивных игр Спорткомитета СССР: «Я как начальник Управления спортигр был за то, чтобы вместо Тарасова назначить старшим тренером Чернышева. Почему? Потому что в то время Тарасов не мог морально объединить команду. И поскольку Бобров был ведущим игроком, от него, по существу, зависел успех нашего хоккея. Было заседание коллегии Спорткомитета. Вел его Андрианов. На меня была возложена задача доказать необходимость замены старшего тренера. Я бывал все время в команде и все знал. Знал обстановку. У Тарасова были, может, и правильные, но более жесткие требования. Бобров считал, что больше инициативы надо давать игрокам… Обсуждали этот вопрос, наверное, целый час, не меньше. Тарасов пользовался большим авторитетом, и когда коллегия разбирала вопрос о замене тренера, то нужны были очень веские аргументы. Только исходя из моих заявлений о том, что Чернышев может технически, а главное морально, настроить команду лучше, чем Тарасов, а Тарасов может отвечать только за техническое состояние команды, большинство членов коллегии сошлись на том, что в создавшейся ситуации тренером необходимо назначить Чернышева. Чернышев принял команду, наладил взаимопонимание между игроками, у них появилось желание играть».

А теперь послушаем еще одного очевидца — Константина Андрианова, который в ту пору был заместителем председателя Спорткомитета СССР и вел ту самую коллегию: «Я хорошо знал Чернышева. Еще с тех времен, когда вместе с его женой работал на одном заводе. Знал его как очень хорошего спортивного воспитателя, который умеет ладить со спортсменами. Но мне казалось, что Чернышев — человек слишком добрый, а это может отрицательно сказаться на команде. И, предварительно обсуждая этот вопрос с Романовым, мы из двух зол выбрали наименьшее, чтобы разрядить страсти и накаленную атмосферу в команде, возникшую в результате действий Тарасова. Но окончательное

решение, конечно, оставалось за коллегией. Замена старшего тренера сборной могла производиться только на заседании коллегии Спорткомитета. Это серьезнейший вопрос! Никаких других вариантов, связанных с хождениями Боброва или Тарасова по начальству, просто и быть не могло!..»

Как показало будущее, эта рокировка самым благотворным образом сказалась на игре сборной СССР на чемпионате мира в Швеции. Классическая схема Чернышева оказалась более удачной, чем новаторский хоккей Анатолия Тарасова. Но расскажем обо всем по порядку.

В те годы фаворитами мировых чемпионатов были сборные Канады, Чехословакии, США и Швеции, которые и делили между собой 1-е и 2-е места. Вот как это выглядело в зеркале статистики: 1947 год — 1-е место — ЧССР, 2-е — Швеция; 1948 год — 1-е — Канада, 2-е — ЧССР; 1949 год — 1-е — ЧССР, 2-е — Канада; 1950 год — 1-е — Канада, 2-е — США (сборная ЧССР не участвовала); 1951 год — 1-е — Канада, 2-е — Швеция (сборная ЧССР не участвовала); 1952 год — 1-е — Канада, 2-е — США; 1953 год — 1-е — Швеция, 2-е — ФРГ (сборная Канады не участвовала).

Итак, в 1954 году сборная СССР впервые приняла участие в мировом первенстве. Причем на нем присутствовали все прежние фавориты: команды ЧССР, Канады (любительский клуб «Линдхерст Моторз»), Швеции. Вопреки старинной поговорке о том, что первый блин всегда выходит комом, сборная СССР дебютировала блестяще — завоевала золотые медали. И это при том, что большинство мировых специалистов, что называется, не давали за нашу сборную и ломаного гроша. Однако наши ребята одолели чехословаков (5:2) и сгоняли вничью со шведами (1:1). Специалисты, конечно, удивились, но все равно считали, что золотые медали завоюют канадцы. Поэтому перед игрой Канада — СССР в кассах стокгольмского Дворца спорта началась продажа билетов на дополнительный матч СССР — Швеция, поскольку все были уверены в том, что канадцы победят и станут чемпионами мира, а вот судьбу европейского «золота» должен будет решить тот самый дополнительный матч.

Самое интересное, но в хорошие перспективы нашей сборной не верили и ряд советских специалистов. Среди них был и… Анатолий Тарасов, который приехал в Стокгольм в качестве представителя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Во всяком случае, так об этом позже напишет в своих мемуарах «Рыцари спорта» (1972) Всеволод Бобров. Хотя многие его рассказу не доверяют, зная о том, какие у него были «непонятки» с Тарасовым. А рассказал Бобров следующее. Якобы на совете делегации Тарасов выступил с предложением: не

сильно стараться в игре против канадцев, чтобы сохранить силы для встречи со шведами. Однако остальные члены совета с этим мнением не согласились. А теперь послушаем мнение А. Салуцкого: «Никаких объективных доказательств того, что Тарасов действительно сделал такое малодушное и непатриотичное предложение, не существует. Предложение капитулировать перед канадцами, «сплавить» матч из уст Анатолия Владимировича не слышал никто.

Прошло уже три десятилетия, и, хотя живы почти все участники тех событий, история, произошедшая поздним субботним вечером на пятом этаже отеля «Мальме», выглядит в достаточной мере запутанной. Тренеры сборной Чернышев и Егоров вспоминают, что к ним пришел Мякиньков, который высказал мысль о «сбережении сил» для переигровки со шведами, ссылаясь на Тарасова. Сам Мякиньков этого не подтверждает и говорит, что Тарасов вовсе тут был ни при чем: к сборной команде его не допускали. Одного из непосредственных свидетелей — радиокомментатора Вадима Синявского — уже нет в живых…

Юный Анатолий Тарасов (начало 30-х)

Павел Коротков, Александр Новокрещенов, Сергей Савин и переводчик Спорткомитета Роман Киселев, которые были в Стокгольме-54, не говоря уже о членах сборной команды, тоже не могут припомнить, чтобы Тарасов говорил кому-либо из них нечто подобное. «Разговоры такие ходили, но я непосредственно от Тарасова этого не слышал», — говорит каждый из них. И вообще всю эту запутанную историю не стоило бы ворошить совсем, если бы в вышеприведенной цитате из книги Боброва Анатолию Владимировичу Тарасову не предъявлялось бы весьма серьезное, очень обидное и не обоснованное фактами обвинение.

Но зато абсолютно соответствует истине тот факт, что старший тренер Аркадий Иванович Чернышев твердо и непоколебимо верил в победу над канадцами. Чернышев наотрез отказался созывать бюро делегации для обсуждения проблемы «сбережения сил» и произнес свою ставшую крылатой фразу: «Не будите Боброва!» А наутро собрал команду в большом номере руководителя делегации Мякинькова и прочитал трехстрочную заметку из свежего номера газеты «Правда», где кратко говорилось о том, что советские хоккеисты сыграли вничью со шведами 1:1 и что им предстоит матч с командой Канады.

— Видите, какая маленькая, осторожная заметка? — спросил старший тренер игроков. — Дома в нашу победу над канадцами, видимо, боятся верить. А мы выиграем!

На том собрании Аркадий Иванович Чернышев, обычно спокойный и невозмутимый, предстал перед своими подопечными в непривычно возбужденном состоянии. Не называя ни имен, ни фамилий, он сообщил им, что необходимо «сберечь силы» в матче с канадцами, чтобы наверняка выиграть повторный матч со шведами и стать чемпионами Европы. Всеволод Бобров, а вслед за ним вся команда дружно возмутились, категорически заявив:

— Будем сражаться с канадцами только за победу!..

Матч СССР — Канада состоялся 7 марта 1954 года в присутствии 16 тысяч зрителей. Ажиотаж вокруг этой игры был сродни тому, что случится 18 лет спустя — 3 сентября 1972 года, когда в Монреале сборная СССР впервые встретится с канадскими профессионалами. В обоих случаях почти все знатоки хоккея отдавали предпочтение канадцам, и единственное, в чем сомневались, — с каким счетом будет обыграна советская команда. Но то, что это будет крупное поражение, мало кто сомневался (канадцы на том чемпионате обыгрывали своих соперников с крупным счетом: 20:1 финнов, 8:0 — шведов, 8:1 — западных немцев и швейцарцев). И что же вышло?

Уже в первом периоде советские хоккеисты забросили в ворота канадцев четыре безответные шайбы. Все мировые специалисты по хоккею были в шоке, но еще надеялись, что канадцы соберутся. Однако во втором периоде перелома в игре так и не случилось — на табло сияли цифры 7:1 в пользу сборной СССР. И только последний период канадцы выиграли, да и то с минимальным счетом — 1:0. Итог встречи — 7:2 в пользу сборной СССР. Такого позора канадцы на чемпионатах мира еще не знали. Советская сборная их с этим познакомила, а осенью 1972 года повторит то же самое и с канадскими профессионалами, обыграв их с похожим счетом 7:3.

Итак, наша сборная под руководством Аркадия Чернышева и Владимира Егорова стала чемпионом мира и Европы. А взяла она своих соперников тем, что играла в хоккей не канадского или европейского розлива, а в свой родной, советский. Наши игроки делали слишком много передач, редко применяли силовые приемы и быстро катались на коньках. Для фаворитов турнира все это было внове, особенно для канадцев. Однако они не были бы родоначальниками хоккея, если бы не сделали выводов из этого поражения.

В феврале — марте 1955 года состоялся очередной чемпионат мира и Европы. На этот раз он проходил в ФРГ. Советскую сборную на него снова повез тандем Чернышев — Егоров, хотя чемпионом страны у нас стала команда Тарасова — ЦСК МО (вторыми были подопечные Егорова — «Крылья Советов», третьими — подопечные Чернышева, динамовцы). И снова подавляющее число игроков в нашей сборной составляли армейцы.

Наши ребята выиграли подряд семь матчей. То же самое сделали и канадцы, которых на том чемпионате представляла команда «Пентиктон Вииз». Наконец 6 марта 1955 года в Крефельде состоялся решающий матч между СССР и Канадой. И здесь канадцы взяли реванш. Как вспоминал наш вратарь Н. Пучков: «Вопреки своей манере канадцы не бросали по воротам даже со средних дистанций, а разыгрывали «до верного». Они оставляли нас без шайбы, держали ее, даже выводя в среднюю зону. И мне было очень непросто войти в игру, что называется, почувствовать шайбу. Вот почему чуть ли не первый бросок канадцев привел к голу…»

Первый период канадцы выиграли с минимальным счетом 1:0. Тогда казалось, что для нас еще не все потеряно. Но, как выяснилось, это был не наш день. Второй и третий периоды канадцы тоже выиграли, оба с одинаковым счетом — 2:0. Итог — 5:0 в пользу канадцев. Они взяли реванш за прошлогоднее поражение, уравняв не только общий счет побед (1:1), но общий итог забитых шайб (7:7).

Самое интересное, но это поражение (и 2-е место в мировой иерархии) не стало поводом к тому, чтобы произвести замену на тренерском мостике. Ведь чемпионат Европы наши ребята выиграли. Поэтому в 1956 году, несмотря на то, что ЦСК МО во главе с Тарасовым вновь стал чемпионом СССР («крылышки» снова были вторыми, а динамовцы третьими), сборную СССР продолжали возглавлять Чернышев и Егоров. Именно они повезли наших ребят на зимние Олимпийские игры в Кортина-д'Ампеццо в январе 1956 года. И снова решающим матчем на турнире была

игра между сборными СССР и Канады. Причем, чтобы стать чемпионами, канадцам необходимо было победить нас с перевесом в две шайбы. Вполне рядовая для родоначальников хоккея задача. Но только не в случае с советской сборной.

Та игра 4 февраля 1956 года оказалась не менее драматичной, чем предыдущие противостояния двух этих сборных. В первом периоде была зафиксирована нулевая ничья. Но в итоге советские хоккеисты оказались сильнее. Причем, проиграв силовую борьбу (11:21 в пользу канадцев), а также по броскам (9:19), наши ребята выполнили главную установку Чернышева — быть лучшими в отборе шайбы. Кроме этого, прекрасно стоял в наших воротах Николай Пучков. Поэтому мы победили с тем самым счетом, который как воздух был необходим канадцам, — 2:0. И обе шайбы забросили воспитанники Чернышева — динамовские нападающие Юрий Крылов и Валентин Кузин.

После этого поражения любители хоккея стали с нетерпением ждать нового противостояния СССР — Канада, надеясь увидеть очередной реванш со стороны канадцев. И ближайшим таким турниром, где этот реванш мог состояться, должен был стать чемпионат мира и Европы 1957 года. Должен был, но не стал. Почему? Осенью 1956 года советские власти подавили антиправительственный мятеж в Венгрии, после чего западные страны объявили СССР бойкот. А учитывая то, что мировой турнир по хоккею должен был проходить в Москве, легко было предположить, что команды из западных стран на него не приедут. Так и вышло: к бойкоту присоединились Канада, США и ФРГ.

Отметим, что в 1957 году чемпионом СССР впервые стала команда «Крылья Советов» под водительством Владимира Егорова — второго тренера нашей национальной сборной. Однако в последней оказалось всего лишь четверо «крылышек» (как и в 1954-м), а костяк сборной составили столичные армейцы (2-е место в чемпионате СССР). Причем лучшими бомбардирами внутреннего чемпионата стали двое игроков «Крылышек» — Алексей Гурышев (32 шайбы) и Михаил Бычков (31 шайба), однако в сборную пригласили только одного — Гурышева, который играл в тройке со своим одноклубником Николаем Хлыстовым и армейцем Юрием Пантюховым (эта тройка забьет 18 шайб).

Между тем в отсутствие канадцев советские хоккеисты умудрились проиграть домашний чемпионат — заняли 2-е место, пропустив вперед себя шведов. После чего было принято решение снять Аркадия Чернышева с должности главного тренера сборной

СССР. На его место пришел Анатолий Тарасов, в помощники которому назначили… все того же Владимира Егорова. Когда об этом стало известно, самым недовольным человеком в сборной был Всеволод Бобров, который Тарасова на дух не переваривал (впрочем, как и тот его самого), публично называя Троцким. В итоге, мучимый мыслями о том, как он будет играть под началом Тарасова, Бобров в итоге принял решение… повесить коньки на гвоздь. И сборная СССР осталась без своего самого лучшего игрока. Правда, было ему на тот момент уже 35 лет.

Время Тарасова: поражение

Приход Тарасова к руководству сборной совпал по времени с периодом, когда канадцы окончательно перестали воспринимать советских хоккеистов как дерзких учеников. И когда осенью 1957 года канадцы пригласили сборную Москвы (а фактически сборную СССР) в первое турне по Канаде, стало окончательно ясно, что на родине хоккея советских хоккеистов воспринимают как вполне самостоятельных и высококлассных спортсменов. А когда наши ребята вышли победителями из этого турне, их рейтинг взлетел еще выше. А ведь поначалу та поездка складывалась не в нашу пользу. Первую игру (против клуба «Уитби Данлопс») мы проиграли с разгромным счетом 2:7. Вторая игра (против «Виндзорс Синьорс») закончилась вничью 5:5. В третьем матче мы снова уступили — 2:4. Однако в оставшихся пяти поединках наши ребята оказались сильнее своих визави. Итог серии — 5:2 в нашу пользу. Так в Канаде впервые узнали имя тренера Анатолия Тарасова. Вот что пишет по этому поводу В. Акопян: «В том первом канадском турне Тарасов сформировал откровенно экспериментальную команду. В нее были включены как молодые, так и опытные игроки. Сильная и выносливая молодежь во взаимодействии с умудренными и терпеливыми ветеранами должна была, по замыслу тренера, воплотить в игре высокое коллективное начало. Тарасов считал, что командные действия обязательно должны выражаться в максимальной и непрерывной занятости всех полевых игроков. В обеих основных фазах игры — атаке и обороне — должны активно участвовать все пять игроков, независимо от их игрового амплуа. «Пять в атаке, пять в обороне», — таким был главный девиз Тарасова. Особенно важно, он считал, проверить его на практике во встречах с клубами Канады. Тогда в канадском любительском (да и профессиональном) хоккее игровые амплуа спортсменов были строго разделены. Нападающие активно действовали в чужой зоне, атакуя ворота соперника страстно и порой безоглядно, зная, что в своем тылу оборонительную работу уверенно и решительно

будут выполнять мощные защитники. Участие защитников в организации и тем более в развитии атаки у канадцев было эпизодическим и кратковременным. Начало атаки из своей зоны выполнял, как правило, центральный нападающий, получив шайбу от своего защитника и самостоятельно выводя ее в зону противника… По технико-тактической оснащенности, по игровым, большинству двигательных и особенно силовым навыкам канадцы были на голову выше всего остального хоккейного мира. Соперничать с ними в индивидуальном мастерстве было бесполезно. А вот противостоять их индивидуальному превосходству более активными и организованными действиями у нас были все основания и возможности. Отточенному индивидуализму канадцев наша команда готова была противопоставить активность коллективных усилий полевых игроков, склонных к полной занятости как в оборонительной, так и в наступательной фазах игры…»

Однако, с успехом проведя канадское турне, Тарасов и его сборная не смогли повторить этот успех на очередном чемпионате мира и Европы, который проходил в феврале — марте 1958 года в столице Норвегии городе Осло. Наша сборная впервые за последние годы отправилась туда без своего бессменного капитана Всеволода Боброва, хотя большую часть игроков сборной по-прежнему составляли армейцы Москвы, которых на этот раз было 11 человек. Кроме этого, в команде было четверо «крылышек» (Е. Еркин, А. Кучевский, Н. Хлыстов, А. Гурышев) и всего один динамовец (Ю. Крылов), что однозначно указывало на то, каким образом относился к таланту игроков этого клуба Тарасов. Естественно, будь у руля сборной Чернышев, число динамовцев в ней было бы иным: например, год назад их в команде было трое, хотя результат команда показала не лучший — заняла, как мы помним, 2-е место. Однако точно такой же результат случился у нас и в 1958 году.

Друзья и враги Анатолий Тарасов и Всеволод Бобров

Сборная СССР играла тремя звеньями в нападении и двумя в защите. Выглядело это так: 1) защитники — Николай Сологубов и Иван Трегубов (оба — ЦСК МО), нападающие — Юрий Пантюхов (ЦСК МО), Алексей Гурышев («Крылья Советов») и Николай Хлыстов («Крылья Советов»); 2) защитники — Дмитрий Уколов (ЦСК МО) и Альфред Кучевский («Крылья Советов»), нападающие — Константин Локтев, Вениамин Александров и Александр Черепанов (все — ЦСК МО); 3) нападающие — Юрий Крылов («Динамо», Москва), Юрий Копылов и Владимир Елизаров (оба — ЦСК МО).

Первая же осечка случилась у нашей сборной в третьей игре — против сборной Чехословакии 4 марта. Несмотря на то, что в первом периоде советские хоккеисты вели 3:1, в дальнейшем они растеряли свое преимущество и сумели вырвать только ничью — 4:4. А вот канадцы в лице клуба «Уитби Данлопс» никаких осечек себе не позволяли и тех же чехословаков обыграли с разгромным счетом 6:0. В итоге финальная игра между сборными Канады и СССР 9 марта оказалась решающей. И по своему накалу выдалась весьма драматичной.

В первом периоде наши были лучше и выиграли 1:0. Однако во второй двадцатиминутке победа сопутствовала канадцам — 1:0. Поэтому третий период команды начали при счете 1:1. И вот здесь тренерское чутье и тактика подвели Тарасова. Вместо того, чтобы отойти назад и начать ловить разошедшихся канадцев на контратаках, он дал команду своим игрокам не сбавлять темпа и непрерывно атаковать ворота противника. В итоге канадцы дважды сумели поймать нас во время этих атак. И победили 4:2. Как будет вспоминать позднее вратарь нашей сборной Н. Пучков: «Тарасов был незаменим в тренировочном процессе. Но я никогда не мог согласиться с тем, как он вел игры. Вот и в Осло, с канадцами, когда мы очень долго были впереди, он то и дело позволял защитникам сверх меры вылезать вперед, раз за разом механически чередовал звенья, даже не пытаясь что-либо выиграть за счет иного размена. Когда на исходе второго периода при счете 1:0 в нашу пользу последовало удаление Хлыстова, первое, кстати, у нас в этом матче, самые опытные наши ребята — Ваня Трегубов, Коля Сологубов — бросились к Тарасову: «Анатолий Владимирович, поставьте сейчас лучших!» А он: «Идите работать, я все знаю!» А сам, как нарочно, выпустил третью тройку (в ней играли динамовец Крылов и два армейца Копылов и Елизаров . — *Ф. Р.*), и канадцы тут же забросили ответную шайбу. И когда счет сравнялся, что, правда, нас не устраивало, Тарасов продолжал кавалерийские наскоки, чем в конце концов блестяще воспользовались канадцы…»

Второе место сборной СССР на том чемпионате не стало поводом к тому, чтобы снова менять тренера — Тарасов остался у руля, как и Егоров. Тем более, что в чемпионате СССР сохранялась та же конфигурация ведущих команд: 1-е место — ЦСК МО, 2-е — «Динамо» (Москва), 3-е — «Крылья Советов» (Москва). Поэтому на чемпионат мира и Европы 1959 года в Чехословакии нашу сборную повез тандем Тарасов — Егоров. Причем на этот раз команда была значительно обновлена — в ней появились шестеро новых игроков: Юрий Баулин, Игорь Деконский (оба — ЦСК МО), Евгений Грошев, Виктор Пряжников (оба — «Крылья Советов»), Виктор Якушев, Николай Снетков (оба — «Локомотив», Москва). Среди ветеранов значились: восемь армейцев — Николай Пучков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Генрих Сидоренков, Дмитрий Уколов, Вениамин Александров, Константин Локтев, Юрий Пантюхов, двое «крылышек» — Евгений Еркин, Алексей Гурышев, один динамовец — Юрий Крылов.

На этот раз принципиальный матч СССР — Канада (клуб «Бельвиль Макфарлэндз») организаторы турнира приберегли не

на последний день, а на шестой — это была пятая игра чемпионата. Однако именно она и решила судьбу золотых медалей мирового чемпионата. Причем опять канадцы оказались хитрее наших — поймали их на контратаках. И случилось это уже в первом периоде, когда канадцы в течение трех минут забили две шайбы. После чего всей командой откатились к своим воротам, доказав всем, что они умеют не только нападать, но и обороняться. Итог встречи — 3:1 в пользу «Бельвиля». Он же стал и чемпионом мира, набрав столько же очков, сколько и сборная СССР, — 8, но у канадцев была лучше разница забитых и пропущенных шайб.

Несмотря на то, что при Тарасове сборная СССР вот уже второй год подряд завоевала на чемпионатах мира серебро, это не стало поводом к отставке тренера (хотя в случае с Чернышевым это было именно так). Поэтому к зимней Олимпиаде в Скво-Вэлли (США) нашу национальную сборную снова готовил Тарасов, а также все тот же Владимир Егоров, который в 1960 году отпраздновал свой 7-й сезон в качестве второго тренера (кстати, его «Крылышки» в том году заняли 2-е место в чемпионате СССР).

Как мы помним, во время предыдущей Олимпиады, в Кортина-д'Ампеццо, главным тренером сборной СССР был Аркадий Чернышев. Те Игры были за нами — мы взяли золото. Естественно, что Тарасов мечтал повторить этот успех. Ведь он уже третий год был у руля сборной, но за это время ни разу не сумел завоевать золото (у Чернышева оно было: и мировое (1954), и олимпийское (1956)).

Тарасов и Егоров сформировали олимпийскую сборную в основном из игроков своих клубов — ЦСК МО и «Крылья Советов», которые успешно выступали в первенстве СССР сезона 1959/1960 (армейце в итоге возьмут золото, а «Крыльям» достанется бронза). Отметим, что серебро выиграют московские динамовцы, но их в сборной будет представлять всего лишь один хоккеист — нападающий Станислав Петухов. Совсем не были представлены в той олимпийской команде московские спартаковцы, хотя у них уже начало блистать звено Евгений Майоров — Вячеслав Старшинов — Борис Майоров. Эти хоккеисты не попали в сборную из-за своеволия Тарасова. Перед Олимпиадой он предложил им перейти к нему в ЦСК МО, но они дружно отказались. И в сборную не попали.

Между тем в итоге получилось, что в составе сборной СССР, отправившейся в Скво-Вэлли, оказалось восемь «крылышек» (вратарь Евгений Еркин, защитники Альфред Кучевский, Николай Карпов, нападающие Юрий Цицинов, Владимир Гребенников, Евгений Грошев, Михаил Бычков, Виктор Пряжников), семеро

армейцев (вратарь Николай Пучков, защитники Генрих Сидоренков, Юрий Баулин, Николай Сологубов, нападающие Вениамин Александров, Александр Альметов, Константин Локтев). Нападающий Виктор Якушев представлял московский «Локомотив».

Однако фортуна и в этот раз отвернулась от Тарасова. Хотя поначалу все складывалось как нельзя лучше и мы выиграли три матча подряд: у ФРГ (8:0), Финляндии (8:4) и ЧССР (8:5). Однако уже эти игры выявили наше слабое звено — это был вратарь Николай Пучков, который слишком много пропускал шайб (девять в трех играх). И связано это было не с утратой им мастерства, а со старой травмой — у него было повреждение мышцы бедра. Поэтому в воротах он стоял неуверенно. А заменить его было некем — запасной голкипер, Евгений Еркин, по таланту был намного ниже его. То же самое можно было сказать и о других наших вратарях, защищавших ворота ведущих советских клубов: Юрии Овчукове из ЦСК МО, Борисе Зайцеве и Владимире Чинове из «Динамо». Здесь Тарасов допустил промах: слишком надеялся на Пучкова, вместо того чтобы заранее начать подготавливать ему достойную смену.

Но вернемся к Олимпиаде-60.

В четвертой игре со шведами мы сыграли вничью 2:2, а две последние игры и вовсе проиграли: с США 2:3, с канадцами 5:8. Как итог, наша сборная, пропустив вперед сборные США и Канады, заняла 3-е место. Явный провал со стороны бывших олимпийцев. В результате судьба Тарасова как старшего тренера национальной сборной была решена — его отправили в отставку. Многие считали, что поделом. Послушаем Н. Пучкова: «Тот факт, что сборная под руководством Тарасова не выиграла ни одного чемпионата мира, ни в коем случае не может рассматриваться только как результат неудачно подобранного состава или отдельных тактических просчетов. Причина гораздо глубже. Все дело в том, что к этому времени фактически исчерпала себя тарасовская идея превосходства в физической подготовке, которая прежде исправно приносила свои плоды. Анатолий Владимирович давно убедился в том, что наших людей можно гонять как сидоровых коз. Хотите выигрывать, говорил он, значит, работайте как никто. И без конца повторял знаменитую пугачевскую фразу, что лучше год питаться свежей кровью, чем триста лет мертвечиной. Он, правда, не говорил, чем все это закончится. Не говорил, что к тридцати годам он одного за другим выбросит этих выжатых как лимон и уже бывших звезд, что им это будет стоит абсолютного ограничения в жизни, где их не будет уже интересовать буквально ничего, кроме водки, — ни

работа, ни женщины, ни-че-го… Не говорил, потому что, скорее всего, не знал этого сам. Тарасов брал лучших, брал талантливых от Бога восемнадцати-девятнадцатилетних мастеров на уровне второй сборной и бешено гонял их по четыре раза в день, считая, что все равно мы своей физической подготовкой задавим любого соперника. Через эту работу пропускались многие, однако выдерживали единицы. А те, кто выдерживал, действительно поначалу имели неоспоримое преимущество, по крайней мере в Европе. И тут Тарасову надо отдать должное. Он наращивал не просто физическую силу игроков, а специальные качества, необходимые в хоккее, и применяемые им средства отличались поэтому ото всех… Но наши противники учились у нас. Чехословацкие мастера, шведы, да и канадцы с интересом посещали наши тренировки, внимательно фиксировали каждое упражнение, и наше физическое превосходство к сезону 1959/1960 было практически сведено к нулю. Этот компонент оказался тогда у нас только равным с канадцами. Но у нас было слишком много паса, а они оказались более экономичны и за счет этого побеждали нас. Обо всем этом я говорил Тарасову еще в Скво-Вэлли, а он сделал вывод, решив почему-то, что я канадцев просто-напросто боюсь. Концепция Тарасова не могла победить, потому что канадцев ни в коем случае нельзя «топтать». Они всегда проходят очень большую физическую школу, и тогда, в 1960-м, они ни в коем случае не уступали нам в скоростной подготовке, а если и уступали в ловкости, то были значительно сильней в техническом оснащении…»

А вот еще одно мнение очевидца тех событий — игрока олимпийской сборной образца 1960 года Николая Карпова: «Почему мы проиграли? Во-первых, полностью обновилась линия нападения, и мастеров класса Боброва у нас тогда не было. Во-вторых, многие из нас впервые попали за океан, и нешуточный ажиотаж, который царил в те дни в США, сыграл с нами злую шутку. В-третьих, меньшие по размеру североамериканские площадки тоже создавали дополнительные трудности. Все мы были выходцами из русского хоккея: нам нужно было хорошенько раскатиться, проявить маневренность. А там, едва набрав скорость, мы чуть ли не врезались в борта…»

Возвращение Чернышева: провал

После провала на Олимпиаде-60 судьба Тарасова была фактически решена — его сняли с поста старшего тренера сборной, впрочем, как и Владимира Егорова. Однако осенью 1960 года, буквально накануне начала нового хоккейного сезона Тарасов лишился и поста старшего тренера ЦСКА. О перипетиях этого снятия написала «Комсомольская правда» в номере за 10 января 1961 года. Речь идет о статье члена СТК Федерации хоккея СССР Ю. Арутюняна под названием «Тренер ушел из команды…». В ней сообщалось следующее: «…Несколько лет расстраивались отношения в коллективе (ЦСКА . — *Ф. Р.*), точнее, связи между тренером Анатолием Тарасовым и хоккеистами. И вот к чему это привело: игра команды поблекла, разладилась, а тренер вынужден был уйти.

Имя Анатолия Тарасова многое говорит любителям хоккея. Он заслуженно считается знатоком этого вида спорта. И просчеты тренера в тактике игры или в тренерских планах команды сыграли роковую роль. Потерянные очки можно в конце концов отыграть, а недостатки в технике хоккея устранить. Но вот восстановить контакт с игроками не так-то просто.

И дело не в том, что кое-кому из хоккеистов пришлась не по душе требовательность тренера. Спортсмен, если, конечно, он любит и уважает свой коллектив, не обидится на хорошую строгость. Но ведь, чего греха таить, тренер армейцев вольно или невольно стал диктатором, а не чутким и отзывчивым воспитателем в команде. Чего стоит одно его «темпераментное» поведение во время матчей! Резкие, подчас грубые слова так и сыпались на хоккеистов… Игроки просто-напросто боялись тренера. Боязнь эта постепенно вытеснила чувство уважения к тренеру…

Братья Юрий и Анатолий Тарасовы. Юрий погибнет в авиакатастрофе в 1950 году вместе с командой ВВС

Надо сказать, в ЦСКА все — от начальника клуба тов. Новгородова до тренеров и инспекторов — давно знали о ненормальном положении в хоккейной команде. Знали, но делали вид, что ничего не замечают. Подумаешь, мол, крутой нрав тренера! Команда все равно почти бессменный чемпион страны. И лишь в нынешнем сезоне, после потери шести очень важных очков, в ЦСКА решили поставить точки над i.

Однако, если все дело ведут только к тому, чтобы найти другого тренера, команда вряд ли снова заблистает. Важно, чтобы не повторить прежние ошибки, в которых, кстати сказать, не в меньшей, а, быть может, в большей мере повинны и те, кто вовремя не помог Анатолию Тарасову найти верный тон.

Хочется верить, что армейские хоккеисты будут по-прежнему в авангарде нашего хоккея, а Тарасов извлечет верный вывод из этих пусть резких, но справедливых слов».

Новым тренером ЦСКА стал Александр Виноградов, который был одногодком Тарасова — оба родились в 1918 году. Виноградов начал играть в футбол и хоккей с мячом в амплуа защитника в Москве в 1934 году в типографии «Московский рабочий». В 1937 году перешел в ЦДКА, в котором играл ровно десять лет (стал чемпионом СССР в 1946 и 1947 годах). Потом его командой стал ВВС, а в 1954–1955 годах он играл в ЦДСА (хоккей с шайбой). Так что с Тарасовым они были знакомы давно.

В помощники себе Виноградов взял Бориса Кулагина, который с 1960 года был начальником хоккейной школы ЦСКА. Поскольку Кулагин впоследствии станет очень знаменитым тренером, о нем стоит рассказать более подробно.

Кулагин родился в 1924 году в Оренбурге, однако уже шесть лет спустя его семья перебралась в Москву. В двенадцатилетнем возрасте он стал играть в русский хоккей (с мячом) в секции «Юный динамовец». Причем одновременно с ним в эту же секцию записался еще один юноша — тринадцатилетний Юрий Тарасов, младший брат Анатолия Тарасова. По словам Б. Кулагина: «Нас и поставили сразу вместе во вторую команду мальчиков: меня центральным нападающим, Юрия — левым полусредним. И вот таким дуэтом мы дошли до молодежной команды «Динамо». Анатолий Тарасов, брат Юрия, был старше нас на шесть лет и выступал в то время во второй команде. Он благосклонно опекал нас, помогал, учил, но все с такой страстью, с такой жестокой требовательностью, что замечаний его, разборов нашей игры мы всегда ждали с трепетом…»

В 1946 году Борис и Юрий перешли в команду ВВС. Однако в январе 1950 года Юрий Тарасов трагически погиб, разбившись вместе с командой в авиакатастрофе (команда летела на календарную игру в Челябинск). Кулагина от гибели спасло только то, что он к тому времени уже успел перейти из ВВС во вновь созданную команду МВО, откуда он затем ушел в ЦДСА. Но в 1951 году получил очень тяжелую травму колена, из-за которой ему пришлось завершить игровую карьеру. И с этого момента Кулагин перешел на тренерскую работу — уехал в родной Оренбург, где стал инструктором по спортивным играм при

тамошнем Окружном доме офицеров. В этой должности он познакомился с самим… Юрием Гагариным. Правда, тот тогда еще не был знаменит. По словам Б. Кулагина: «Однажды я судил баскетбольный матч, где играла команда Оренбургского авиационного училища. Ее капитан выделялся на площадке. Он был невысокого роста, но быстр, ловок, техничен и много очков набирал бросками издалека. Правда, его азарт перехлестывал через край, каждый судейский свисток сопровождал он возгласом недовольства и пытался оспаривать каждое мое решение. Наконец терпение мое лопнуло, и я удалил его с площадки. Потом мы часто встречались с маленьким баскетбольным капитаном. Это был Юрий Гагарин…»

После Оренбурга Кулагина пригласили в Куйбышев тренировать хоккейную команду СКА, которую он в 1960 году вывел в класс «А». Этот успех обратил на него внимание руководителей ЦСКА, которые вернули его в Москву, сделав сначала начальником спортивной школы, а затем и вторым тренером при Александре Виноградове, который занял пост старшего тренера вместо Тарасова.

Между тем старшим тренером сборной СССР снова был назначен наставник динамовцев Аркадий Чернышев, хотя его команда в 1960 году финишировала в чемпионате СССР всего лишь третьей, а год спустя и вовсе седьмой. В помощь ему были направлены еще два тренера: Анатолий Кострюков (до 1960 года он тренировал столичный «Локомотив», а затем стал ответственным секретарем Федерации хоккея СССР) и Александр Виноградов (новый тренер ЦСКА). Это тренерское трио провело кардинальную реорганизацию национальной сборной — в нее вошли сразу десять дебютантов (единственный подобный случай за всю историю советского хоккея). Так, именно тогда в сборной появились столичные спартаковцы (хотя в сезоне-61 они заняли 6-е место) — их было трое: Борис и Евгений Майоровы и Вячеслав Старшинов. Появились два новых вратаря: Владимир Чинов («Динамо», Москва) и Виктор Коноваленко («Торпедо», Горький). Трое новых защитников, причем все из ЦСКА: Иван Трегубов, Александр Рагулин и Владимир Брежнев. И, наконец, двое новых нападающих: Виктор Цыплаков («Локомотив», Москва) и Владимир Юрзинов («Динамо», Москва). Из ветеранов в команде остались: пятеро армейцев — Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Константин Локтев, Вениамин Александров, Александр Альметов — и один локомотивец — Виктор Якушев. В таком составе наша сборная и отправилась на чемпионат мира и Европы в Швейцарии, который проходил в начале марта 1961 года.

Советская команда играла в три привычных звена, причем защитников было всего две пары, но они успевали играть во всех звеньях. Звенья выглядели следующим образом: 1) защитники — Николай Сологубов и Иван Трегубов, нападающие — Константин Локтев, Александр Альметов и Вениамин Александров (все — ЦСКА); 2) защитники — Александр Рагулин и Генрих Сидоренков (оба — ЦСКА), нападающие — Николай Снетков, Виктор Якушев и Виктиор Цыплаков (все — «Локомотив», Москва); 3) нападающие — Евгений Майоров — Вячеслав Старшинов и Борис Майоров (все — «Спартак»).

Начало турнира складывалось в нашу пользу — сборная СССР выиграла три первые игры: у США (13:2), Швеции (6:2), Финляндии (7:3). В воротах у нас стоял Чинов, который пропустил всего пять шайб. Но потом нам досталась сборная Чехословакии, которую наши ребята обыграть не сумели — 4:6. А сборной Канады мы и вовсе уступили со счетом 1:5. Чинов и здесь сыграл ненадежно, пропустив за два первых периода три шайбы (0:3). В итоге золотые медали мирового первенства (в 19-й раз) достались команде Канады (клуб «Трейл Смоук Итерс»), чемпионами Европы стали чехословаки, а наша сборная заняла 3-е место. Еще больший провал, чем при Тарасове.

Чернышев и Тарасов: начало триумфа

После этого фиаско перед советскими спортивными руководителями встала непростая дилемма — что делать с тренерами сборной: оставить или заменить новыми? Однако, где было взять новых, никто не знал. Для этого не годились ни Александр Новокрещенов, приведший к золотым медалям чемпионата СССР в 1962 году столичных спартаковцев, ни наставник «Локомотива» Анатолий Кострюков (4-е место в 1962 году), ни другие тренеры. Тогда было принято универсальное решение: объединить на тренерском мостике двух лучших наставников страны — Чернышева (главный тренер и стратег) и Тарасова (он должен был отвечать за подбор и подготовку игроков), который ранней весной 1962 года (в самом конце сезона) был восстановлен в должности старшего тренера ЦСКА. Отметим, что к тому времени в ЦСКА успело смениться сразу два тренера: Александр Виноградов и Евгений Бабич. Причем при первом армейцы весьма неплохо выступали, выигрывая все турниры, в которых участвовали. Но проблема была в другом — в дисциплине. В итоге грянул скандал. С одного из турниров (в Польше) армейцы вернулись… вдрызг пьяными и даже не смогли сойти на перрон Белорусского вокзала, где их ждали толпы поклонников и журналисты. Именно после этого случая Виноградов лишился своего поста и вместо него команду принял Бабич. Но это было временное назначение, поскольку и при нем с дисциплиной в ЦСКА дела обстояли не лучшим образом. Да и игра армейцев трещала по швам. Например, столичному «Динамо» они проиграли с разгромным счетом 5:14! Такого еще не бывало. Именно тогда в Минобороны и было решено вернуть в команду Тарасова, которого за глаза называли Сталиным за его жесткий нрав.

С возвращением Тарсова череда поражений ЦСКА закончилась и началась полоса сплошных побед — армейцы

выиграли подряд 17 матчей. После чего у Тарасова наконец дошли руки до бунтарей — тех хоккеистов, кто когда-то требовал его отставки. Все они были уволены из команды. Это были: Генрих Сидоренков, Владимир Васильев, Иван Трегубов, Виктор Глаголев и Владимир Киселев.

Самым именитым среди них был Трегубов. Причем он сам дал повод тренеру для своего увольнения. ЦСКА тогда играл в Омске, выиграл игру, и Трегубов решил отметить это дело в ресторане. Однако, едва он успел опрокинуть в себя первую рюмку любимого им напитка — коньяка, как перед ним вырос Тарасов. Тут же, в ресторане, он устроил хоккеисту публичный разнос и объявил, что тот уволен из команды. Когда ЦСКА вернулся в Москву, Тарасов поставил об этом в известность Федерацию хоккея СССР. А там смельчаков спорить с ним уже не нашлось. В итоге Трегубова на год отлучили от хоккея. И так поступили с игроком, который несколько месяцев назад на чемпионате мира был назван в тройке лучших игроков этого престижного международного турнира.

Трегубова выставляли из команды откровенно по-хамски. С него, столько лет приносившего славу как своему клубу, так и сборной (на чемпионатах мира его дважды называли лучшим защитником), стали требовать вернуть все, до нитки. Даже трусы с майкой. Но последняя на момент выдачи оказалась Трегубову мала, и он подарил ее знакомому офицеру. Трегубов предлагал оплатить потерю, но ему твердили: «Нам твои деньги не нужны! Верни майку!» Замену той майке Трегубов все-таки нашел, но унижение, которое он испытал, на долгие годы осталось занозой в сердце.

Между тем эта поспешная чистка тут же сказалась на игре ЦСКА — ослабленная команда стала проигрывать. В результате в сезоне 1961/1962 ЦСКА занял всего лишь 3-е место, пропустив вперед себя «Спартак» (это было его первое чемпионство) и «Динамо». Это был худший показатель армейцев за последние 10 лет. И привел к нему команду именно Тарасов, у которого чесались руки провести рокировки внутри клуба на самом излете сезона. Если бы не эта чистка, глядишь, не упустил бы ЦСКА чемпионство. Ведь отрыв по очкам у трех клубов был минимальный: спартаковцы финишировали с 65 очками, динамовцы набрали на одно очко меньше, а ЦСКА на два.

Кстати, та чистка способствовала приходу в ЦСКА нескольких талантливых игроков — например, Евгения Мишакова из московского «Локомотива» (сначала он попадет в команду СКА МВО, а спустя год его возьмут в ЦСКА, откуда он в конце 60-х попадет и в первую сборную страны). О том, как это случилось,

вспоминает тогдашний тренер «Локомотива» А. Кострюков: «Московский «Локомотив» вполне мог бы стать как минимум второй или третьей командой страны. Нам это было по силам. Мы имели прекрасное первое звено Валентин Козин — Виктор Якушев — Виктор Цыплаков. Я, естественно, понимал, что для решения максимальных задач нужна была вторая тройка, которая, как говорится, могла бы вести игру. И мы в этом направлении серьезно работали. Но, извините, нас грабили.

Еще в «Локомотиве» Евгений Мишаков рассматривался как кандидат в сборную. И у него была отсрочка от армии. Приходит он однажды ко мне и говорит — Анатолий Михайлович, мне повестка пришла из военкомата. Я, как нормальный человек, знающий, что с ним все в порядке, говорю — иди, Женя. Увы, больше в «Локомотиве» его не видели. Он позвонил мне прямо из военкомата и спросил — что делать, в армию забирают. Ну чем я ему мог помочь? Потом поступили в Спорткомитет СССР все необходимые документы, и Мишакову, как военнослужащему, разрешили играть в ЦСКА. Спрашиваю чуть позднее Анатолия Тарасова — как же могло так случиться. А он как ни в чем не бывало, с честными глазами отвечает с выражением — Толя, я ничего не знал. Артист был великий, врал без всякого стеснения. На его стороне сила была и власть. Делал все, что хотел…»

Чернышев и Тарасов на тренировке

Заметим, что иной раз ЦСКА все же был бессилен и не имел возможности забрать себе талантливых хоккеистов по причине их… хитрости. Так, например, случилось с игроком того же «Локомотива» Виктором Цыплаковым. Он играл в ведущем звене, и если бы его «захомутали», то железнодорожники лишились бы ударной тройки. Но Виктор поступил хитро: по совету своего напарника по звену Валентина Козина перевелся из Института народного хозяйства имени Плеханова в МИИТ, где была военная кафедра. Узнав об этом, Тарасов кусал себе локти, но нашел-таки возможность отмстить — под знамена сборной Цыплакова не призывал. Талантливый игрок попал туда лишь однажды, в 1961 году, когда команду тренировал не Тарасов, а Чернышев, взявший к себе в помощники тренера «Локо» Кострюкова. Потом в сборную вернулся Тарасов, и Цыплакова в нее больше не приглашали, хотя в 1965 году он станет лучшим бомбардиром чемпионата СССР (забьет 28 голов).

Но вернемся на некоторое время назад — в год 1962-й.

Скверный результат, показанный ЦСКА в чемпионате СССР, не закрыл Тарасову дорогу в сборную — именно тогда он туда и вернулся. Как показало будущее, это было весьма удачное

решение, поскольку в сборной Чернышев и Тарасов исповедовали две разные манеры игры: один — от обороны, другой — от нападения. Рассказывает А. Салуцкий: «Как тренер Аркадий Иванович Чернышев всегда славился тем, что придавал большое значение защитным функциям. Эту тактику нельзя назвать оборонительной, поскольку Чернышев огромное внимание уделял и нападению. Однако принципиальное отличие его тренерской концепции от идеи Тарасова состояло в том, что Аркадий Иванович не позволял защитникам чрезмерно активно подключаться к атаке и требовал от них всегда встречать противника на синей линии, чтобы не допустить его неожиданных прорывов. Зато крайние нападающие, наоборот, получали возможность все время находиться на острие атаки, редко возвращаясь в свою зону. Достойно восхищения то, что, несмотря на огромные перемены, произошедшие в мировом и советском хоккее с шайбой за минувшие три десятилетия, тактика игры московского «Динамо» явственно сохранила тенденции, заложенные Чернышевым. Это служит еще одним примером, иллюстрирующим творческое разнообразие советской школы хоккея, которая отвергает унификацию игрового почерка ведущих команд, как это происходит, например, в Канаде, где повсюду доминирует принцип силового давления и вбрасывания шайбы в зону противника.

Но в тренерских концепциях Чернышева и Тарасова было еще одно коренное различие — уже не тактическое, а, скорее, педагогическое. Анатолий Владимирович, как уже говорилось, являлся приверженцем «колхозного хоккея», требовал от игроков равного самопожертвования. Чернышев — принципиальный противник такого подхода. Ему принадлежат такие слова: «Я не помню случая, чтобы Бобров поймал шайбу на себя. Меня в то время это устраивало. Тарасов, чтобы компенсировать другие хоккейные качества, сам ложился под шайбу и требовал этого от других. Но если бы Всеволод лег под шайбу… Для меня Бобров был дороже. В него попадет шайба — он выбудет из игры, а это для команды большая потеря. Это заставляло меня не требовать от Боброва таких действий. Позже я и Александра Мальцева никогда не выпускал на поле, если команда играла в меньшинстве, вчетвером против пятерых. Мальцев не для этого создан. Он умница, его надо использовать, когда у противника четыре человека. Зачем же таких хоккейных «генералов», как Бобров или Мальцев, пускать в пехотную атаку?..»

Об оборонительной тактике «Динамо» 60-х годов защитник этого клуба В. Давыдов рассказывал следующее: «В те годы «Динамо» пользовалось в защите так называемым «частоколом».

Четыре игрока располагались на своей синей линии, а пятый впереди старался пристроиться к сопернику с шайбой, замедляя чужую атаку. Это был пассивный метод обороны, так как инициатива без борьбы отдавалась соперникам…»

Соединив два направления — чернышевское и тарасовское, можно было получить весьма достойный результат. Так, собственно, и выйдет. Однако не сразу. Почему? Дело в том, что тандем Чернышев — Тарасов должен был дебютировать на чемпионате мира и Европы в Колорадо-Спрингс (США) в марте 1962 года. Но сборная СССР туда не поехала по политическим мотивам. В те дни произошел Берлинский кризис, после которого американские власти отказались выдать въездные визы сборной ГДР. В знак протеста отказались приезжать на чемпионат сборные других социалистических стран — СССР и ЧССР. Чемпионами мира в итоге стали шведы. Тем самые, с которыми наши ребята сыграли две товарищеские игры за месяц до чемпионата и обе выиграли (4:0 и 4:3).

Отметим, что сборная Швеции комплектовалась несколько иначе, чем сборная СССР, где костяк игроков (берем для примера сборную образца 1961 года) составляли хоккеисты из четырех ведущих клубов Москвы: ЦСКА (8 игроков), «Спартака» (3 игрока), «Локомотива» (3 игрока) и «Динамо» (2 игрока). У шведов, которых тренировали Арне Стремберг и Пер Бергстрем, «золотая» сборная была укомплектована игроками из семи команд, причем костяк ее составляли вовсе не чемпионы страны из стокгольмского «Юргордена», который побеждал в период 1958–1963 годов. Из этой команды в сборной Швеции был всего лишь один игрок — защитник Роланд Стольтц. Остальные игроки представляли следующие клубы: «Шеллефтео» (Шеллефтео) — 3 игрока (вратарь Л. Хеггрут, нападающие А. Андерссон, Э. Метя), «Вестра Фрелунда» (Гетеборг) — 2 игрока (нападающие Р. Петтерсон, Л. Э. Лундвалль), «Форсхага ИФ» — 2 игрока (нападающие Н. Нильссон, У. Стернер), «Седертелье» (Седертелье) — 1 игрок (вратарь Челль Свенссон, который в 70-е годы станет тренером сборной), «Евле ГИК» (Евле) — 1 игрок (защитник Г. Блуме), «Вифста эстранус» — 1 игрок (защитник Б. У. Нурдландер), «Модо АИК» (Эрншельдсвик) — 1 игрок (защитник Н. Юханссон). Итого получилось 8 клубов.

Но вернемся к сборной СССР.

Дебют Чернышева и Тарасова состоялся спустя год — в марте 1963 года на чемпионате мира и Европы в Швеции. С этого момента начнется «золотая эпоха» советской сборной по хоккею на мировых турнирах, которая продлится целых девять лет.

На чемпионат в Швеции советские тренеры взяли 17 игроков.

И снова большинство из них (правда, не такое подавляющее, как раньше) были из ЦСКА — 6 человек: Эдуард Иванов, Александр Рагулин, Виктор Кузькин, Николай Сологубов, Александр Альметов, Вениамин Александров. Далее шли динамовцы — пять человек: Борис Зайцев (вратарь), Виталий Давыдов, Владимир Юрзинов, Станислав Петухов, Юрий Волков, потом спартаковцы — три человека: Борис и Евгений Майоровы, Вячеслав Старшинов. По одному человеку были представлены: «Торпедо» (Горький) — Виктор Коноваленко (вратарь), «Локомотив» (Москва) — Виктор Якушев, «Кристалл» (Электросталь) — Юрий Парамошкин (один из лучших бомбардиров первенства СССР-1963, забивший 25 голов).

Наша команда играла двумя парами защитников и тремя звеньями нападения: 1) защитники Александр Рагулин и Эдуард Иванов, нападающие — Виктор Якушев, Александр Альметов и Вениамин Александров; 2) защитники — Виктор Кузькин и Виталий Давыдов, нападающие — Евгений Майоров, Вячеслав Старшинов и Борис Майоров; 3) нападающие — Станислав Петухов, Владимир Юрзинов и Юрий Волков.

Отметим, что именно с чемпионата мира и Европы 1963 года началась регулярная телетрансляция этих турниров на Советский Союз (до этого велись радиорепортажи — с 1954 года). А решилась судьба золотых медалей турнира в самый последний день 17 марта, когда сборная СССР встречалась с командой Канады (клуб «Голт Терръерз»), а шведы играли с чехословаками. К тому моменту у наших было 10 очков, у шведов на два больше. Сыграй последние свой матч вничью, и они становились чемпионами. Однако выиграла сборная ЧССР с минимальным перевесом 3:2.

Заметим, что сборная Швеции привезла на чемпионат практически тот же состав, что стал «золотым» на прошлогоднем турнире. Новичков было трое: нападающие Карл Еран Эберг, Ханс Мильд и Пер Улоф Нильссон. И снова игроков из клуба-чемпиона — стокгольмского «Юргордена» — было немного — всего двое: Рональд Стольтц и Карл Еран Эберг.

У чехословаков была иная история. Там лучшим клубом страны в те годы был ЗКЛ (Завод куличковых ложичек) из Брно (до 1962 года он представлял МВД и назывался «Руда гвезда» — «Красная звезда»), который становился чемпионом последние несколько лет (1955–1958, 1960–1963). Этот клуб в сборной ЧССР образца 1963 года представляли пять игроков: защитник Рудольф Потч, нападающие Ярослав Иржик, Франтишек Ванек, Йозеф Черны и Властимил Бубник. Помимо ЗКЛ в чехословацкой сборной были представлены еще шесть клубов: «Слован»

(Братислава) — 3 игрока: вратарь Владимир Дзурилла, защитник Франтишек Грегор, нападающий Ян Старши (в 70-х он станет одним из тренеров сборной ЧССР); ВЖКГ (Витковицкий металлургический комбинат в Остраве) — 3 игрока: вратарь Йозеф Миколаш, защитник Ян Каспер, нападающий Мирослав Влах; «Шкода» (Пльзень) — 1 игрок: защитник Станислав Свентек; «Тесла» (Пардубице) — 1 игрок: нападающий Иржи Долана; «Спарта» (Прага) — 1 игрок: нападающий Людек Букач. Тренировали сборную ЧССР Иржи Антон и Владимир Костка.

Итак, советская сборная встречалась с канадской и наших ребят устраивала только победа. О том, как проходила эта игра, рассказывает журналист С. Вайханский: «Меньше минуты оставалось до конца заключительного матча, а счет был 4:0 в нашу пользу. Однако канадцы не были бы канадцами, если б все так и закончилось. За 43 секунды до финальной сирены они «размочили» счет. За 18 секунд до конца последовало удаление в нашей команде. Судорожно пытавшийся любой ценой остановить игру Эдуард Иванов, распластавшись на «пятачке», подгреб под себя шайбу рукой. А еще через 7 секунд был удален Старшинов. Оставшиеся 11 секунд наши вынуждены были теперь обороняться втроем против шести канадцев, снявших вратаря, и эти мгновения казались всем нам, прильнувшим к телевизионным экранам, вечностью. А если учесть, что еще предстояло пережить, то так оно и было! За три секунды до конца канадцы все же дожали нашу оборону, и счет стал критическим — 4:2. Отчаяние не успело завладеть свидетелями этой драмы только потому, что сработала сирена. Так сборная СССР через семь лет после победы в Кортина-д'Ампеццо вновь стала чемпионом мира…»

Чернышев и Тарасов комплектовали сборную по клубному звеньевому принципу. В ней было армейское звено нападения (Альметов — Александров, с которыми одно время играл локомотивец Виктор Якушев, но с декабря 1963 года его заменил армеец Константин Локтев), спартаковское (Б. Майоров — Старшинов — Е. Майоров), динамовское (Петухов — Юрзинов — Волков). Однако игрой последнего Тарасов был недоволен, хотя оно забивало наравне со всеми: например, на мировом турнире в 1963 году все три тройки нападения забили по 14 шайб. Вполне был удовлетворен игрой своих подопечных и Чернышев. Но Тарасов все же настоял на том, чтобы разбавить это звено армейцем, на роль которого был выбран новичок сборной Анатолий Фирсов. Получилось звено Волков — Юрзинов — Фирсов. Оно должно было отправиться на зимние Олимпийские игры в Инсбруке в феврале 1964 года, а обкатку прошло за две недели до этого — 15 января во время товарищеского матча в

Москве СССР — Канада. Дебют оказался более чем успешным: наши победили 8:1, причем половину шайб советской сборной забили хоккеисты нового звена: Юрзинов (две) и Фирсов (две). Однако сыграть вместе на Олимпиаде этому звену было не суждено. Почему? Буквально за несколько дней до отъезда нашей сборной в Инсбрук Юрзинов лег в больницу с острым аппендицитом. В итоге вместо него в звено был введен Виктор Якушев. Но, самое интересное, это звено и в таком виде «выстрелило» лучше всех — забило 21 шайбу (Якушев — 9, Волков и Фирсов — по 6), в то время как две другие тройки нападения (Локтев — Альметов — Александров и Б. Майоров — Старшинов — Е. Майоров) забили по 18 шайб.

Среди наших защитников лучшим стал армеец Эдуард Иванов, который в восьми матчах олимпийского турнира забил 6 шайб (столько же, сколько забили все остальные наши защитники, вместе взятые). Вот почему на Директорате Игр Тарасов требовал назвать своего подопечного лучшим игроком турнира, однако таковым был назван игрок чехословацкой сборной Франтишек Тикал. Однако Иванов все равно свою награду получил: наши тренеры отдали ему приз, врученный Борису Майорову, которого назвали лучшим нападающим турнира. Кстати, его выиграла сборная СССР, тем самым взяв реванш за поражение четырехгодичной давности.

Именно после этого триумфа наставники советской сборной убедили спортивные власти, что их команде по силам сражаться не только с любителями, но и с профессионалами из Канады. И во время торжественного приема в Кремле, где чествовали наших олимпийцев, глава государства Н. Хрущев поинтересовался у Тарасова, действительно ли тот готов вывести своих подопечных против профессионалов. Тарасов ответил утвердительно. После чего Хрущев дал отмашку, разрешающую готовиться к подобным матчам. Как мы знаем, таковые пройдут восемь лет спустя, когда Хрущева уже не будет в живых, а Тарасова отстранят от руководства сборной. Впрочем, не будем забегать вперед.

Вскоре после Олимпиады-64 Тарасов пробил в жизнь и другой проект — создание ежегодного турнира для детей под названием «Золотая шайба» (эта инициатива была поддержана Федерацией хоккея СССР, а также ЦК ВЛКСМ и газетой «Пионерская правда»). Посредством этого турнира он собирался выявлять юные таланты, которые впоследствии должны были составить гордость советского хоккея, влившись в клубные команды, а оттуда и в сборные. Этот турнир начнет проводиться с 1965 года среди дворовых команд, причем на протяжении семи лет соревнования организовывались для 13—15-летних юных

хоккеистов без разделения участников по возрасту. Потом введут две возрастные группы — 10–12 и 13–14 лет, а с 1975 года появится группа 15–16 лет. Именно в 75-м автор этих строк и стал участником «Золотой шайбы», играя за жэковскую команду Бауманского района. На первенстве Москвы мы заняли 4-е место. Золотое было время! Впрочем, это совсем другая история, поэтому вернемся к взрослому хоккею.

«Качать Тарасова!» После победы на Олимпиаде в Инсбруке (1964)

Байки Тарасова

Тарасов написал несколько книг, в которых поведал миру о своем нелегком тренерском труде, а также рассказал о взаимоотношениях с хоккеистами: где-то простых, где-то сложных. Причем многие из этих игроков, о ком рассказывал Тарасов, позднее опровергали эти рассказы, заявляя, что они рассказаны исключительно с тарасовской колокольни. Поэтому если у кого-то была такая возможность, то они старались рассказать свою версию подобных, как они сами их называли, «баек Тарасова». Вот лишь одна такая история, которую мы начнем с рассказа Тарасова, опубликованного им в книге «Совершеннолетие» (1970):

«Глубокой осенью 1962 года, готовясь к первенству мира, мы совершали турне по Канаде. Команда наша, выступающая в значительно обновленном и омоложенном составе, играла успешно: в десяти встречах мы добились девяти побед.

Но вот стало известно, что три наших нападающих — Александр Альметов, Константин Локтев и Виктор Якушев, нарушая обет, данный торжественно коллективу, тайком курят.

Собрание команды было бурным. Все трое клятвенно заверяли, что никогда никаких срывов спортивного режима они не допустят. Что нужно было делать — простить нарушителей или наказать их?

Считаю, что решение тогда было принято правильное: Альметова и Якушева оставили в команде условно, до первого замечания. А капитана команды Локтева из сборной вывели. Ведь он был капитаном! И, поймите правильно, отчислили не только за курение. А за обман коллектива. За нарушение клятвы. За то, что, будучи капитаном, служил плохим примером для молодых игроков…

Хочу отметить, что спустя некоторое время Константин вернулся в сборную. Своей игрой, своим отношением к товарищам, строгим исполнением всех требований коллектива он честно заслужил это право. А в сезоне 1966 года он был признан

лучшим нападающим мира. Наказание не убило его, а помогло ему выровняться, повзрослеть. И это еще раз подтвердило справедливость нашего решения…»

А теперь заглянем в книгу спортивного журналиста Е. Рубина (он работал в газете «Советский спорт») «Пан или пропал!» (2000), где он пишет следующее:

«Осенью 1963 года Локтева амнистировали и вернули в сборную. При встрече я его поздравил и спросил:

— Курить-то ты бросил? Костя усмехнулся и сообщил мне еще одну быль о своем мэтре (Тарасове . — *Ф. Р.*).

— Вызвал он меня к себе и спросил, знаю ли, за что изгнан из сборной. Я ответил, что знаю — за курение. «Вот и дурак, — говорит. — Вспомни прошлый год и Свердловск. Вспомнил? Тогда можешь идти. Ты прощен». Конечно, я вспомнил. У меня в этом городе есть друзья — муж с женой. Я их пригласил на матч, провел на трибуну, а там ни одного свободного места. Я раздобыл два стула, поставил их за нашей скамейкой запасных и усадил гостей. Тарасов увидал, что рядом с командой посторонние, и начал на них кричать: мол, безобразие, подослали к нам местных шпионов. Я сказал что-то резкое. Он промолчал, но поглядел на меня косо. У меня и в мыслях не было, что он мне будет мстить.

И месть эта была жестокой. Бог с ней, с золотой медалью, без которой остался Локтев. Но он потерял причитавшиеся ему суточные и тысячерублевую премию. А мог, пропустив сезон, навсегда потерять место в сборной: ему ведь уже было почти 30 лет…»

Женсовет Тарасова

У тренера Тарасова было много различных нововведений (как сказали бы сейчас — ноу-хау). Например, в ЦСКА он изобрел так называемый женсовет: неофициальный орган, в который вошли жены игроков армейского клуба. Сделано это было не случайно, а с прицелом. Будучи прекрасным психологом, Тарасов понимал, что его влияние на хоккеистов заканчивается за пределами спортивной площадки, после чего у игроков появляются другие «тренеры» — их жены. Именно их он и решил прибрать к своим рукам, чтобы они помогали ему держать в узде игроков и вне ледового поля. Для этого он периодически собирал женсовет и говорил, к примеру, следующее: «Я заметил, что у вас давно не было новых шуб. Но с тем подходом, который сложился у ваших мужей к тренировочному процессу, новых шуб у вас еще долго не будет. Поэтому я предлагаю сделать следующее. Поговорите со своими вторыми половинами и объясните им их задачу. Кое-кто из них считает, что я с ними слишком суров и требователен. Но я хочу лишь одного, вернее двух: чтобы мы были самой сильной командой в мире и чтобы вы меняли свои шубы как можно чаще». Естественно, что после такого спича жены шли домой и брали инициативу в свои руки — объясняли мужьям, кто в доме хозяин.

Однако не все хоккеисты соглашались на то, чтобы их жены состояли в тарасовском женсовете. Одним из таких игроков в начале 60-х был защитник Иван Трегубов по прозвищу Иван Грозный. С ним у Тарасова были сложные отношения, поскольку Трегубов имел смелость не позволять тренеру садиться себе на шею. Тарасов, конечно, рад бы был избавиться от Трегубова, но больно хорошо тот играл. Только это и удерживало тренера от его увольнения из команды, хотя поводов к такому повороту событий было предостаточно. Например, Трегубов стал частенько нарушать режим — прикладывался к бутылке, — а для такого человека, каким был Тарасов, это было равносильно предательству на поле боя.

Ситуация не изменилась даже тогда, когда Трегубов женился

и переехал к жене в подвальную комнату на Неглинной. Более того, вскоре и сама жена защитника Ольга стала участвовать в застольях мужа. Чтобы контролировать ситуацию, Тарасов и решил ввести Ольгу в женсовет команды. Но Трегубов осадил тренера самым решительным образом. Когда тот пришел к нему домой с этим предложением, он заявил, что его жена ни в какие женсоветы не пойдет. Гостя это заявление задело. «Я старший тренер, в конце концов!» — попытался он воздействовать на защитника аргументом, который частенько срабатывал в общении с другими подопечными. Однако с Трегубовым этот номер не прошел. Он заявил: «Ольга — моя жена, и в этом доме я хозяин!» В итоге гость ушел от них несолоно хлебавши.

Раз уж речь зашла о личном, самое время рассказать о второй половинке самого Тарасова — его жене Нине Григорьевне. Они познакомились в Московском институте физкультуры в 1939 году. Она там училась, а Тарасов уже посещал курсы Высшей школы тренеров. Их институт каждый год участвовал в физкультурном параде, и однажды летом они выехали в Серпухов, на Оку, и тренировались. Одна палатка для парней, другая — для девчонок. Причем их тогдашняя программа называлась «Если завтра война…». Нина делала всякие гимнастические упражнения, а Тарасов держал деревянный настил, по которому гоняли мотоциклисты. А вечерами ребята из тренерской школы приходили к девчатам с гитарами, пели песни. Именно там они впервые и обратили внимание друг на друга. Стали встречаться.

Когда Тарасов закончил обучение, Нина училась на четвертом курсе. И чтобы не потерять друг друга, они решили пожениться. Выглядело это просто: они пошли в Бауманский райисполком и записались в книгу регистрации браков. После чего отправились в институтскую столовую и заказали себе… бефстроганов. В обычные дни они на такое блюдо не расщедривались, но тут был особый случай! По дороге новоиспеченный муж купил мне несколько гвоздик и красивую вазочку. С ней Нина и вернулась в общежитие. А Тарасов тем же вечером… уехал в Одессу. Его пригласили поработать тренером в местную футбольную команду «Динамо». Он только успел забежать домой и написать записку: «Мама, я, кажется, женился!» И виделись супруги весь следующий год, только когда команда Тарасова приезжала в Москву. Зато он всегда привозил жене подарки — туфли и босоножки, с которыми в столице было плохо.

В 1941 году у Тарасовых родился первенец — дочь Галя. А шесть лет спустя на свет появилась еще одна дочка — Таня,

которая впоследствии пойдет по стопам отца и тоже станет тренером, но в фигурном катании. Как вспоминала Н.Г. Тарасова: «Анатолий Владимирович очень хотел сына и, когда у нас родилась вторая дочка, Татьяна, сразу решил: раз уж не малый и хоккеиста в семье не будет, пусть дочка на фигурное катание идет. Встать на коньки — это обязательно! Когда Тане исполнилось пять лет, мы все вместе поехали на стадион Юных пионеров и устроили ее в секцию, — рассказ Нины Григорьевны приближается к завершению. — Татьяна увлеклась коньками сразу и безумно. На тренировки бегом бежала. Был случай, она так спешила запрыгнуть в трамвай, что просунула голову в вагон, когда двери сошлись! Несколько метров ей пришлось бежать рядом с зажатой головой, пока трамвай не остановили. Зимой Таня занималась и на катке рядом с домом. А отец придирчиво следил с балкона за ее успехами. Очень серьезно и строго относился к ее занятиям…»

Чернышев против Тарасова… в кино

Как ни странно, но, несмотря на прекрасные результаты сборной, Чернышев и Тарасов не особенно ладили друг с другом. Говорят, что Тарасов называл своего партнера по сборной «художником» (нечто вроде «ботаника» сегодня), а иногда и «Адькой-дурачком». Видимо, ему не давало покоя то, что в сборной игроки его уважали, но это уважение зижделось на страхе, в то время как в отношении Чернышева это уважение было завоевано через любовь. В газетах тех лет об этом, правда, не писали, однако в спортивных кругах о непростых отношениях между этими тренерами знали многие. Вот как об этом рассказывает бывший тренер «Спартака» Н. Карпов: «В чемпионате Тарас Чернышева делал. А вот как приезжают на первенство мира, Тарасов начинает команду гонять до полусмерти. Ребята идут к Чернышеву: «Успокойте его, сил больше нет». Тот бросает: «Толя, хватит!» Игру сборной вел Чернышев. Тарас только за спинами метался: «Снимай его, Аркадий Иваныч!» Чернышев терпит-терпит, потом повернется: «Толя, иди отсюда на…» Короче, они друг друга терпеть не могли! Как кошка с собакой!..»

В 1964 году об этих непростых отношениях узнали и миллионы болельщиков, посмотревшие художественный фильм «Хоккеисты», снятый на «Мосфильме» режиссером Рафаилом Гольдиным. Но сначала расскажем о предыстории этого фильма.

В 1964 году Тарасов уволил из ЦСКА одного из ветеранов команды — защитника Николая Сологубова, которому на тот момент было уже 40 лет. В ЦСКА он играл с 1949 года и девять раз становился с ним чемпионом СССР. Кроме этого он был дважды чемпионом мира, шестикратным чемпионом Европы, один раз завоевывал олимпийское золото. Несмотря на возраст, он был в хорошей форме и в 1963 году, в возрасте 39 лет, стал чемпионом мира и Европы. Правда, сыграл на том турнире всего один матч (против сборной ФРГ), но отметился голом (наши выиграли 15:3). Сологубов был единственным в мире хоккеистом,

кого ЛИХГ трижды признавала лучшим защитником чемпионата мира (1956, 1957, 1960). Он долгие годы был капитаном ЦСКА и сборной СССР и пользовался среди товарищей непререкаемым авторитетом. Собственно, именно этим он и не нравился Тарасову, поскольку мог позволить себе выступить против его тренерского диктата. Во многом именно это, а не возраст, и стало поводом к тому, чтобы Сологубов был уволен из ЦСКА и переведен в своего рода фарм-клуб этой команды — СКА МВО. Именно эта отставка и стала поводом к тому, чтобы в том же 1964 году на главной киностудии страны появился на свет фильм «Хоккеисты». Этому способствовала и политическая обстановка в стране, когда осуждение сталинизма получило новый импульс после XXII съезда КПСС в 1961 году, а Тарасова, как мы помним, за глаза называли «Сталиным в хоккее». Например, в советском кинематографе точно так же именовали знаменитого кинорежиссера Ивана Пырьева, за что в том же 1964 году он был подвергнут публичной обструкции (вышла разгромная статья о нем в «Известиях») и снят с руководства «Мосфильмом». Короче, руководителям с диктаторскими замашками в тот период приходилось несладко.

Сюжет «Хоккеистов» был незатейлив и у большинства хоккейных болельщиков не оставлял никаких сомнений относительно прототипов героев. В столичную команду «Ракета» приходит новый тренер Лашков (актер Николай Рыбников), который ни в грош не ставит чувства людей и гонится исключительно за результатом. В итоге он решает уволить из команды лучшего нападающего — ветерана команды. За этого игрока горой встает его друг и партнер по звену Анатолий Губанов. Отметим, что эта фамилия герою была выбрана не случайно, а с намеком: игроков ЦСКА Ивана Трегубова (как мы помним, его Тарасов уволил в 1962 году) и Николая Сологубова, которые крепко дружили друг с другом, за глаза называли «братьями Губовыми». Так вот, Губанов говорил тренеру Лашкову те самые слова, которые Трегубов как-то сказал Тарасову: «Вы, конечно, тренер выдающийся, настоящий знаток хоккея, но вы не любите людей». В итоге этого конфликта побеждают игроки. В жизни, как мы знаем, все произошло наоборот: «братьев Губовых» уволили, а Тарасов остался.

Афиша фильма «Хоккеисты»

Сценаристом фильма выступил писатель Юрий Трифонов, который дружил с «братьями Губовыми» и хорошо знал всю подоплеку происходивших в ЦСКА конфликтов. Тема была очень актуальной по тем временам, когда шла борьба с так называемым «культом личности» во всех сферах общества: с одной стороны,

тренер-диктатор, которого люди за глаза называли «Сталиным в хоккее», с другой — игроки с независимыми и свободолюбивыми характерами. Консультантами в картину были приглашены вечные соперники армейцев — динамовцы Аркадий Чернышев и Виктор Тихонов. Так что своим участием в этом фильме Чернышев ясно демонстрировал спортивной общественности, как он относится к тем методам, которые практиковал Тарасов в своих взаимоотношениях с игроками.

Самое интересное, но после выхода фильма на экраны страны (в феврале 1965 года) Чернышев и Тарасов продолжали руководить сборной СССР и ничем не выдавали того, что между ними существует какой-либо конфликт. Может быть, его и вовсе не было, а история с фильмом «Хоккеисты» не имела к ним никакого отношения?

Между тем именно наличие в нашей сборной тренеров, у которых были диаметрально противоположные мировоззрения — авторитарный (Тарасов) и демократический (Чернышев) — и позволило советскому хоккею стать сильнейшим в мире. Впрочем, и сама советская система была тогда сильна именно этим — сплавом авторитаризма и демократии, которые опирались на сильную идеологию. В спорте авторитаризм делал из спортсменов послушных воле тренера людей, готовых ради великой цели на настоящее самопожертвование. Именно этим объясняется то, что только в СССР прижилась «система сборов» — когда спортсменов на долгие месяцы закрывали на спортивной базе, где они постоянно тренировались. Эти тренировки потом приносили фантастические результаты. Вот как это выглядело в хоккее, со слов В. Акопяна: «Очевидным достоинством нашего хоккея перед любым его зарубежным оппонентом, особенно канадским, был «сборный» принцип существования клубов высшей лиги и, естественно, сборной страны. Практически весь класс «А» находился на постоянных сборах. Игроки команд (да и не только они) каждый год пребывали в своеобразной 10– или 11-месячной командировке. Не только военные (ЦСКА, «Динамо», СКА), но и гражданские (профсоюзные) клубы оставались все это время на казарменном положении. Спортсмены не принадлежали себе, всецело были подчинены коллективной дисциплине команды. Не только молодые спортсмены, всегда составляющие большинство коллектива, но и зрелые семейные люди (тренеры, врачи, массажисты, администраторы, спортсмены-ветераны) были надолго выключены из полноценной человеческой жизни. Они, как и члены их семей, годами беззаветно служили только хоккею, стойко снося многочисленные житейские неудобства. В этом командном и авторитарном принципе руководства и

существования команд заключалось априорное преимущество нашего хоккея перед зарубежным. Именно такой образ жизни хоккеистов в условиях непрекращающихся или чередующихся сборов и поездок определял характер сезонного календаря и огромный удельный вес тренировочных занятий в общей занятости спортсменов хоккеем. Только благодаря этому преобладанию тренировок советский хоккей сумел за короткий срок преодолеть историческое отставание от мирового, прежде всего, канадского. Много и качественно тренируясь, наши хоккеисты позднее создали задел для постоянных и более частых побед над канадскими профессионалами всех рангов (клубы, сборные). Но именно в силу такого уклада работы и жизни нашего хоккея спортивный век даже самых талантливых и одержимых в труде советских хоккеистов был, как упоминалось выше, на удивление коротким — до 31–32 лет. Львиную долю своего труда и сил они отдавали в ходе карьеры тренировочным занятиям…»

Тарасов против Боброва и Эпштейна, или Как и почему отцепили Евгения Майорова

Еще в 1963 году к руководству московского «Спартака» пришел давний антагонист Тарасова Всеволод Бобров. Как мы помним, он когда-то (в конце 40-х) играл в одном звене с Тарасовым, но очень быстро с ним разругался. И когда в 1958 году Тарасов сменил на тренерском мостике в сборной СССР Чернышева, Бобров тут же повесил коньки на гвоздь, хотя до этого блестяще играл в сборной несколько сезонов и был капитаном команды. Но играть под руководством Тарасова было выше его сил.

Уйдя из хоккея, Бобров вновь вернулся в футбол — стал тренером футбольной команды ЦСК МО, которая при нем завоевала сначала 5-е (1957), затем 3-е (1958) места в чемпионате страны. Затем Бобров уехал из Москвы в Одессу — тренировать местный «Черноморец», который выступал во второй лиге. Но больших высот с этим клубом Бобров не завоевал, поэтому в начале 60-х вернулся в Москву. И очень скоро был приглашен на должность старшего тренера хоккейного «Спартака», который в 1962 году, при тренере Александре Новокрещенове, впервые сумел стал чемпионом страны (отметим, что тот руководил командой всего два года, причем пришел в нее после того, как в сезоне 1959/1960 она заняла… 17-е место из 18 существовавших). Однако в следующем году (1963) «Спартак» занял 3-е место, что стало поводом к смене тренеров — на место Крещенова был назначен Бобров. Может быть, потому, что все в Спорткомитете знали о вражде Боброва с Тарасовым и надеялись, что она станет дополнительным стимулом к тому, чтобы «Спартак» при новом руководителе смог бросить серьезный вызов ЦСКА. Однако с первого захода это сделать не удалось: в 1964 году спартаковцы вновь вынуждены были довольствоваться 3-м местом, пропустив вперед себя ЦСКА Тарасова и «Динамо» Чернышева. Кстати,

обоим этим тренерам Бобров и его подопечные проиграли: ЦСКА — 2:4 и 4:8, «Динамо» — 3:9 и 4:8. У «Спартака» была одна супертройка — Борис Майоров — Вячеслав Старшинов — Евгений Майоров, в которой главным «забивалой» был Старшинов — в сезоне-64 он забил 34 шайбы, заняв 3-е место в списке лучших бомбардиров (возглавляли его армейцы: Александр Альметов — 40 шайб, Вениамин Александров — 39 шайб).

У динамовцев лучшим «забивалой» был Станислав Петухов, на счету которого была 21 шайба. Но «Динамо» Чернышева исповедовало, как мы помним, игру от обороны, поэтому шайб забивало меньше, чем ЦСКА и «Спартак»: всего 152 шайбы против 246 армейских и 165 спартаковских. Но эта тактика позволяла им и мало пропускать: 2-е место после ЦСКА — 96 пропущенных шайб (у армейцев этот показатель равнялся 84 шайбам).

Все вышеназванные игроки (кроме Е. Майорова и С. Петухова) были приглашены Тарасовым и Чернышевым в сборную СССР, которая в 1965 году на чемпионате мира и Европы в Финляндии в третий раз подряд завоевала золотые медали. Причем на том чемпионате наши ребята выиграли все семь матчей, после чего довели серию выигранных матчей сборной СССР на чемпионатах мира до 19. Это был рекорд — таких достижений не имели даже недавние фавориты мировых турниров канадцы.

Кстати, если отсутствие Петухова еще можно было назвать справедливым (в сборной у него не было своего постоянного звена), то вот в отношении Майорова этого сказать было нельзя. В родном «Спартаке» и сборной он играл с постоянными партнерами: со своим родным братом Борисом Майоровым и Старшиновым. Эта тройка считалась ведущей в «Спартаке» и в сезоне 1964/1965 забросила больше 60 шайб, а «Спартак» завоевал серебряные медали. Почему же Евгений Майоров, который привлекался в сборную с 1963 года, на этот раз не удостоился такой чести? Все дело было в Тарасове, который захотел заменить его игроком своего клуба, ЦСКА, Анатолием Ионовым. Тренеру показалось, что Майоров в том сезоне играет значительно слабее Ионова и поэтому будет лучше, если в сборной эта спартаковская тройка заиграет в новом составе. Перечить тренеру никто не посмел. А тройка Ионов — Старшинов — Майоров забила на чемпионате 15 шайб, хотя на прошлогоднем мировом первенстве на их счету было на три заброшенных шайбы больше.

Кстати, на мировом турнире в Финляндии самым главным «забивалой» стал игрок сборной ЧССР Ярослав Иржик из клуба ЗКЛ (Брно), забросивший 8 шайб (+ 4 голевые передачи). Наши

игроки Локтев и Альметов забили по семь шайб.

Также отметим, что на тренерском мостике в сборной ЧССР на том чемпионате произошла рокировка. До этого на протяжении двух последних лет командой руководили Владимир Костка и Иржи Антон. Причем Костка пришел к руководству национальной команды в 1961 году, когда сборная ЧССР сумела стать чемпионом Европы (вторым тренером был Зденек Андршт).

Костка никогда не тренировал какой-либо чехословацкий хоккейный клуб, однако считался ведущим теоретиком чехословацкого хоккея, профессором Карлова университета в Праге, деканом факультета физического воспитания и спорта. С первой сборной он начал работать еще в 1956 году.

Что касается Владимира Боузека, то он был родом из южноморавского Тржебича, когда-то играл в футбол и хоккей в первой лиге, причем в обоих популярнейших видах спорта он выступал в форме национальной сборной. В 1949 году он даже стал чемпионом мира по хоккею. Боузек тренировал брненскую «Комету» во времена ее высочайшего взлета, а затем — сборные ГДР и ФРГ. Боузек, в отличие от Костки, считался выдающимся практиком. Как отмечали люди, близко знавшие его, будучи всегда в шляпе (даже на тренировках), он замечательно воздействовал на психическое состояние игроков— до матча и в ходе его. Он умел объяснить своим подопечным их способности, их талант, традиции их клуба, преимущество «своих стен».

Он умел активизировать команду, сплачивать ее, регулировать межличностные отношения в коллективе и устранять разногласия. Этот профессиональный преподаватель физкультуры знал педагогику, умел выслушивать игроков и вместе с ними искать решение их частных проблем.

Все это позволило Боузеку стать одним из лучших тренеров за всю историю чехословацкого хоккея — под его руководством клубные команды (причем не только в родной Чехословакии, но и в ГДР и ФРГ) 13 раз становились чемпионами страны. К руководству сборной ЧССР Боузек однажды уже привлекался — в 1954–1956 годах — и тогда высшим достижением для сборной стало 3-е место в 1955 году. А когда в 1965 году Боузек снова встал у руля сборной, команда сумела завоевать серебряные медали (после прошлогодней бронзы это было несомненным шагом вперед). Тот же результат Боузек и Костка повторят и в следующем году, о чем мы еще расскажем, а пока вернемся в год 1965-й.

Спустя месяц после завершения мирового турнира закончился чемпионат СССР по хоккею (21 апреля 1965 года). Золотые медали вновь достались хоккеистам ЦСКА, а вот при

распределении остальных мест произошли изменения. Бессменный (на протяжении трех лет) обладатель второго места «Динамо» откатилось на 4-е место, а вместо него вторым стал «Спартак» Всеволода Боброва, который в том сезоне проиграл ЦСКА три игры (1:9, 2:5, 0:6) и одну игру сгонял вничью (1:1). Зато с «Динамо» спартаковцы сыграли куда лучше: две встречи выиграли (2:1, 5:3), одну проиграли (2:6) и одну свели к ничьей (3:3).

На 3-м месте в чемпионате впервые оказался воскресенский «Химик», который тренировал Николай Эпштейн — еще один антагонист Тарасова. Эпштейн исповедовал оборонительную тактику игры «1 + 4», что означало: один игрок в нападении и четверо в защите. Поэтому ЦСКА редко когда выигрывал у воскресенцев с крупным счетом. Например, в том сезоне 1964/1965 армейцы дважды выиграли у «Химика» с минимальным счетом 2:1, в двух других победили 8:3 и 8:5.

Рассказывает В. Акопян: «Терпеливо-выжидательная тактика игры «Химика» «от обороны» приносила ему немало заслуженных побед. А для ЦСКА такой хоккей был почти убийственным. Армейцы побеждали воскресенцев реже, чем другие команды класса «А». Результативность хоккеистов ЦСКА в этих играх была непривычно низкой. Избавляться от «воскресенского синдрома» Тарасову доводилось нечасто. Лишь к концу своей карьеры ему удалось придумать действенное противоядие для хоккея выжидания и уловок. Хоккей «от обороны» Тарасов называл разрушительным, незрелищным и тупиковым, именно так оценивая его роль на путях хоккейной эволюции. Больше всего армейского тренера тяготило в такой трактовке хоккея то, что его задачи не требовали разностороннего роста индивидуального мастерства игроков. Вернее сказать, ограничивали этот рост, сводя его к решению хоккеистами сугубо прагматических и невысоких задач. Такой хоккей не требовал самобытной обводки, поиска новых технических приемов, разнообразия и изобретательности коллективного взаимодействия партнеров. Он был почти лишен необходимости рискованных действий игроков. И, наконец, относительно пассивное ожидание ошибки соперника или удобного момента для контратаки его ворот крайне редко завершается возникновением реальной возможности успеха. Считаное число таких возможностей за 60-минутный отрезок матча дает минимальные шансы для достижения победы. Ведь число полноценных контратак обороняющейся команды за всю игру в несколько раз меньше, чем число, пусть затрудненных, попыток атакующих взять ворота соперника при длительной его осаде…»

А. Тарасов — тренер ЦСКА

Эпштейна наставник армейцев не переваривал во всех смыслах: и как тренера, и как человека. Например, «Химик» Тарасов именовал не иначе, как «синагогой», и часто

напутствовал своих хоккеистов следующим пассажем: «Все маленькие, все бегут, у всех нос крючком. Так неужели мне вас учить, как обыграть эту воскресенскую синагогу?» Но «синагога» не сдавалась, с каждым годом досаждая ЦСКА все сильнее и сильнее. И Тарасов ничего не мог с этим поделать, хотя и пытался иной раз обвинить Эпштейна на коллегии Федерации хоккея в пропаганде чуждого советскому хоккею стиля игры: дескать, нам нужен наступательный стиль, а не оборонительный. У некоторых очевидцев после этого складывалось впечатление, что Тарасов таким образом хочет заставить спортивное руководство сместить Эпштейна с руководства «Химиком». Однако прошло только одно смещение: Эпштейна сняли с должности старшего тренера юниорской сборной СССР, с которой он трижды побеждал на мировых турнирах. Но в «Химике» его удалось отстоять, поскольку у команды были весьма влиятельные заступники в верхах. Какие? Вот что рассказывает журналист С. Киселев: «В чем же был секрет успеха команды из провинциального городка? О том, что Николай Эпштейн создал самобытный стиль игры «от обороны», написано уже достаточно много. Гораздо меньше известно о тонкой, почти дипломатической игре, которую приходилось вести ему за пределами ледовой площадки. Николай Семенович сумел не на шутку «заразить» хоккеем очень высокопоставленных чиновников. В конце 50-х, когда игры велись еще на открытой площадке, в Воскресенск частенько наведывались на черных ЗИСах и «Чайках» председатель Мособлисполкома В.Т. Козлов, министр химической промышленности Л.А. Костандов, зав. отделом ЦК КПСС по химической промышленности В.М. Бушуев. Сановники вместе с другими болельщиками часами выстаивали на морозе, переживая за «Химик». Привилегия у них была только одна: во время перерыва зайти в тесную радиорубку и погреться там чайком или другим каким напитком.

Постоянный контакт с «кремлевскими фанатами» приносил команде огромную пользу. Не без их помощи незамедлительно решались все бытовые проблемы. Многие хоккеисты «Химика» получили квартиры в Жуковском, поближе к Москве. Таким образом Н.С. Эпштейн удерживал игроков от перехода в столичные клубы. Однако потери все же были большие, и самая ощутимая — знаменитый защитник Александр Рагулин, «уведенный» в ЦСКА (это случилось в 1962 году . — *Ф. Р.*).

Случались и другие передряги, в преодолении которых не последнюю роль играло наличие высокопоставленных болельщиков. К примеру, однажды «Комсомольская правда» опубликовала фельетон «Грузчики на поле», в котором раскрыла

«страшную тайну»: воскресенские хоккеисты, оказывается, вовсе не работали грузчиками в транспортном цехе, а лишь получали там зарплату. Естественно, все знали, что подобным образом существовал тогда весь наш «любительский» спорт, однако после разгромной статьи Н. Эпштейн вполне мог лишиться места. Но устоял.

А в начале 60-х «Химик» мог вообще раз и навсегда прекратить свое существование. Тогда вышло постановление Спорткомитета СССР, по которому команды высшей лиги, не имевшие крытой ледовой площадки, лишались права участвовать в чемпионате страны. В то же время директива правительства дозволяла возводить Дворцы спорта только в очень крупных городах. Страстный поклонник «Химика» член ЦК КПСС В.М. Бушуев каким-то чудом (может, через Генерального секретаря?) сумел пробить разрешение на строительство в Воскресенске крытого стадиона с искусственным льдом. И «Химик» выжил…

А вот что вспоминает про Эпштейна его коллега Николай Карпов (в конце 60-х он станет тренером «Спартака»): «В организационных вопросах Николаю Семенычу равных не было. Он даже комнату специальную оборудовал на арене — чтоб судьи отдыхали, расслаблялись. Девиц им подвозил. Никто не удивлялся, что после этого судьи разве что сами за «Химик» не забивали.

Семеныч и с табло мудрил. Помню, в счете ведем, остаются две минуты. Говорю своим: построже, мол. Проходит полторы, две, гляжу на табло — а там все те же две минуты! А как раскусили? В Воскресенске знакомые рассказали: «Коля, деревянному дворцу надо было памятник ставить. Мы время гоняли — то туда, то сюда».

Кстати, в перерывах матча Эпштейн мог с командой в лото играть. С хоккеистами игру разбирать нужно — а Колька разбирал ее с большим трудом. Над Семенычем за это лото все посмеивались. Вот футболист он толковый был. И человек интересный. Ребята идут, печенье бросят — а он следом: «Зажрались, мать их!» Поднимет, отряхнет — съест. К нему игрок подходит, пропил всю зарплату: «Николай Семеныч, ограбили». Тот будто верит: «Ну смотри мне! В последний раз!» Достает деньги из кармана, отсчитывает. Он с авоськой ходил, полной купюр. По 200 тысяч в авоське носил — уму непостижимо. Когда братья Рагулины подросли, по ночам на простынях девок к себе в номера поднимали. На второй-третий этаж. Совсем неуправляемые стали. Вот только Эпштейн об этом узнавал позже всех…»

Итак, в сезоне 1964/1965 «Химик» впервые добился своего

самого весомого результата — завоевал бронзовые медали первенства СССР, обогнав на одно очко столичное «Динамо». Правда, это не стало поводом к тому, чтобы кто-то из бронзовых призеров попал в состав сборной СССР (впрочем, из недавних игроков «Химика» там был А. Рагулин). Однако год спустя «Динамо» взяло реванш у «Химика», поменявшись с ним местами в итоговой турнирной таблице (разрыв между ними был уже куда большим — семь очков). Чемпионом вновь стал ЦСКА, а на втором месте опять оказался «Спартак». Правда, разрыв по очкам был внушительный: в прошлом году он составил 15 очков, а в этот раз — 14. И снова спартаковцы смогли лишь в одном матче довольствоваться ничьей (4:4), а три встречи проиграли с одинаковым счетом 2:5. Тарасов мог торжествовать победу, хотя на душе у него иной раз и кошки сгребли от предчувствия того, что рано или поздно его давний антагонист Бобров сможет лишить его золотых медалей. Именно Бобров, а не Чернышев или Эпштейн, рациональный хоккей которых его все-таки меньше пугал, чем непредсказуемая тактика Боброва.

Кстати, в 1965 году Бобров стал создавать в «Спартаке» вторую сильную тройку нападения, которая могла бы составить конкуренцию тройке Старшинов — братья Майоровы и помочь в противостоянии с ЦСКА. В новой тройке играли Александр Якушев, Виктор Ярославцев и Евгений Зимин. Последнего Бобров присмотрел в московском «Локомотиве», после того как его проглядел Тарасов. Вот как об этом вспоминает сам Е. Зимин: «Сезон 1964/1965 завершился. Отдел хоккея Спорткомитета СССР организовал просмотр молодежи в Новосибирске во время праздника, посвященного 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Я был включен в сборную Москвы. На турнир приехали тренеры почти всех команд высшей лиги — интересовались резервами для своих клубов.

Незадолго до турнира со мной поговорили два тренера. Аркадий Иванович Чернышев пообещал принять в «Динамо», Всеволод Михайлович Бобров — в «Спартак». И даже назвали предполагаемых партнеров на матчах в Новосибирске: динамовцев — Виктора Шилова и Александра Сакеева; спартаковцев Александра Якушева и Виктора Ярославцева. У меня затеплилась надежда…

Боброва в Новосибирске пока не было. А в динамовскую тройку тренер молодежной сборной Москвы Анатолий Владимирович Тарасов меня не поставил. Хотя Чернышев и наблюдал за играми, но, видимо, не захотел переубеждать Тарасова. И я остался в запасе. Огорчился, решил: обо мне забыли, нечего и мечтать попасть в именитый клуб…

Но вот приехал Бобров и удивился: почему не играешь? И в финальном матче я вышел на лед правым нападающим вместе с юными спартаковцами Якушевым и Ярославцевым. Московская команда победила, я забросил то ли одну, то ли две шайбы — теперь уж не помню. Но дело было не в этом. Главное, я понял: обещание Боброва — не пустые слова. Ему можно верить. Для меня это очень важно.

Надо сказать, что с детства я, как и мой отец, болел за футболистов «Спартака». Симпатия к этому клубу распространилась и на хоккеистов. Поэтому предложение попробовать свои силы в «Спартаке» обрадовало меня вдвойне. С другой стороны, совестно было покидать «Локомотив», игроков и тренеров, много для меня сделавших.

Состоялся откровенный разговор с ветеранами. К моему удивлению, они не были против моего перехода. Почти дословно запомнил их доводы. У тебя, мол, Женя, есть предпосылки стать классным игроком. Но, к сожалению, в нашем хоккее сложилась такая обстановка, что в сборную попадают преимущественно игроки ЦСКА и «Динамо», да еще «Спартака» (как мы помним, первые спартаковцы появились в советской сборной лишь в 1961 году — это были Старшинов и братья Майоровы . — *Ф. Р.*). Из других клубов путь в национальную команду намного тернистее. А ведь ты наверняка мечтаешь о сборной. Мы не думаем, что ты станешь вторым Виктором Якушевым — уникальные хоккеисты неповторимы. А других локомотивцев приглашать в сборную перестали. Ты же видишь, насколько силен Виктор Цыплаков. Его взяли на один чемпионат мира (в 1961 году . — *Ф. Р.*), а больше не берут.

Конечно, я не могу с уверенностью сказать, на сто ли процентов они были правы. Не исключено, что и из «Локомотива» я в конце концов пробился бы в сборную страны. Но тогда рассуждения партнеров показались мне убедительными, и я решил перейти в «Спартак»…»

Тем временем весной 1966 года под руководством Чернышева и Тарасова сборная СССР в очередной раз стала чемпионом мира и Европы (в Любляне). И снова в этой сборной не было спартаковца Евгения Майорова, который в том сезоне играл чуть менее результативно, чем его партнеры по тройке Борис Майоров и Вячеслав Старшинов, которые вдвоем забили 44 шайбы (по 22 каждый). Вместо Евгения Майорова Тарасов решил взять в сборную все того же армейца Анатолия Ионова. Однако Старшинов и Б. Майоров с прошлого года с ним не очень хорошо ладили, поэтому Тарасову пришлось дать им другого партнера —

Виктора Якушева. Причем сделано это было с тайным умыслом. С каким? Вот как об этом вспоминает очевидец тех событий — Е. Рубин: «Перед отъездом сборной на первенство мира 1965 года в Любляну игроков и тренеров пригласили в Спорткомитет для традиционного в таких случаях напутствия. Но на сей раз был и дополнительный повод. Тарасов потребовал, чтобы спартаковца Евгения Майорова заменил в

Любляне нападающий ЦСКА Анатолий Ионов. Он уверял, что замена необходима: привычный вывих плеча мешает Евгению играть в полную силу, заставляет его беречься.

Даже привыкшее не удивляться ничему, что исходит от Тарасова, комитетское начальство было смущено. На тройку Старшинова и братьев Майоровых смотрели как на нерасторжимое целое, как на одно из крупнейших достижений советского хоккея (напомним, что Тарасов покусился на эту тройку еще год назад . — *Ф. Р.*). Поймут ли в кабинетах ЦК, где у «Спартака» много болельщиков, целесообразность замены? Но и отмахнуться от тарасовского предложения не так просто. Сыграет сборная в Тампере неудачно — и Тарасов скажет: «Я же предупреждал!» Не с него, а с комитета будет спрос. И верный испытанному многими поколениями чиновников методу перестраховки, председатель комитета принял соломоново решение: пусть выскажут свои соображения партнеры Евгения Майорова.

Встреча происходила при закрытых дверях. Тем не менее я поехал в комитет — послушать, что говорят и думают обо всем этом хоккеисты. Тарасов быстро ходил по коридору, держа под руку Бориса Майорова, и что-то втолковывал ему полушепотом. Затем он оставил Бориса в покое и принялся за Старшинова. Потом снова вернулся к Майорову. В «Золотом теленке» есть сцена: два ксендза охмуряют Адама Козлевича. Тут картина тоже получилась выразительная: двух Козлевичей охмурял один ксендз.

И охмурил. Он говорил им, что травма сделала Женю нервным и раздражительным, что ему надо отдохнуть, что он молод и сборная от него никуда не уйдет. Он же, Тарасов, обещает Борису и Вячеславу пристроить Ионова в другое звено, а им вместо Евгения выделить Виктора Якушева, с которым мечтал бы сыграть каждый.

И партнеры предали друга, который одному из них был к тому же близнецом-братом. Они не нашли в себе силы сопротивляться могучей воле Тарасова. Сборная уехала в Любляну без Евгения Майорова.

Великолепная тройка так и не возродилась. Женя,

самолюбивый, уязвленный изменой людей, с которыми вместе играл еще в молодежной команде, не захотел возвращаться в их компанию. В сборной он больше не появился. И оставил хоккей раньше брата и Старшинова.

Через десять лет после того, как произошла эта история, мы с женой обедали у Бориса Павловича Кулагина, с которым я тогда близко подружился. В середине 60-х Кулагин был помощником Тарасова, его наперсником и хранителем его самых сокровенных замыслов. На сборах ЦСКА в Архангельском они жили в одной комнате.

— Обычно после обеда мы отдыхали на своих койках и беседовали, — поведал мне Кулагин. — Верней, Анатолий проверял на мне свои идеи. Однажды во время такого вот послеобеденного возлежания он спросил: «Как считаешь, при наших трех тройках нападения обязаны мы победить в Любляне?» — «Да, — отвечаю, — обязаны». — «А двух — альметовской и фирсовской — хватило бы?» — «Думаю, да». — «И я так думаю. А раз так, на кой ляд мне в сборной готовить противников для ЦСКА? Женьку я отцеплю». — «А кого вместо него возьмешь?» — «Не все ли равно? Кого-нибудь подберем».

Так я узнал, какова была подоплека тарасовского демарша.

Без малого тридцать лет спустя после того приема у председателя комитета, еще при жизни Евгения, Борис Майоров был в командировке в США. Я встречал его в нью-йоркском аэропорту и привез к себе домой. Мы предавались воспоминаниям до утра, и он остался у меня ночевать. О чем только мы тогда не переговорили! Как обычно в таких случаях, вспоминали все больше истории комичные. Но попадались и грустные. Я передал Майорову рассказ Кулагина. Он сказал, что ему давным-давно все известно. Я спросил, как он относится к тому своему поступку. Он ответил:

— До сих пор не могу себе его простить. Он признался, что и сегодня не понимает, как дал Тарасову себя уговорить. А я понимаю. Тарасов мог убедить кого угодно в чем угодно. Убеждая, он так воспламенялся, что сам начинал верить в свою правоту. А что уж говорить о собеседниках, тем более его боготворивших?..»

Е. Майоров, В. Старшинов, Б. Майоров (1962).

На тройку Старшинова и братьев Майоровых смотрели как на нерасторжимое целое

А вот еще одна история про Анатолия Тарасова и Бориса Майорова, которой суждено было стать легендой. Рассказывает ее вратарь ЦСКА и сборной СССР В. Третьяк: «До сих пор в сборной, подобно легенде, рассказывают историю, как Анатолий Владимирович учил хоккеистов смелости. Однажды после длинной, утомительной тренировки он вдруг объявляет:

— Со льдом покончено. Бежим в бассейн.

Дело было в ЦСКА, бассейн там в двадцати метрах от Дворца спорта. Прибежали ребята, разделись, ждут, что дальше делать. Тарасов показывает на Бориса Майорова:

— За славным капитаном команды все на пятиметровую вышку бегом марш! А оттуда — головой вниз! Ну-ка, Боря!

Майоров поднимается и нерешительно идет к вышке, а Сологубов ему шепчет:

— Ты попроси Тарасова — пусть он вначале сам покажет. Борис мгновенно сориентировался:

— Анатолий Владимирович, а мы не знаем, как надо прыгать вниз головой. Просим показать.

Все сидят на скамеечке, с интересом смотрят. А тренер, как

он потом говорил, ни разу в жизни не нырял и вообще высоты побаивался. Пошел он на вышку. Хорошо, что навстречу ему попался один настоящий прыгун. «Вы, — говорит, — не отталкивайтесь, а просто падайте на воду головой вниз».

Тарасов смело встал на краю мостика, задумался на минуту и прыгнул. И, конечно, плашмя ударился о воду. Но зато вслед за ним прыгнули все остальные. И не по одному разу. На вышку полез даже хоккеист, который не умел плавать. Его отговаривают: тебе, дескать, нырять не обязательно, посиди. А он:

— Еще подумает тренер, что я трус. Всей командой потом его выуживали из бассейна…» Кстати, во время того ныряния Тарасов отбил себе живот, что спасло хоккеистов. Выбравшись из воды с бледным лицом, тренер произнес лишь одну фразу: «Ладно, не надо нырять…»

Но вернемся на чемпионат мира и Европы 1966 года в Любляне. На нем наша сборная играла в две пары защитников (на замену выходил Олег Зайцев из ЦСКА) и три звена нападения:

1) защитники — Александр Рагулин (ЦСКА) и Виталий Давыдов («Динамо», Москва), нападающие — Константин Локтев, Александр Альметов и Вениамин Александров (все — ЦСКА);

2) защитники — Виктор Кузькин и Владимир Брежнев (оба — ЦСКА), нападающие — Виктор Якушев («Локомотив»), Вячеслав Старшинов и Борис Майоров (оба — «Спартак»); 3) нападающие — Владимир Викулов, Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов (все — ЦСКА).

Сборная СССР выиграла шесть встреч и лишь одну сыграла вничью — со шведами (3:3). Это позволило нам занять 1-е место, обогнав чехословаков на одно очко (их мы обыграли с разгромным счетом 7:1). Главным «забивалой» в нашей команде был спартаковец Вячеслав Старшинов, который забросил 11 шайб. Он же стал грозой вратарей и в чемпионате страны сезона 1966/1967, который начался в сентябре. Причем если год назад он забил всего лишь 22 шайбы, то в этот раз отметился 47 голами. Во многом именно Старшинов (а также два его партнера — братья Майоровы) выковал победу «Спартака» в 1967 году, когда команда во второй раз завоевала золотые медали первенства СССР. Таким образом, Всеволод Бобров все-таки сумел «уделать» Тарасова после трех лет своего пребывания на тренерском мостике «Спартака». В том году спартаковцы по всем параметрам переиграли армейцев, забросив 303 шайбы (против 283 армейских) и оторвавшись от них на 5 очков (79 против 74). В этот раз в четырех играх против ЦСКА «Спартак» одержал две победы (4:2 и 7:3), одну встречу сыграл вничью (4:4) и лишь в одной уступил, причем с минимальным счетом (2:3).

Рассказывает Н. Пучков: «Как Бобров привел «Спартак» к чемпионству? Это была особая команда, сложившаяся волею случая. Она и до Боброва была один раз чемпионом. В «Спартаке» Боброву не надо было заниматься психологической подготовкой и быть в этом плане примером. И до него, и вместо него это отлично делали братья Майоровы и Старшинов, люди, которые в полном смысле слова цементировали команду. Бобров же не вмешивался в мобилизационную работу. Ему было «некогда». А вот вкус на игроков был у него абсолютный, и он разорвал спартаковский круг. Пригласил в команду Зимина, Блинова, Мартынюка и Мигунько, собрав, таким образом, по-настоящему чемпионский состав…»

Между тем за месяц до конца чемпионата СССР состоялся чемпионат мира и Европы в Австрии (он проходил 18–29 марта 1967 года). На нем выступили пятеро спартаковцев, чего раньше еще не бывало: Виктор Зингер (вратарь), Вячеслав Старшинов, Борис Майоров, Виктор Ярославцев и Александр Якушев. В общей сложности они забили 8 шайб, что не было большим достижением (тот же Старшинов отметился всего четырьмя шайбами). В сборную мог попасть и пятый спартаковец — Евгений Зимин, который привлекался в команду накануне чемпионата, но его игра не вдохновила тренеров.

Кстати, именно тогда многие спортивные специалисты в нашей стране предлагали радикально обновить нашу сборную, включив в нее как можно больше спартаковцев. Помимо вышеперечисленных игроков назывались имена Александра Мартынюка, Виктора Блинова, Валерия Кузьмина, Алексея Макарова. Это обновление мотивировалось тем, что на чемпионате мира — 1967 сборная СССР могла поставить рекорд — завоевать пятые золотые медали подряд, но без обновления этого рекорда можно было и не достигнуть. Однако Чернышев и Тарасов довольствовались приглашением пятерых спартаковцев, оставив большинство за армейцами — их было девять игроков: Александр Рагулин, Олег Зайцев, Эдуард Иванов, Виктор Кузькин, Анатолий Фирсов, Виктор Полупанов, Александр Альметов, Вениамин Александров, Владимир Викулов. Еще несколько клубов были представлены каждый одним игроком: «Динамо» — Виталием Давыдовым, «Локомотив» — Виктором Якушевым, «Химик» — Валерием Никитиным, «Торпедо» (Горький) — Виктором Коноваленко.

Самым тяжелым на мировом турнире матчем для наших игроков была встреча с канадцами. В том году это была уже четвертая игра этих команд друг против друга. А началось это противостояние в январе 1967 года, когда в Канаде проводился

Турнир столетия, в котором играли четыре сборные: Канады, СССР, ЧССР и Швеции. Наша сборная выступила неудачно: проиграв чехословакам (2:5) и хозяевам турнира (4:5), завоевала лишь 3-е место. После чего сыграла еще три товарищеских матча с канадцами. И снова неудачно: 3:3, 3:4 и 5:3. Поэтому, когда 27 марта 1967 года в Вене эти сборные снова сошлись на льду, многие специалисты ставили на канадцев. И в первом периоде эти прогнозы были близки к тому, чтобы сбыться — наши проигрывали 0:1. Во втором периоде советская сборная сравняла-таки счет, а в заключительной двадцатиминутке сумела вырвать победу — 2:1.

Принято считать, что советская сборная всегда играла честно, а вот неспортивные методы борьбы использовали лишь ее соперники. Но это было не так. Наши хоккеисты порой тоже шли на разного рода уловки, правда, часто не по своей воле, а по велению тренеров. Так случилось и на венском чемпионате — 1967, когда против сборной СССР играла сборная Канады. Самым выдающимся игроком в этой любительской команде был игрок НХЛ, защитник Карл Брюер (или Бревер), который в 1958–1967 годах играл в клубах «Торонто Мэйпл Лифз» и «Детройт Рэд Уингз». В 1963 году он вошел в «Олл старз» НХЛ. Зная о том, что он у канадцев самый опасный, Тарасов перед игрой дал установку Александру Рагулину: попытаться вывести из строя Брюера. И наш защитник с этим заданием справился — его канадский визави отыграл лишь первый период, после чего играть дальше не смог. Самое интересное, но по итогам этого чемпионата именно А. Рагулин и К. Брюер были включены в символическую сборную мира как лучшие защитники.

Несмотря на свои победы над канадцами, наши тренеры прекрасно отдавали себе отчет, что канадская школа хоккея по-прежнему является самой серьезной угрозой для советской школы. И это при том, что с 1963 года канадцам ни разу так и не удалось победить сборную СССР на чемпионатах мира. И только в родных стенах, на Турнире столетия, им удалось это сделать. Но Тарасов прекрасно понимал, что рано или поздно время встреч с канадскими любителями закончится и советским хоккеистам предстоит скрестить свои клюшки с профессионалами из НХЛ. Как покажут дальнейшие события, тренер в своих выводах не ошибется. Однако ему самому вывести игроков против канадских «профи» так и не доведется. Но об этом расскажем чуть позже.

ЦСКА — собиратель талантов

Большинство хоккейных болельщиков недолюбливали ЦСКА за одну особенность: только этот клуб имел возможность забирать себе самых талантливых игроков из других команд, поскольку у Министерства обороны, которое было хозяином ЦСКА, была прерогатива призывать молодых людей в армию. Поэтому, едва в каком-нибудь клубе объявлялся перспективный игрок, как тут же его призывали в ряды вооруженных сил и он, чаще всего, оказывался в ЦСКА (именно тогда в среде болельщиков ЦСКА стали именовать «конюшней», где были собраны самые «породистые скакуны»). Пишу «чаще всего», поскольку все же были случаи, когда ряд игроков отказывались уходить к армейцам и оставались в родном клубе. И это при том, что переход в ЦСКА сулил игрокам хорошие перспективы: улучшение материального положения (Минобороны на траты не скупился) и возможность попасть в сборную страны — если не в первую, то во вторую. Среди тех, кто так и не поддался соблазну стать игроком ЦСКА, было несколько известных хоккеистов. Например, вратарь горьковского «Торпедо» Виктор Коноваленко и нападающий московского «Локомотива» Виктор Якушев. Им обоим неоднократно предлагалось встать под знамена армейцев, но они каждый раз отказывались. При этом оставались игроками не только своих клубов, но и приглашались в первую сборную страны. Такая же история была и с двумя столичными динамовцами: Александром Мальцевым и Валерием Васильевым. Правда, в их случае за них заступилось их родное общество «Динамо», которое курировало не менее сильное ведомство — КГБ.

В «Спартаке» таким игроком, к примеру, был Евгений Зимин, которого в 1967 году, когда в команде сменился тренер (ушел В. Бобров), Тарасов пытался переманить к себе, отправив в качестве парламентера своего игрока Виктора Полупанова. Однако про эти переговоры стало известно прессе («слив» произошел по инициативе «Спартака»), появились статьи об этом, и Тарасов,

озадаченный этим шумом, вынужден был приостановить процесс переманивания в ЦСКА талантливых игроков из других клубов. Однако прежде, чем это произошло, он успел-таки обзавестись сразу несколькими игроками, которые очень скоро войдут в элиту не только советского, но и мирового спорта. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В 1967 году в ЦСКА произошло очередное обновление состава: из команды ушли четверо игроков, а взамен пришли пятеро, причем трое из них вскоре прославятся на весь мир. Среди ушедших значились: Виктор Толмачев (вратарь), Александр Альметов, Николай Подкопаев, Виктор Еремин. Среди пришедших: Александр Пашков (вратарь), Александр Смолин, Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов. Пашков и Петров пришли из столичных «Крыльев Советов», Михайлов из столичного «Локомотива», Смолин и Харламов были воспитанниками ЦСКА.

Отметим, что Смолин очень нравился Тарасову — тренер называл его «богатырем» за его высокий рост и силу. А вот к низкорослому Харламову тренер ЦСКА отнесся без всякого почтения, заявив по его адресу: «Таких конько-горбунков у нас и без него перебор». После чего отправил Харламова в чебаркульскую «Звезду». А вернул его обратно в ЦСКА опять же не Тарасов, а его помощник Борис Кулагин, которому донесли, что Харламов в «Звезде» играет как бог — буквально «рвет» всех подряд.

А. Тарасов и его ученик — В. Третьяк

О том, как его встретил ЦСКА и какие нравы там царили, вспоминает будущий партнер Харламова по тройке Б. Михайлов: «20 июня 1967 года, за пять дней до конца отпуска, я начал тренироваться в ЦСКА. У Анатолия Тарасова было такое правило — сначала посмотреть на новичков. Потом нас представили игрокам основного состава, которые приняли меня благожелательно. В ЦСКА вообще не было «дедовщины», хотя определенные пожелания старших требовалось выполнять. Я, например, в 23 года не стеснялся погрузить в автобус баулы с

формой, связки клюшек, это входило в обязанности всех новичков. На сборах после ужина нам в холле ставили огромную кастрюлю с морсом и черпачком. Первыми подходили и наливали его себе ветераны, хоккеисты сборной, а потом уж мы, бывало, доставалось совсем немного. Но упаси бог пожаловаться, этого и в мыслях не было.

На сборах мы жили на базе в Архангельском. Там когда-то были конюшни, они до революции принадлежали князьям Юсуповым. При советской власти армейское начальство решило, что в этом прекрасном местечке можно поселить спортсменов. Так вот, одно крыло приспособили для мастеров, в другом отдыхал младший офицерский состав, в самом же санатории жили военные с высокими званиями. По сегодняшним меркам условия были спартанские. В комнате по нескольку человек. Моими соседями стали опытнейшие Вениамин Александров и Владимир Брежнев. Мои молодые партнеры, бывало, спрашивали: не обижают ли? Наоборот, с ними было интересно. Всякие истории мне они рассказывали, уму-разуму учили. Собственно, это была школа. И я тянулся к ним. Лишь иногда по утрам был недоволен, часов в семь они будили меня: вставай, молодой, открой форточку. Потом, когда они покурят, комната проветрится, я эту форточку и закрывал. Да досыпать ложился. Но я не обижался, это было и частью воспитания. В обычной жизни все было на равных. Более того, я пользовался особым доверием — на сборах меня приглашали играть в карты наши ветераны.

Как-то в Кудепсте после дневной тренировки, когда по указанию Тарасова мы должны были ложиться спать на пару часов, дядя Веня, как мы звали Александрова, говорит: пойдем на пляж, в преферанс поиграем. И пошли, Владимир Брежнев, Вениамин Александров и мы с Володей Петровым устроились за столиком под тентом — красота. Вдруг смотрим: Анатолий

Владимирович купаться идет — нас, конечно, как ветром сдуло. Но Тарасов нас засек. И потом на собрании снимал с меня и Володи Петрова стружку: мол, если вы не выполняете мои указания, значит, я плохой тренер. Про Владимира Брежнева и Вениамина Александрова не вспоминал, считал, что нельзя отношения с ветеранами портить. И еще он их по-настоящему уважал. Анатолий Тарасов при всем его таланте, волевом характере прекрасно понимал, что не только он создал команду, а она играет и, как говорят, «кормит» его.

Тарасов почти никогда не обсуждал с молодыми нехоккейные темы. С ним могли беседовать только звезды, ветераны. Мостиком между нами и Анатолием Владимировичем был второй

тренер — Борис Петрович Кулагин. Хоккеисты не видели в этом ничего отрицательного, полагая, что это форма работы тренера. Но, понятно, в тренировочном процессе, в матчах, на собраниях, разборах игр первым лицом был Тарасов.

Хоккеистов готовили только на победный результат, даже второе место в первенстве страны считалось неудачей. Естественно, это постоянно заставляло Анатолия Владимировича работать требовательно, жестко. Он сам, если хотите, постоянно находился под колпаком. От него ждали в Министерстве обороны СССР только золотые медали. Наверное, можно сказать, что Тарасов шел по краю пропасти без страховки. Конечно, все знали его высочайший тренерский уровень. Но щадить, скажем, при двух подряд вторых местах, особенно после того как началась победная серия сборной СССР в шестидесятые годы, не стали бы. Любое неосторожное движение — и можно легко сорваться. В принципе, все это относилось и к хоккеистам.

Когда я пришел в ЦСКА, закончил играть Константин Локтев, были проблемы у Александра Альметова. И Анатолий Тарасов взял меня на позицию Константина Локтева, а Владимир Петров из «Крыльев Советов» должен был заменить Александра Альметова. Мы поняли, на что ориентирует Тарасов. Речь шла о звене, которое, по его задумке, было бы способно решать самые сложные задачи. Откровенно говоря, в тот момент я о сборной не думал, все мысли были сосредоточены на том, как закрепиться в ЦСКА. Сделать-то это было сложно.

Безусловно, мы были не единственными, на кого он нацелился. Имелась в ЦСКА и другая молодая пара — Виктор Еремин и Александр Смолин. И в ходе подготовительного периода никто не знал, кого выберет Тарасов. Как я потом убедился, он имел на наш счет свои планы. Понимая, что сразу на уровне армейцев любому заиграть сложно, Анатолий Владимирович предполагал использовать нас вместе с Вениамином Александровым, пожалуй, одним из сильнейших левых крайних в мире, который и стал нашим играющим тренером. И звали мы его уважительно — дядя Веня.

Если говорить о нагрузках, то тренировочный процесс в ЦСКА, конечно, отличался от тех, что были в «Авангарде», «Локомотиве». В Саратове Роберт Дмитриевич Черенков практиковал так называемые тренировки с интервалами. Например, надо было пробежать 10 отрезков по 400 метров с небольшими перерывами. Я кричал ему: что мы — легкоатлеты? Кроме того, сам тренировочный процесс был интенсивнее, объемнее, он включал упражнения на ловкость, выносливость, скоростно-силовые элементы. В «Локомотиве», кроме того, особое

внимание уделялось штанге. Приходилось приседать с нею или толкать вес в семьдесят процентов от собственного. Делать эти упражнения требовалось не менее 15 раз, иначе не уложишься в норматив. Были рывки на 30 метров, бежали 100, 400 метров. То есть нагрузки в зависимости от уровня клуба шли по восходящей.

В ЦСКА все было еще сложнее. Летом по три раза в день тренировались в Кудепсте при жаре в 25 градусов. Утром часовая зарядка, полтора часа днем и с пяти до семи. Тех, к кому были претензии, заставляли заниматься еще и в девять вечера.

Мне казалось, что это какой-то кошмар: приходилось при весе в 65 кг таскать на себе Володю Петрова, который весил килограммов на 15 больше. И еще приседать по 10–15 раз. Когда он носил меня, ему было легче. В общем, пришел к Борису Павловичу Кулагину и сказал, что не могу — вы можете меня отправить в любую армейскую команду, хоть в Хабаровск. Он говорит: держись, выживешь — будешь играть, а нет — мы тебя и так отчислим. И я терпел и пахал, как только мог. Володя, с его упрямым характером, молчать не собирался, он не раз спорил с Анатолием Тарасовым, говорил, что ему тяжело. Я постоянно твердил ему: терпи, посмотри, какой ты мощный — я по сравнению с тобой тростинка и все делаю через не могу. Но Петров стоял на своем. Он, конечно, заиграл, был одним из лучших, но всегда дебатировал с Тарасовым по любому поводу, который его не устраивал. И тот даже заставлял его дополнительно тренироваться. Конечно, Тарасов, который терпеть не мог пререканий, любил, чтобы его указания выполнялись неукоснительно, был недоволен. Но избавляться от Петрова он, безусловно, не собирался. Он не мог поступить во вред клубу и себе. Вообще взаимоотношения тренеров и игроков вещь сложная. И требует специального разговора. Могу лишь заметить применительно к противоборству Тарасов — Петров, что последнее слово всегда оставалось за Анатолием Владимировичем…»

«Система» Тарасова

На венском чемпионате в 1967 году Тарасов и Чернышев опробовали новинку — так называемую «систему». Что это такое? Так называлось новое построение атаки — эшелонированное. При этой «системе» двое нападающих активно атаковали двумя рядами, и тем самым создавали предпосылки для неожиданного вклинивания двух хавбеков (полузащитников) в переднюю линию. Причем при потере шайбы эти четверо атакующих игроков надеялись на стоппера (оттянутого центрального защитника) и не спешили откатываться к синей линии. Они получали возможность для самого активного прессинга, так как каждый игрок, сражающийся за шайбу, постоянно ощущал активную поддержку минимум трех партнеров.

Эту «систему» Тарасов опробовал у себя в ЦСКА, создав специальное звено из пяти игроков: Александра Рагулина (стоппер), Эдуарда Иванова и Виктора Полупанова (хавбеки), Владимира Викулова и Анатолия Фирсова (нападающие). Именно в таком виде это звено и было взято в Вену-67. И там буквально «разорвало» своих противников, забив 30 шайб из 58 нами забитых (Рагулин — 2, Фирсов и Полупанов — по 11, Викулов — 6).

Этот успех окрылил Тарасова, после чего он создал в ЦСКА еще одно звено, игравшее по «системе», в лице Олега Зайцева (стоппер), Игоря Ромишевского и Анатолия Ионова (хавбеки), Евгения Мишакова и Юрия Моисеева (нападающие). В таком виде это звено и отправилось на зимние Олимпийские игры, которые проходили в феврале 1968 года в Гренобле. Играло там и первое «системное» звено, только вместо Эдуарда Иванова был взят спартаковец Виктор Блинов. На тех Играх сильнейшими снова были наши хоккеисты. Правда нашим болельщикам пришлось поволноваться. Сборная СССР проиграла игру сборной Чехословакии со счетом 4:5 (это поражение прервало нашу беспроигрышную серию из 39 матчей подряд, которая была начата в 1963 году; ровно столько же игр прошли без поражений

и канадцы на чемпионатах мира с 1936 по 1948 год), однако чехословаки в свою очередь уступили канадцам 2:3, а также сыграли вничью со шведами (2:2). А наши ребята больше осечек не допускали и, опередив сборную ЧССР на одно очко, завоевали золотые медали.

Два наших «системных» звена сыграли неравнозначно. Если первое забило 24 шайбы (Блинов — 4, Фирсов — 12, Полупанов — 6, Викулов — 2), то на счету второго звена было всего 8 шайб (Зайцев — 1, Мишаков — 4, Моисеев — 2, Ионов — 1). Гораздо сильнее второго звена «выстрелило» спартаковское звено, которое играло не по «системе»: Виталий Давыдов («Динамо»), Виктор Кузькин (ЦСКА), Вячеслав Старшинов, Борис Майоров, Евгений Зимин (все — «Спартак»). На его счету было 13 шайб: Кузькин — 1, Старшинов — 6, Майоров и Зимин — по 3.

Кстати, эта спартаковская троица блестяще выступила и в чемпионате СССР — 1968, принеся своей команде второе место (первым стал ЦСКА, взяв у «Спартака» реванш за прошлогоднее поражение). Так, Старшинов стал лучшим бомбардиром первенства, забросив 46 шайб (на 13 больше, чем следовавший за ним Фирсов), Зимин записал на свой счет 31 гол, а Майоров — 29. В общей сложности они забили 126 шайб из 243, забитых «Спартаком» в том сезоне. А ведь создавалось это звено год назад достаточно непросто и вполне могло распасться еще на стадии своего формирования. Вот как об этом вспоминает Е. Зимин: «В первое звено «Спартака» я был включен после того, как Евгений Майоров закончил играть в хоккей. Началось опробование кандидатов на правый край нападения. Здесь проверялись Виктор Ярославцев, Александр Якушев, однако ничего не получилось. Корифеи своим авторитетом подавляли новичков. И тогда на вакантное место определили меня. В сложную я попал ситуацию…

Новые партнеры были недовольны всем: не так или несвоевременно отдал им пас, а то и вовсе пошел на обводку, когда они ожидали передачу, не с той точки бросил по воротам и т. д. Претензии ко мне возникали в любых игровых моментах. Но я не обращал внимания ни на ворчание, ни на ругань и играл так, как сам считал нужным, хотя и учитывал все дельные замечания асов и старался исправить ошибки. Но партнерам и вида не показывал, что хоть в чем-то с ними согласен. Знал, что нельзя им поддаваться, соглашаться с их претензиями на безусловное первенство, а надо постоять за себя.

А пришел я к этому выводу, вспоминая, как Евгений Майоров отстаивал свои взгляды на хоккей, умел проявить характер.

Решительно отстаивать свое мнение, вероятно, единственно

правильный путь во взаимоотношениях со спартаковскими лидерами. Иначе нельзя было стать полноправным членом звена. Так произошло, скажем, с хоккеистом ЦСКА Анатолием Ионовым, которого поставили в спартаковскую тройку на первенство мира 1965 года в Тампере. Этого богатыря, который чуть ли не вдвое мощнее и Старшинова, и Майорова, они совершенно подавили психологически.

Помня это, я старался проявить себя, как и они, личностью в хоккее, хотя таковой, конечно же, еще не был. Но с этими партнерами, думаю, иначе было нельзя… С ними приходилось без конца спорить, отстаивая свое «я». Ни в чем я не собирался им уступать. Позже узнал: Вячеслав и Борис ходили к Боброву доказывать, что играть со мной не могут и не хотят. Не знаю уж, как тренер улаживал конфликты, но я оставался в звене.

Через год мои партнеры поняли, что я вел себя строптиво не потому, что их не уважал. Просто у меня был период становления. Они убедились, что я игрок с характером, что в матчах их не подведу. И в дальнейшем наше звено даже приводили в пример как хорошо сыгранную, слаженную дружную тройку форвардов…»

А. Тарасов и его семья: жена Нина и дочери Галя (слева) и Таня (справа)

Между тем для Бориса Майорова выступление в Гренобле стало последним выступлением за сборную — год спустя он ушел из большого хоккея (его брат Евгений повесил коньки на гвоздь двумя годами ранее). Поэтому на чемпионате мира в 1969 году, который проходил в Стокгольме, Чернышев и Тарасов взяли на его место другого спартаковца — Александра Якушева. Однако тот отыграл всего пять матчей, после чего получил травму, и

вместо него в спартаковское звено нападения поставили армейца Евгения Мишакова. Причем с Якушевым звено забило 6 шайб, с Мишаковым — на одну меньше. Наши снова стали чемпионами мира — в седьмой раз подряд. Правда, далось это с трудом — сразу три команды (СССР, Швеция и ЧССР) набрали равное количество очков (по 16), и судьбу золотых медалей решила лучшая разница забитых и пропущенных шайб. Почему же сложилась такая шаткая для нас ситуация? Может быть, потому что на том чемпионате сборная СССР отказалась от «системы», а ее соперники, наоборот, взяли ее на вооружение? Вот как об этом размышлял сам А. Тарасов: «Мне приходилось высказывать удивление, что после Вены ни один журналист, ни один специалист хоккея не увидел, не написал, что сборная СССР играла в непривычном тактическом ключе. Это обстоятельство натолкнуло на мысль, что «тайна» наша не разгадана, что и в Гренобле мы можем играть так же, как и в Вене. И мы так и сыграли, с той лишь разницей, что «систему» освоили два звена.

И вдруг весной 1969 года в столице Швеции в чехословацкой команде в одном из звеньев мы увидели на площадке не двух и трех нападающих, а стоппера (центрального защитника), двух хавбеков и двух форвардов, как это и предусмотрено «системой». Но молодцы чехословацкие тренеры. Они пошли на смелое решение — позволили центральному защитнику оказывать в контратаке помощь не только пасом, но и внезапным скоростным маневром. Вот так и получилось, что сборная ЧССР почти все матчи в столице Швеции играла в этом ключе, позаимствованном в нашем арсенале.

Правда, эта тактика не всегда приносила команде В. Костки и Я. Питнера успех. Дело в том, что мы обнародовали суть и преимущества «системы» в своей печати. Сделано это было для того, чтобы тактика эта стала достоянием наших многих, в том числе и юношеских, команд, а шведские специалисты, видимо, обратили внимание на эти публикации, и потому «Тре Крунур» была к этой тактике готова.

Мы же по «системе» в Стокгольме не играли. Во-первых, у нас не было необходимого подбора игроков, которые могли бы успешно осуществить на практике эту сложную тактическую идею. Во-вторых, мы понимали, что в этом году соперник, конечно же, будет готов к нашей, ставшей уже традиционной манере действий. Все это, повторяю, и заставило нас играть в совершенно ином тактическом ключе — не так, как в Вене и в Гренобле.

Но шведы знали о нашей «системе», готовились к ней; и мне кажется, что в числе причин, которые обусловили успех «Тре

Крунур» в двух матчах со сборной ЧССР, была и эта (шведы нанесли сборной ЧССР два поражения: 2:0 и 1:0 . — *Ф. Р.*).

Да, не скрою, решение чехословацких тренеров освоить «русский» вариант игры было для меня неожиданным. Впрочем, думаю, что удивился не только я. Но как бы там ни было, команда Стремберга специально разрабатывала контрмеры против «системы», и сколь бы сенсационным ни был выбор тактики Я. Питнером и В. Косткой, такая манера действий не явилась неожиданностью для «Тре Крунур»…»

Напомним, что Владимир Костка тренировал сборную ЧССР с перерывами уже 11 лет (с 1956 года), но только однажды привел ее к золотым медалям: в 1961-м, когда чехословаки стали чемпионами Европы. Он не являлся тренером какой-либо чехословацкой команды (хотя в свое время играл в нападении), но считался ведущим теоретиком чехословацкого хоккея, был профессором Карлова университета в Праге, деканом факультета физического воспитания и спорта. С первой сборной он начал работать еще в 1956 году, поэтому его знания по мере развития хоккея явно устаревали, следствием чего стало то, что в 1966 году старшим тренером сборной был назначен Ярослав Питнер, а Костка стал его помощником.

Питнер был одним из тех тренеров-практиков, которые дополнительно повысили свою квалификацию, окончив трехлетнюю тренерскую школу. Вырос он в Средней Чехии, около Мельника, но затем судьба забросила его в Моравию, где он попал в оломоуцкий клуб «Кржидла власти» («Крылья родины»): сначала играл в нем вратарем, а затем стал тренером. Оттуда он в 1959 году попал в «Дуклу» из Йиглавы в качестве старшего тренера. В 1962 году он привел ее к бронзовым медалям чемпионата и был назначен тренером юниорской сборной. В 1967 году Питнер привел к золотым медалям «Дуклу» (впервые в ее истории), после чего его и назначили тренером сборной ЧССР.

Игроки уважали Питнера за его профессиональные познания и доброжелательное отношение к людям (в команде его называли Питя). Он всегда придерживался принципа: «Как бы я ни был раздражен и недоволен игрой, я не должен конфликтовать с игроком — лучше подождать, пока он остынет». Поэтому, если, к примеру, по ходу матча он был недоволен игрой кого-либо из игроков, он никогда на него не кричал, не раздражался. Вместо этого он присаживался перед ним на колени и терпеливо объяснял его ошибки. Все это делалось спокойно, без ругани, в необидной форме.

Многие поражались тому, какие у Питнера были чутье и прозорливость. Например, во время двусторонних игр на

тренировках он забирал себе тех игроков, которые остались после выбора Костки (а тот отбирал себе сильнейших). И постоянно команда Питнера побеждала. Как вспоминает вратарь сборной ЧССР Иржи Холечек: «Я всегда попадал в команду Костки и очень злился оттого, что мы проигрывали. Мы, стреляные воробьи, проигрывали молодым, которые сражались азартно, в то время как наши «старички» гоняли шайбу, лишь бы разогреться. Я буквально закипал, стоя в воротах и видя все это. А Костка нам говорил: «Вот что значит недооценивать соперника».

Питнер умел интуитивно перетасовывать составы. И, как правило, удачно. Например, в равной игре он убирал одного хоккеиста из вроде бы хорошо игравшей пятерки. По каким-то своим соображениям он решал, что игрок не вписывается. Вместо него он посылал на лед другого, из другой пятерки — и тот забивал шайбу. Подобные варианты у него проходили неправдоподобно удачно…»

Итак, дебют Питнера в качестве старшего тренера состоялся в 1967 году на чемпионате мира и Европы в Вене, причем первый блин вышел комом — сборная ЧССР выступила провально, не войдя в тройку призеров (заняла 4-е место). Однако на судьбе Питнера это не отразилось — ему дали время на исправление ситуации. И в следующем году, на Олимпиаде в Гренобле, он вернул свою сборную на 2-е место. Правда, в 1969 году она снова откатилась назад — на этот раз на 3-е место.

Отметим, что в сборной ЧССР образца 1968 года было шесть игроков йиглавской «Дуклы»: Ян Сухи, Олдридж Махач, Ян Хрбаты, Иржи Голик, Иржи Кохта и Ян Клапач. Четыре игрока представляли клуб ЗКЛ (завод подшипников) из Брно, который в 1960–1966 годах был чемпионом ЧССР, а в 1968–1969 годах брал серебро: Владимир Надрхал, Йозеф Черны, Франтишек Шевчик, Ярослав Иржик. Три игрока представляли словацкий клуб «Слован» (химзавод) из Братиславы, который в 1966 и 1969 годах был серебряным призером чемпионата ЧССР: Владимир Дзурилла, Йозеф Голонка, Вацлав Недоманский.

Два игрока были из клуба СОНП (Кладно), представлявшего объединение сталелитейных предприятий и который до этого только один раз был чемпионом страны — в 1959 году: Йозеф Хорешовский и Франтишек Поспишил.

Пражскую команду «Спарта» представлял один игрок — Ян Гавел. Отметим, что «Спарта» является старейшей командой (основана в 1905 году), однако в социалистической Чехословакии стала чемпионом только в 1953 году (на следующий год повторила этот успех). После этого она отошла на вторые роли: в 1965 году взяла бронзу, в 1967-м — серебро. Однако в сборной-68

была представлена весьма скромно.

Что касается сборной Швеции образца конца 60-х, то ее с 1961 года тренировал Арне Стремберг, который был тренером клуба «Бргорденс ИФ» (Стокгольм) в 1950–1960 годах, а потом стал тренировать команду «Вестра Фрелунда ИФ» из Гетеборга. Последнюю Стремберг привел к золотым медалям чемпионата Швеции в 1969 году. А что касается тренерства в сборной, то с ним команда Швеции завоевала золотые медали чемпионата мира и Европы в 1962 году. Правда, как мы помним, в том году на мировом турнире не выступали по политическим мотивам фавориты турнира — сборные СССР и ЧССР. При Стремберге сборная Швеции четырежды завоевывала серебряные медали чемпионатов мира и Европы (1963, 1964, 1967 и 1969), один раз завоевала бронзу ЧМ (1965) и три раза ЧЕ (1965, 1966, 1968).

«Ты фашист!», или Как Тарасов воевал с чехословаками

Отметим, что Тарасов называет в своих мемуарах чехословацких тренеров молодцами, хотя его отношение к ним на том чемпионате в Вене было весьма далеким от идиллического. Почему? Дело в том, что чемпионат в Стокгольме проходил спустя семь месяцев после ввода войск Варшавского договора в Чехословакию (последнее событие случилось 21 августа 1968 года), после чего отношение многих граждан этой республики к СССР резко изменилось — от положительного к отрицательному. И хоккейные матчи между сборными этих стран обрели с этого момента ярко выраженную политическую окраску. Впрочем, это произошло чуть раньше ввода войск в ЧССР — в феврале 1968 года, во время Олимпиады в Гренобле, когда проходил матч СССР — ЧССР.

Уже после первого периода советские хоккеисты уступали чехословацким 1:3. А в третьем, после того как на табло было 5:2 в пользу сборной ЧССР, советские тренеры сменили вратаря Коноваленко на Зингера. При этом Тарасов бросил в сторону Йозефа Голонки, который в рядах сборной ЧССР в том матче был главным форвардом (забросил две шайбы, в том числе и пятую, и сделал две голевые передачи), фразу: «Ты фашист!». Что возмутило форварда до глубины души. По его же словам: «Мне стало ужасно обидно — я, как и почти все жители Чехословакии (он сам словак . — *Ф. Р.*), считал себя лучшим другом Советского Союза. Мой отец, потомственный рабочий, во время войны дезертировал из армии, которую немцы собирали в стране для отправки на восточный фронт. Специально дезертировал, чтобы не воевать за гитлеровцев. Какой я после этого фашист?

Пришлось подъехать поближе к скамейке советской команды и, изобразив скрипача, у которого вместо смычка клюшка, пропеть в лицо Тарасову сочиненный тут же куплет. В нем было много нецензурных русских слов, а примерный смысл сводится к

фразе «Дорогой, хрен с тобой!»…»

Тот матч советская сборная проиграла со счетом 4:5, но, как мы помним, все-таки завоевала олимпийское золото. Потом случился ввод войск (август), а в декабре 68-го Чехословакия отказалась присылать свою хоккейную сборную в Москву на Приз «Известий». Советская сторона тоже внакладе не осталась. Очередной чемпионат мира и Европы по хоккею весной 1969 года должен был проходить в столице Чехословакии городе Праге, поэтому уже наши представители заявили: свою сборную не пришлем, если ИИХФ не перенесет чемпионат в другое место. А какой может быть турнир без сборной СССР — только второразрядный. Поэтому и был выбран Стокгольм. Однако накал противостояния между сборными СССР и ЧССР от этого отнюдь не снизился.

На том турнире эти сборные сыграли между собой две игры. И в обеих верх одержали чехословаки, которые всерьез полагали, что это главные матчи в их спортивной биографии. Они могли проиграть любые другие игры того первенства, но поражения от советских хоккеистов родина бы им не простила. Ведь в Стокгольм сборную ЧССР провожали тысячи болельщиков, которые скандировали: «Они нам танки, мы им — бранки (шайбы)!»

Уже в первом же матче 21 марта 1969 года чехословацкий вратарь Владимир Дзурилла творил настоящие чудеса, отбивая даже самые неберущиеся шайбы. Кстати, именно на том чемпионате расстроилась дружба Дзуриллы с советским вратарем Виктором Коноваленко. Первый стал всячески избегать своего советского коллегу, а однажды, завидев его в коридоре, бросился… бежать в обратную сторону.

До 1968 года сборная ЧССР нам еще улыбалась

В том памятном матче Дзурилла отразил все броски советских хоккеистов, а вот Коноваленко две шайбы пропустил. И матч закончился победой сборной ЧССР 2:0. Ликовала в тот момент не только вся Чехословакия (особенно бурно это происходило в Праге), но и хозяин чемпионата — Швеция, которая, как и весь Запад, осудила ввод войск Варшавского договора в ЧССР. Поэтому, когда во время матча на поле внезапно выскочил некий молодой чехословацкий эмигрант с плакатом на груди «Мы не боимся Советов», шведские стражи порядка не стали мешать ему подольше пробыть на льду, чтобы все присутствующие (а также телезрители) смогли вдоволь насладиться его протестом.

После того поражения сдало здоровье у нашего тренера Тарасова — подвело сердце. Заметим, что до этого у него уже было два инфаркта и третий грозил ему смертельным исходом. Однако в Швеции все обошлось. И спустя неделю (28 марта) Чернышев и Тарасов снова вывели своих игроков против заклятых «друзей» чехословаков. И опять последние бились насмерть. В итоге, несмотря на то, что до этого сборная СССР никогда не проигрывала дважды одному сопернику в рамках одного турнира, здесь случилась осечка — наши уступили со счетом 3:4. Причем,

проигрывая в первом периоде 0:2, советские хоккеисты во втором сравняли счет и только в третьем уступили 1:2. Именно тогда произошел знаменитый «расстрельный» эпизод: игрок сборной ЧССР Ярослав Холик упал на лед и, имитируя клюшкой автомат, направил ее в сторону скамейки сборной СССР и начал… «расстреливать» советских игроков вместе с их тренерами.

Рассказывает Я. Холик: «Мы с братом Иржи всегда относились к советским ребятам со злостью и в то же время с восхищением за их мастерство. Хотя злость все-таки доминировала — на площадке мы были готовы лед грызть, только чтобы победить русских. Сколько я ударов от советских защитников получил и раздал в ответ — не перечесть. Особенно доставал меня Рагулин — на коньках-то он катался плоховато, зато силищей обладал неимоверной. Помню, в Москве он меня с размаху приложил ко льду и держит. Я дергаюсь: «Пусти, гад!» — кричу. А он мне еще долбанул и на смену поехал. «Ну, ладно, — думаю. — Я тебе отомщу!»

А потом как-то мы с моей пани отправились в отпуск в СССР, в Сухуми. Вдруг как-то у нашей гостиницы с визгом останавливается такси, и из него выходит Рагулин. Оказывается, он откуда-то прознал, что мы в Союзе, и приехал пригласить нас в гости. Ну как тут откажешь? Мы тогда славно погуляли и выпили немало — он, конечно, и тут меня превзошел. А потом через год уже я позвал Рагулина в Прагу. В итоге мы с ним здорово сошлись…».

Но вернемся на чемпионат мира и Европы 1969 года.

После финальной сирены во второй игре со сборной СССР чехословаки были на вершине счастья. Некоторые из них (Й. Голонка, братья Холик, В. Дзурилла) даже совершили ритуальное действо: упали на лед и принялись его… целовать. А потом почти вся команда ЧССР отказалась пожать руки советским хоккеистам. Подобных демаршей первенство мира еще не видало. Как вспоминает Й. Голонка: «Как капитан команды, я вышел на церемонию рукопожатия — чтобы нашей делегации не пришлось платить штраф. А вот за отказ остальной команды пожимать руку сопернику денежное наказание предусмотрено не было. Я ехал вдоль строя советских ребят и объяснял им, что они остаются нашими друзьями, но сборная Чехословакии обязана выразить протест против ввода войск Варшавского договора в страну».

Что касается советских хоккеистов, то они никак не могли взять в толк, почему чехословацкие коллеги сделали именно их виновными в действиях своих правителей. Ведь спортсмены всегда старались быть вне политики, хотя это не всегда удавалось. Однако, в отличие от хоккеистов сборной СССР, их

коллеги из сборной ЧССР были чрезвычайно политизированы, и особенно после событий августа 68-го.

После второй победы сборной ЧССР на советской дружиной на чемпионате мира — 1969 практически никто в ЧССР уже не сомневался, что их сборной по силам выиграть золото турнира. Ведь главный соперник был повержен дважды. Но в ситуацию внезапно вмешались… шведы. Хоккеисты «Тре Крунур», хотя и не испытывали больших симпатий к советской сборной, сами мечтали выиграть золото, поскольку принимали чемпионат у себя дома. А чехи надеялись «скатать» с ними последнюю игру вничью (первую шведы выиграли 2:0) и забрать себе золото. Но хозяева чемпионата совершили немыслимое: на последних минутах матча при счете 0:0 умудрились пробить непробиваемого В. Дзуриллу (это сделал Рогер Ульссон). В итоге шведы обеспечили себе 2-е место, а золото чемпионата досталось сборной СССР, которая победила тех же шведов дважды (4:2 и 3:2). Таким образом, зря чехословацкие игры лобызали лед дворца спорта «Юханнесхоф» — им досталась всего лишь бронза.

Однако в Чехословакии их встречали как настоящих героев тысячи болельщиков. И все потому, что игроки сборной ЧССР дважды обыграли советских «оккупантов». Неслучайно в руках у встречающих были плакаты, где вместо надписей были зафиксированы два победных счета: 2:0 и 4:3.

Так что, когда мы читаем в мемуарах Тарасова слова «молодцы чехословацкие тренеры» (а свои мемуары наш тренер писал в 1969 году), надо иметь в виду, что речь идет исключительно о тренерском таланте наставников сборной ЧССР. Их человеческие качества Анатолий Владимирович оценивал совершенно иначе. И в Чехословакии об этом прекрасно знали, поэтому их конфликты лично с Тарасовым не ограничатся 1968–1969 годами, перекинувшись и в следующее десятилетие. Впрочем, не будем забегать вперед.

Кстати, именно после чемпионата мира — 1969 ряды сборной ЧССР поредеют. Сразу трое ее хоккеистов — защитник Йосиф Хорешовский и нападающие Ян Гавел и Ярослав Иржик — захотят уехать в Канаду, чтобы играть в клубе НХЛ «Сент-Луис Блюз». Чехословацкое правительство впервые согласилось отдать своих игроков в аренду, что было прямым следствием августовских событий прошлого года. Однако в самый последний момент это решение было все же переиграно, после чего в Канаде оказался лишь один из трех игроков — Иржик. Правда, его карьера на чужбине не заладится. Какое-то время он отыграет в фарм-клубе «Сент-Луис Блюз», после чего попадет наконец в основной состав. Однако, сыграв лишь пять матчей и не забив ни одного гола, он

не произведет впечатления на боссов клуба и закончит свою карьеру в НХЛ. Иржик вернется на родину, в клуб «Руда Гвезда». В сборную ЧССР его больше вызывать не будут. Из той троицы в ней останется лишь Йозеф Хорешовский, который спустя два года станет чемпионом мира и Европы. Впрочем, не будем забегать вперед.

Как Тарасов проиграл Карпову

На стокгольмском чемпионате в составе сборной СССР дебютировала тройка, которая вскоре станет легендарной: Борис Михайлов (правый крайний нападающий) — Владимир Петров (центральный нападающий) — Валерий Харламов (левый крайний нападающий). В защите у них играли либо Евгений Паладьев («Спартак») и Игорь Ромишевский (ЦСКА), либо Александр Рагулин (и Владимир Лутченко (оба — ЦСКА). Дебют удался на славу: в десяти матчах эта тройка забила 21 шайбу: Михайлов — 9, Петров и Харламов — по 6. Два других звена нападения забили меньше: Владимир Викулов (ЦСКА) — Александр Мальцев («Динамо», Москва) — Анатолий Фирсов (ЦСКА) — 17 шайб (Фирсов — 10, Мальцев — 5, Викулов — 2); Евгений Зимин — Вячеслав Старшинов (оба — «Спартак») — Евгений Мишаков (ЦСКА) (в этом звене появлялся и Александр Якушев из того же «Спартака») — 12 (Старшинов — 6, Мишаков — 4, Зимин и Якушев — по одной).

Здорово выступила петровская тройка и на чемпионате СССР сезона 1968/1969, забив в ворота соперников ровно 100 шайб из 171 шайбы, заброшенной ЦСКА (Харламов — 37, Михайлов — 36, Петров — 27). Однако два спартаковца — Александр Якушев и Вячеслав Старшинов — забили почти столько же — 90 шайб (Якушев — 50, Старшинов — 40). Во многом именно это и принесло победу в том чемпионате СССР именно «Спартаку», который вновь сумел нарушить гегемонию ЦСКА — на финише турнира отобрал у них чемпионское звание.

Тот чемпионат проходил по двуступенчатой системе, где 12 команд в двухкруговом турнире оспаривали места в

финальной шестерке. Предварительный турнир выиграли хоккеисты ЦСКА, обогнавшие «Спартак» на два очка (37 против 35). Они сыграли друг с другом две встречи: в первой (12 сентября 1968 года) победили спартаковцы (5:4), во второй (15 сентября) армейцы (4:1). По итогам предварительных игр на третьем месте оказался «Химик» Н. Эпштейна, набравший 27

очков, а столичное «Динамо» заняло 5-е место, пропустив вперед себя свердловский «Автомобилист». Однако в финальной стадии чемпионата «Спартак» сумел совершить невероятное — обошел ЦСКА на три очка (48 против 45). Правда, армейцы больше забили (171 против 150) и меньше пропустили (49 против 91). Однако в очных поединках победа была за «Спартаком»: он четыре раза обыграл ЦСКА (3 ноября 1968 года — 5:4, 22 декабря — 3:1, 23 февраля 1969 года — 6:1, 11 мая — 3:1), одну встречу уступил (1:4), и одна игра закончилась вничью (20 апреля — 5:5).

Уже в том, как «Спартак» в первых играх обыгрывал армейцев, была видна весомая заявка на их чемпионство. Эти игры показали, что тактика спартаковцев была гораздо более гибкой, чем у их соперника. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, рассказ человека, который нам хорошо знаком — тренера Владимира Егорова (как мы помним, он в свое время возглавлял сборную СССР и «Крылья Советов»). Итак, он рассказывает о матче «Спартак» — ЦСКА, который игрался 22 декабря 1968 года: «Я занял место в верхнем ряду трибуны: оттуда хорошо видна тактическая борьба. «Спартак» в том матче тактически переиграл армейцев. Переиграл, на мой взгляд, только потому, что армейцы не были достаточно гибки, упорно придерживаясь своей привычной манеры игры.

Перед матчем спартаковцы, я уверен, не сомневались в том, что соперники не изменят своему творческому кредо — будут стремительно атаковать, применять прессинг и силовое давление. Этой тактике спартаковцы задумали противопоставить быстрые и острые контратаки из своей зоны защиты. Разумное решение. Ведь можно отыскать слабости в любой тактике, даже самой совершенной, если заранее знать, как намерен играть противник.

Армейцы начали матч в своей обычной манере — бурным натиском. И вскоре добились результата. Однако спартаковцы не сдались. В своей зоне они играли жестко и по-спортивному зло. Завладев шайбой, быстро, без малейшей задержки выводили ее из своей зоны.

На площадке то и дело возникали характерные эпизоды. Например, шайба попадала к спартаковцу у борта. Даже не успев как следует оглядеться, он знал, что к нему уже стремятся несколько соперников. И при первой возможности передавал шайбу партнеру к противоположному борту. Переводя атаку с фланга на фланг, хоккеисты «Спартака» оставляли нескольких соперников не у дел.

Когда спартаковец овладевал шайбой в углу поля, он мгновенно отдавал пас товарищу к синей линии, и тот устремлялся в контратаку. Один армейский защитник,

подстраховавший партнеров, не мог остановить двух, а иногда и трех спартаковцев. Хотя скорость бега на коньках у спартаковцев была ни чуть не выше, а, пожалуй, ниже, чем у армейцев, все же они регулярно добивались численного превосходства…

Быстрый вывод шайбы из своей зоны и острые контратаки спартаковцев принесли им успех: во втором периоде они повели в счете — 2:1. На мой взгляд, армейцам следовало перестроиться: временами ослаблять давление, не включать в борьбу за отбор шайбы сразу трех игроков, дать возможность противнику поиграть свободно, а затем внезапно возвратиться к прессингу и силовому давлению. Эффект был бы больше. Противнику стало бы труднее организовывать контратаки, так как армейские нападающие реже оставались бы позади шайбы. А быстрые контратаки армейцев приобрели бы немалые шансы на успех.

Но тактика хоккеистов ЦСКА не менялась. Они по-прежнему много и быстро перемещались, наседая на соперников в чужой зоне. Зрительно превосходство армейских игроков представлялось подавляющим, а счет был в пользу «Спартака».

Армейцы потратили в этом матче столько сил, что на последних минутах игры не сумели реализовать два выхода нападающих один на один с вратарем Виктором Зингером. Счет 3:1 сохранился до финального свистка. Благодаря разумной тактике «Спартак» взял верх над грозным соперником с его современной, но на этот раз недостаточно гибкой тактикой игры…»

А. Тарасов вне льда: с супругами Юрием и Татьяной Никулиными

С канадскими игроками Горди Хоу и Бобби Халлом

Между тем самым разгромным для армейцев стал матч 23 февраля 1969 года, где спартаковцы снова обыграли их по всем статьям, причем забили вдвое больше шайб, чем в предыдущем матче. И снова во главе этого разгрома стоял тренер «Спартака» Николай Карпов, который и в этом случае сумел подобрать ключики к грозной команде. Заметим, что у Карпова к Тарасову были старые счеты. А началась история их противостояния еще в самом начале 50-х, когда Карпов попал в ЦДСА (он играл на позиции защитника). Причем он был воспитанником «Спартака», но пришла пора служить в армии, вот его и забрали в ЦДСА. Далее послушаем его собственный рассказ: «1951-й год, в матче с ВВС Бобров один нас раскатал. Тарасов был играющим тренером и запутался совсем. Сологубову кричал: «Да убей ты Севку этого, курносого!» Колька стал за ним гоняться — но Боброва не поймаешь, он видит все! В какой-то момент показал ему, что в одну сторону пойдет, сам скользнул в другую, и Сологубов едва борт плечом не прошиб. А Бобер тихонечко ворота объехал, да и положил нам третью шайбу.

Вещи тогда в командах таскала молодежь. Загрузили в автобус, повезли в Дом Советской армии. Кто-то сумки волочил, я за куль с клюшками взялся. Навстречу Мишка Мухортов: «Дай клюшечку. Мне за ЦСКА завтра играть на первенство Москвы». Вытянул первую наугад — оказалось потом, клюшку Тарасова. На ней даже написано было. А я не обратил внимания. Идет

Мухортов на улицу, в дверях сталкивается с Тарасовым — и тот замечает свою клюшку. Представляете скандал? Мы стоим группой, Тарас подходит мрачный. «Кто отдал клюшку?» Все молчат. Уже громче: «Кто отдал?!» Снова молчание. На третий раз я сознался: «Ребята ни при чем. Извините, Анатолий Владимирович, отдал Мухортову. Не увидел, что ваша…» — «Вывести из состава, на Кубок не брать». И отправили меня в Ленинград, в команду Окружного дома офицеров (ОДО). Но я с такой злостью там играл, что Тарасова даже попрекнули: «Кого же вы выставили из команды?» А он отвечал: «Да уж, сменял масло на маргарин» (Карпов в паре с Николаем Сологубовым играли так здорово, что их пригласили во вторую сборную страны . — *Ф. Р.*).

Как-то одним поездом в Москву ехали, Тарасов подсел ко мне — и шесть часов уговаривал вернуться в ЦСКА! «Ты же армеец! Что в Ленинграде делать? Я виноват, но ты возвращайся». Я молчал. Ни словом не обмолвился, что «Динамо» меня к себе тянуло. В Москве Тарасов торопился на совещание, бросил на ходу: «Жду в ЦСКА». А я вместо этого в 54-м ушел в «Динамо». С той поры и началось с Тарасом противостояние. Постоянно меня из сборной в последний момент отцеплял…»

Под началом Аркадия Чернышева в «Динамо» Карпов отыграл четыре сезона (1954–1958), а затем перешел в столичные «Крылья Советов». Именно оттуда в 1960 году его взяли в первую сборную страны, которая отправилась на зимние Олимпийские игры в Скво-Вэлли. Карпов сыграл три игры и забил одну шайбу. Но сборная СССР, как мы помним, те Игры проиграла, заняв 3-е место.

В «Крылышках» Карпов играл до 1965 года, после чего повесил коньки на гвоздь, перейдя на тренерскую работу. Причем он стал первым советским тренером, который уехал на работу в капиталистическую страну — Финляндию. Вот его собственный рассказ об этом: «В 60-х никто из хоккеистов и мечтать не смел о том, чтобы поиграть за рубежом. Считайте, я первопроходцем стал. Финны тогда в хоккее — полные слабаки, очень меня хотели, и по линии компартии я был послан играющим тренером в рабочий клуб Тампере. Днем игроки вкалывали на заводе, а вечером приходили на каток.

Жил я в квартире второго тренера. С деньгами было так плохо, что порой приходилось подрабатывать в автосервисе — благо после войны несколько лет профессионально крутил баранку. Но ничего, постепенно команда стала прибавлять, и за один год мы пробились в высшую лигу. Местная пресса, поначалу меня будто не замечавшая, затрубила на весь мир —

коммунистическая провокация! Из Москвы прислали элитного хоккеиста, вот какие-то пролетарии Тампере и обыгрывают всех. Подстава, мол. Нечестно.

По окончании сезона вернулся в Союз, а на мое место заступил Евгений Майоров. Я похлопотал, чтобы ему и квартиру отдельную предоставили, и зарплату в два раза больше моей положили…»

Вернувшись на родину в 1966 году, Карпов работал помощником Анатолия Кострюкова в столичном «Локомотиве», но всегда мечтал о самостоятельной работе. И в 1968 году такая возможность ему представилась — его назначили старшим тренером московского «Спартака». Как мы помним, в течение четырех сезонов (1963–1967) эту команду возглавлял Всеволод Бобров, после чего бразды правления взял в свои руки Евгений Майоров, которого Тарасов, как мы помним, отцепил от сборной. С ним красно-белые заняли в 1968 году 2-е место. После чего Майоров отправился тренером в Финляндию (в команду ТУЛ), а на его место был назначен Карпов — еще один человек, у которого к Тарасову были давние претензии.

Итак, вернемся к матчу «Спартак» — ЦСКА от 23 февраля 1969 года. Рассказывает Н. Карпов: «Когда я руководил «Спартаком», то частенько ловил ЦСКА и Тарасова на его излишней горячности, вспыльчивости. Я знал, что главное — первый период выстоять. Ведь армейцы всегда старались сразу подавить соперника. Однажды применил такой ход. Выпустил мою сильнейшую тройку Майорова и Старшинова на одну смену и усадил на лавку до перерыва. А Тарасов против них всегда ставил звено Юрия Моисеева. Сидят майоровцы, сидят и моисеевцы. Зрители, руководство клуба ничего не понимают. Мне записочки шлют: «Что происходит?» А я говорю Майорову: «Спокойно, Борис, мы сейчас измотаем две ведущие тройки армейцев, а со второго периода вы будете играть через смену и разорвете их». Так и случилось: после 20 минут было 1:1, а в итоге мы разгромили ЦСКА 6:1! И было это 23 февраля, в День Советской армии…»

Между тем самым драматичным и скандальным оказался последний матч двух этих команд, состоявшийся во Дворце спорта в Лужниках спустя почти три месяца — 11 мая 1969 года. К этому поединку обе команды подошли практически с равным количеством очков: у «Спартака» их было 46, у ЦСКА на одно меньше.

В тот знаменательный день команды вышли на лед переполненного до отказа ДС (пришли 14 тысяч зрителей) в следующих составах. ЦСКА: вратарь — Николай Толстиков; 1-е

звено: защитники — Александр Рагулин, Владимир Лутченко, нападающие — Владимир Викулов, Анатолий Ионов, Анатолий Фирсов; 2-е звено: защитники — Виктор Кузькин, Владимир Брежнев, нападающие — Борис Михайлов, Виктор Полупанов, Валерий Харламов (Владимир Петров менялся с Полупановым); 3-е звено: защитники — Александр Гусев, Игорь Ромишевский; нападающие — Юрий Блинов, Евгений Мишаков, Юрий Моисеев.

«Спартак»: вратарь — Виктор Зингер; 1-е звено: защитники — Алексей Макаров, Дмитрий Китаев, нападающие — Евгений Зимин, Вячеслав Старшинов, Борис Майоров; 2-е звено: защитники — Валерий Кузьмин, Евгений Паладьев, нападающие — Александр Мартынюк, Владимир Шадрин, Александр Якушев; 3-е звено: защитники — Владимир Мигунько, Игорь Лапин; нападающие — Валерий Фоменков, Геннадий Крылов, Анатолий Севидов.

Первый период остался за «Спартаком». Счет в матче открыл Фоменков, а в конце первого периода отличился уже Старшинов. Красно-белые повели в счете 2:0. Поскольку второй период закончился с ничейным результатом, судьбу золота должен был решить последний отрезок времени. Как и положено, он начался с яростных атак армейцев. В итоге уже через полторы минуты после начала периода Викулов сократил разрыв до минимума — 1:2. С этой минуты преимущество в игре перешло к ЦСКА. Перед заключительной сменой ворот (в те годы менялись воротами в 3-м периоде после 10 минут игры) спартаковцы нарушили правила и остались в меньшинстве. И армейцы сумели сравнять счет — это сделал Петров. Но шайба засчитана не была, что и стало поводом к грандиозному скандалу. Но прежде чем рассказать о нем, приведем слова Н. Карпова: «Нас устраивала в той игре ничья. Эта близость золота закрепостила команду. Тем не менее после двух периодов ведем 2:0. В перерыве твержу: «Держите шайбу, не отбрасывайте». Но началась игра, и с ужасом вижу — команда неуправляемая! На ребятах лица нет, их попросту колотит. Даже мою надежду и опору Бориса Майорова. ЦСКА постоянно давит, мы из последних сил судорожно отбиваемся. Вот уже счет 2:1, дотянуть бы до смены ворот. И тут с сиреной Зингер пропускает вторую шайбу…»

Судья-секундометрист сообщил судьям матча Юрию Карандину и Михаилу Кириллову, что гол был забит после того, как время первой десятиминутки истекло до броска (на секундомере было 10 минут 1 секунда). Об этом судья-секундометрист сигнализировал свистком, который слышали судьи и часть зрителей, сидевших за спартаковскими воротами. Однако остальные этого свистка не услышали за ревом стадиона.

Когда об этом голе сообщили тренеру армейцев Анатолию Тарасову, он взорвался: «Гол засчитан правильно!» Но судьи упорно стояли на своем.

Согласно существующим правилам Тарасов мог заявить протест после окончания игры. Но он предпочел сделать это немедленно, причем весьма своеобразным способом, который до этого ни разу (!) в советском хоккее не применялся: он увел свою команду в раздевалку. И наотрез отказался выводить игроков обратно на лед, пока судьи не засчитают гол Петрова.

Эта незапланированная пауза длилась больше получаса — 41 минуту — и пошла на пользу «Спартаку». По словам Н. Карпова: «Я на скамейке торжествую. Нам так была нужна пауза, чтобы остановить армейский ураган, перевести дух, и Тарасов дал ее нам!..»

Все это время Тарасова кто только не уговаривал: и судьи, и представители Федерации хоккея СССР. Наконец, когда явился посыльный от Брежнева с требованием продолжить игру, Тарасов сдался. Но стал требовать отмены двухминутного штрафа за затяжку времени. Тут уже взорвался Карпов: «Товарищ судья, нарушение было?» — «Да», — отвечает Юрий Карандин. — «Так в чем же дело?». В итоге в этом споре победил Карпов. Впрочем, как и в самом матче.

Армейцы продолжили игру, но это была уже другая команда. Она играла без всякого азарта и блеска в глазах. Через несколько минут после возобновления матча армейцы были наказаны за умышленную задержку игры. Оставшись вчетвером, они пропустили третью шайбу: на 53-й минуте Зимин обыграл двух армейских защитников и поставил окончательную точку в матче — 3:1 в пользу «Спартака». Так красно-белые стали чемпионами страны. Но этому матчу суждено будет войти в историю советского хоккея как самому скандальному за всю его историю.

Практически сразу после того, как прозвучала финальная сирена, высокие начальники из Федерации хоккея СССР приняли решение не давать спуску Тарасову. Да иначе и быть не могло: ведь скандал произошел на глазах у самого Брежнева! Плюс к этому добавились еще 14 тысяч зрителей Дворца спорта в Лужниках (о миллионах телезрителей этого сказать было нельзя, поскольку они в тот день так и не поняли, почему внезапно прервалась трансляция). Поэтому газете «Советский спорт» было дано указание оповестить об этом ЧП страну.

Вспоминает Е. Рубин (в те годы он работал в «Советском спорте»): «Я не решился пожурить такого влиятельного и мстительного человека, как Тарасов, от себя лично, поэтому избрал обходной маневр. За кулисами Дворца спорта я разыскал

Николая Сологубова. Знаменитый хоккеист давно ушел из хоккея и с воинской службы, а потому перестал скрывать свою застарелую ненависть к своему первому учителю. Его я и попросил высказать свое отношение к происшествию на льду и заручился разрешением изложить сказанное в заметке под рубрикой «Реплика». Сологубов говорил долго, но заметка получилась небольшая: мат в те времена писали только на заборах…»

Эта реплика появилась в «Советском спорте» 13 мая под названием «…И сохранить достоинство». Под ней шел

комментарий самой газеты. Привожу обе публикации полностью, начав со слов Сологубова: «Инцидента, подобного тому, который произошел во время воскресного матча ЦСКА — «Спартак», кажется мне, не знает история нашего хоккея. И мне, человеку, вся жизнь которого связана с командой ЦСКА, который около десятка лет был ее капитаном, особенно больно, что виновником случившегося стали мои одноклубники. Но я не хочу упрекать команду и ее хоккеистов: они выполняли указания своего старшего тренера. И мне тем более горько, что имя этого старшего тренера — Анатолий Тарасов, тот самый Тарасов, который столько раз вел и приводил ЦСКА и сборную страны к выдающимся победам.

Что же, «Спартак» победил в этом матче — от поражений не застрахована никакая команда, даже ЦСКА. Но уметь сохранять мужество и достоинство при поражениях — это не менее обязательное качество настоящего спортсмена, чем высокое мастерство. И ни один настоящий спортсмен, выйдя на площадку, не забудет о зрителях, которые пришли на соревнование, чтобы насладиться зрелищем спорта и красивой борьбой.

Но не только для того я взялся за перо, чтобы осудить поступок Анатолия Тарасова. Мне хотелось еще подчеркнуть, что команда ЦСКА, моя команда, вела себя в эти минуты вынужденной паузы дисциплинированно, корректно, как и подобает команде, представляющей в спорте Советскую Армию. И в эти неприятные минуты я все же с гордостью думал о том, насколько крепки лучшие традиции армейского клуба, традиции, в которых воспитаны были и наши предшественники, и мы, теперешнее поколение хоккеистов ЦСКА».

От редакции было написано следующее: «Заслуги А. Тарасова в нашем хоккее велики и общепризнаны. Он многое сделал для развития этой игры в нашей стране, для завоевания сборной СССР высших мировых титулов. В его деятельности бывали, конечно, ошибки и просчеты, от которых не застрахован ни один даже самый выдающийся тренер. Беда в другом. В печати, на

заседаниях президиума Всесоюзной федерации, в руководящих физкультурных органах А. Тарасову неоднократно указывали на факты пренебрежительного отношения к хоккеистам, судьям, зрителям. Однако А. Тарасов не считался с критическими замечаниями в свой адрес, расценивал каждое из них едва ли не как личное оскорбление.

Чемпионы СССР 1969 года — «Спартак» (Москва)

Серебряные призёры и обладатели кубка СССР — ЦСКА (Москва)

Таким образом, его поведение во время воскресного матча —

отнюдь не случайность. Только на этот раз оно больно ударило по интересам 14 тысяч зрителей и миллионов телезрителей, смотревших матч. Кстати, 35-минутная непредвиденная задержка в игре нарушила программу Центрального телевидения на целый день.

Не подействовало на А. Тарасова и вмешательство руководителей отдела хоккея Всесоюзного комитета и Федерации хоккея СССР, которые терпеливо объясняли ему, что судьи действуют в полном соответствии с правилами, и приглашали лично посмотреть на показания контрольного секундомера.

Заслуживает осуждения грубость и бестактность А. Тарасова по отношению к судьям матча — молодым людям, один из которых является инженером, а другой — рабочим, отдающий свое свободное время тому самому делу, которому посвятил себя и тренер Тарасов.

После окончания матча, в момент вручения наград, публика недвусмысленно выразила свое отношение к происшествию и его действующим лицам. Если имена обладателей золотых, серебряных и бронзовых медалей (3-е место заняла команда столичного «Динамо», которая обогнала «Химик» на 13 очков — 35 против 22 . — *Ф. Р.*) встречались аплодисментами (кстати, команда ЦСКА, как это отметил Н. Сологубов, вела себя во время паузы безупречно), то имя А. Тарасова было встречено с явным осуждением…

Анатолий Владимирович носит высокое и почетное для спортивного наставника звание — заслуженный тренер СССР. Это звание присваивают лишь людям, которые не только высоко эрудированны в своем виде спорта, но и являются подлинными педагогами, воспитывающими в своих питомцах лучшие качества советского человека, в том числе и своим собственным примером. В связи с этим возникает вопрос: достоин ли этого высокого и обязывающего звания тренер А.В. Тарасов?»

Стоит отметить, что в хоккейном мире практически все уважали Тарасова за его спортивные качества, но не любили за человеческие. И когда случилось это ЧП, ни один из хоккейных тренеров не встал на защиту Тарасова. Даже интеллигентный Аркадий Чернышов, который тогда работал с ним в сборной страны, осудил его поступок. Вот как об этом вспоминает все тот же Е. Рубин: «Через несколько дней после этого исторического матча я по телефону условился с Аркадием Ивановичем об интервью и приехал на стадион «Динамо». Мы побеседовали, и он пригласил меня перекусить в ресторане «Динамо». К обеду заказали графинчик водки. Выпив первую рюмку, Чернышев сказал:

— Ну до чего же вы, журналисты, трусливая публика! Все готовы Тарасову простить.

— А вы «Советский спорт» разве не читаете? — возразил я. — Там все поставлено на свои места.

— Ты о заметке Сологубова? Да она такая маленькая, что ее и не заметишь. Про эту сволочь полагалось целую страницу написать. И дать заголовок похлеще.

Старая газетная дисциплина сохранилась у меня и поныне. Оттого и употребляю тут эпитет «сволочь» вместо куда более сочного, но из «заборного жанра», который использовал обычно хладнокровный Аркадий Иванович…»

Поскольку недоброжелателей у Тарасова хватало во всех организациях — не только в спортивных, но и в самом ЦК КПСС — этот скандал ему прощать не захотели. Тем более, что на Западе многие газеты были полны сообщениями о том, что в СССР впервые произошла забастовка хоккеистов. А это уже большая политика.

16 мая в том же «Советском спорте» появилось сообщение под рубрикой «За нарушение спортивной этики». В нем сообщалось: «На заседании коллегии Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР А.В. Тарасову не хватило принципиальности и мужества для того, чтобы дать правильную оценку своим действиям, несовместимым с нормами поведения советского тренера-педагога.

Учитывая все эти обстоятельства коллегия Комитета по физической культуре и спорту приняла решение лишить А.В. Тарасова почетного звания «Заслуженный тренер СССР».

Стоит отметить, что выдающийся тренер воспринял это наказание на удивление хладнокровно. Но не потому, что ему было безразлично звание заслуженного тренера страны, а потому, что он был убежден — опала продлится недолго. Он был твердо уверен в том, что достойной замены ему на посту тренера сборной СССР в стране просто нет. Как утверждают очевидцы, вскоре после указа о снятии с него «заслуженного» Тарасов заказал себе новую куртку с огромной наспинной буквой «Т». Таких курток тогда не было ни у одного советского тренера, а Тарасов такую заимел и проводил с ней тренировки ЦСКА (на майках игроков тогда еще не писали фамилий, как сегодня). Буква «Т», естественно, расшифровывалась как «Тарасов», но шутники переиначили ее на свой лад — «Тиран», что не было далеко от истины: как уже отмечалось на этих страницах ранее, нрав у Тарасова действительно был крутой.

Тарасов оказался прав: пост старшего тренера ЦСКА и сборной страны он за собой сохранил. И в наказанных проходил

недолго — всего несколько месяцев. Осенью, перед самым началом нового хоккейного сезона, звание заслуженного тренера СССР ему все-таки вернули, дав об этом коротенькое сообщение в еженедельнике «Футбол-Хоккей».

Кто и почему сорвал первые матчи с профессионалами

Между тем в течение нескольких месяцев, пока Тарасов находился в опале, в Госкомспорте шли бурные дебаты по поводу того, кто теперь будет возглавлять первую сборную страны. В итоге сошлись на кандидатурах Николая Пучкова (СКА, Ленинград) и Бориса Майорова («Спартак», Москва). Сам Пучков мечтал видеть своим партнером Всеволода Боброва, тот вроде бы был согласен, но из этой затеи так ничего и не вышло — Тарасов сумел-таки вернуть себе расположение большинства руководителей Госкомспорта и вместе с Чернышевым сохранил свой пост. А в августе 1969 года они протрубили новый сбор для национальной сборной, которая должна была выступить в турнире на приз газеты «Советский спорт» в Ленинграде. Причем в этот раз они вынуждены были прислушаться к тем советам хоккейных специалистов, кто критиковал их за то, что в составе сборной СССР играют одни и те же хоккеисты, а новичков очень мало. В итоге на декабрьские игры Приза «Известий» Чернышев и Тарасов (а именно последний, как мы помним, отвечал за игровой состав) привлекли ряд новых хоккеистов, правда, все они были… армейцами, из Ленинградского СКА, который тренировал несостоявшийся тренер сборной Н. Пучков. Это были: защитники Олег Чурашов и Сергей Мурашов, нападающие — Петр Андреев, Сергей Солодухин и Игорь Григорьев. Чурашов играл в паре с Игорем Ромишевским, а Андреев, Солодухин и Григорьев составили третье звено нападения.

Однако это обновление не помогло сборной СССР выиграть турнир. Главный приз достался сборной Канады, которая приехала в Ленинград в полупрофессиональном статусе — в составе этой команды играли 9 игроков из клубов НХЛ. Как это стало возможным? Начать следует издалека.

Еще в начале 1969 года советскому спортивному руководству было предложено принять у себя следующий (в марте 1970 года)

чемпионат мира и Европы. Однако на это предложение последовал вежливый отказ. Почему? Дело в том, что буквально через три недели после чемпионата у нас должен был справляться юбилей — 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Тарасова и Чернышева вызвали в ЦК КПСС и спросили: вы можете дать гарантию, что наша сборная сумеет достойно выступить на чемпионате и не испортить настроение миллионам советских людей накануне знаменательного юбилея? Тренеры пожали плечами: дескать, полной гарантии дать не можем, поскольку в сборной происходит смена поколений и молодежь пока выступает не столь стабильно, как их предшественники. В итоге от мирового чемпионата в Москве пришлось отказаться.

Тем временем после некоторых споров права провести у себя чемпионат мира и Европы впервые в истории добилась Канада. Причем в июле, на летней сессии ИИХФ, канадская делегация попыталась добиться разрешения, чтобы их сборная команда отныне комплектовалась из игроков-любителей и профессионалов из НХЛ. Руководство хоккейной Европы не могло им в этом отказать, поскольку хозяевами будущего мирового турнира были именно канадцы. Правда, канадское предложение было удовлетворено лишь наполовину: им разрешили иметь в составе своей сборной лишь 9 профессиональных игроков, да и то не из числа основных команд НХЛ. Причем главными зачинщиками этого решения были советские представители, которые, видимо, опасались ввязываться в серьезный бой с профессионалами со сборной, где играла почти одна молодежь. Безусловно, талантливая, но еще не слишком обстрелянная. Ведь в 1967–1969 годах из сборной ушли ее ветераны: Виктор Зингер, Борис Майоров, Вениамин Александров, Александр Альметов, Анатолий Ионов, Олег Зайцев, Виктор Кузькин, Владимир Юрзинов, а вместо них пришла молодежь в лице Владислава Третьяка, Владимира Лутченко, Валерия Васильева, Александра Мальцева, Бориса Михайлова, Владимира Петрова, Валерия Харламова, Владимира Викулова, Александра Якушева, Владимира Шадрина. Из ветеранов продолжали играть: Виктор Коноваленко, Александр Рагулин, Виталий Давыдов, Игорь Ромишевский, Вячеслав Старшинов, Анатолий Фирсов, Евгений Мишаков и Виктор Полупанов.

Между тем даже в усеченном виде канадская сборная сумела выиграть августовский турнир в Ленинграде. Причем решение ИИХФ разрешить вести силовую борьбу по всей площадке (таким было условие канадцев) привело к тому, что в одной из игр канадцы устроили на поле настоящее побоище. Однако история на этом не закончилась.

В самом начале декабря 1969 года в Москве состоялся очередной (третий по счету) международный турнир, который теперь проходил под эгидой газеты «Известия». И снова в рядах канадцев играли профессионалы. А у нас наравне с ветеранами играла все та же ленинградская молодежь из пяти человек. Среди новичков у нас также играли два защитника: Александр Гусев (ЦСКА), Юрий Ляпкин («Спартак»). Причем они забили по голу. А вот новички из Ленинграда сыграли в двух матчах (с финнами и чехословаками), но ни одной забитой шайбой так и не отметились.

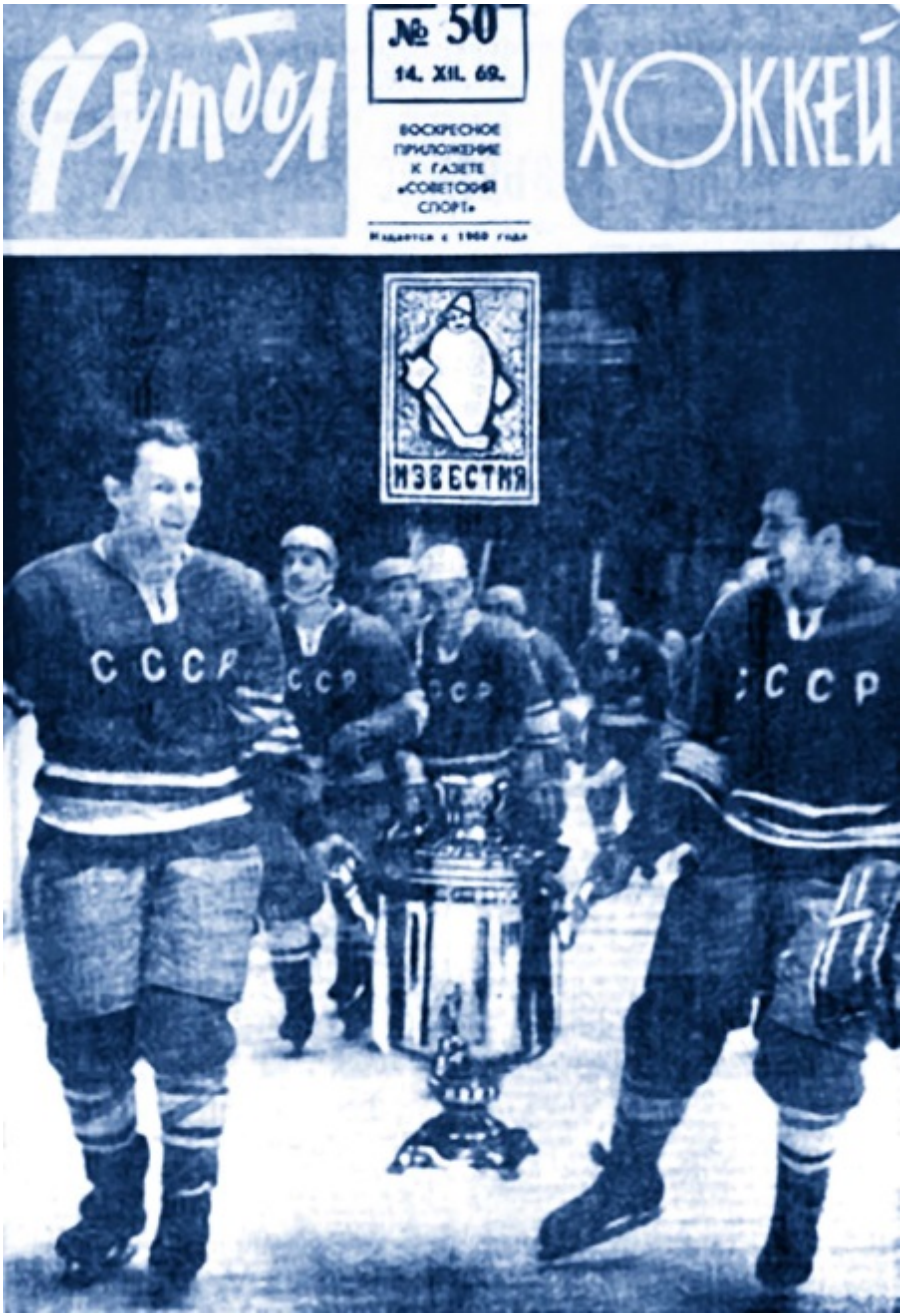
На этом турнире сборная СССР первые две матча играла в три звена, а затем опробовала новшество — игру в четыре звена нападения (при трех парах защитников). Выглядело это так: 1) защитники — Александр Рагулин (ЦСКА) и Юрий Ляпкин («Спартак») (в этой паре одну игру сыграл Александр Гусев), нападающие — Владимир Викулов, Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов (все — ЦСКА); 2) защитники — Виктор Кузькин (ЦСКА) и Виталий Давыдов («Динамо», Москва), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА); 3) защитники — Евгений Паладьев («Спартак») и Игорь Ромишевский (ЦСКА), нападающие — Евгений Зимин, Вячеслав Старшинов (оба — «Спартак») и Александр Мальцев («Динамо», Москва); 4) нападающие — Петр Андреев, Сергей Солодухин и Игорь Григорьев (все — СКА, Ленинград) (три матча) и Александр Мартынюк, Владимир Шадрин и Александр Якушев (все — «Спартак») (два матча).

Отметим, что в этой микродуэли четвертых звеньев нападения победа осталась за спартаковцами, которые забили 4 шайбы (Мартынюк — 3, Якушев — 1), в то время как ленинградские армейцы отметились всего лишь одним голом (Григорьев). Поэтому ленинградское звено продержится в сборной недолго.

Хотя турнир наша сборная выиграла, обыграв с крупным счетом почти всех своих главных соперников: ЧССР — 8:2, Швецию — 6:2, Финляндию — 5:1. Правда, с аутсайдером турнира сборной ГДР наши ребята «скатали» игру 4:3, но это был первый матч турнира, поэтому сборная СССР играла, что называется, «вполноги». И только матч с канадцами выдался для нас по-настоящему трудным. Он закончился ничейным результатом 2:2. Почему? Нашим ребятам не удалось задавить канадцев атлетически, а еще канадцы здорово играли в пас, чем здорово удивили наших тренеров (то же самое было и в августе). Вот как описывал игру сборной Канады на Призе «Известий» тренер А. Прилепский: «Канадцы начали преодолевать

нейтральную зону коллективно, научились отдавать шайбу партнеру. Врываться в чужую зону хоккеисты стремятся так, чтобы не терять шайбы. Особенно заметно было это в тройке Хака. Он уже несколько лет играл против европейских хоккеистов и, видимо, понял, что вбрасывать шайбу в чужую зону и потом за нее бороться менее выгодно, чем оставить ее у себя или передать партнеру.

Идя в атаку, канадцы посылали шайбу тому игроку, который катился впереди. Если защитники останавливали игрока с шайбой, тот посылал пас партнеру, набравшему скорость и приблизившемуся к синей линии чужой зоны. Если пас запаздывал или соперники перекрывали путь передаче, то игрок вбрасывал шайбу в зону, как и раньше. При этом канадцы заботились о том, чтобы партнер мог, не снижая скорости, ворваться в переднюю зону и там бороться за шайбу, отскочившую от лицевого борта».



На фотографии, опубликованной на обложке еженедельника «Футбол-Хоккей» в декабре 1969 года В. Старшинов и А. Фирсов с призом — тульским самоваром

Отметим, что эта любительская сборная Канады сумела сыграть вничью с победительницей турнира, сборной СССР, проиграла чехословакам (0:4), но нанесла поражения шведам

(5:2), финнам (10:1) и восточным немцам (5:4). Набрав 7 очков, канадцы заняли 2-е место, опередив третью команду, сборную Чехословакии, на одно очко (она проиграла шведам со счетом 3:4).

Несмотря на безрезультативную игру, ленинградских нападающих оставили в сборной (в отличие от двух защитников) и взяли в турне по Канаде в том же декабре. В этой поездке наша сборная провела пять матчей против сборной Канады и потерпела общее поражение: у нее было две победы (5:3, 9:3) и три проигранных матча (3:4, 1:5, 2:3). В этих играх тройка Андреев — Солодухин — Григорьев забила четыре шайбы (Андреев — 2, Солодухин и Григорьев — по одной, все шайбы забиты в матче, который наша сборная выиграла со счетом 9:3). Все эти матчи против канадцев (на «Известиях» и в Канаде) наводили на мысли о том, что канадские любители, кажется, нашли противоядие против сборной СССР. А тут еще на горизонте зримо замаячили еще более трудные игры с канадскими профессионалами на чемпионате мира и Европы в Канаде, который должен был состояться в марте 1970 года. И снова напомним: эти игры должны были пройти меньше чем за месяц до большого юбилея — 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. И гарантии, что сборная СССР сумеет одолеть канадцев на их поле и не испортить большой праздник, у советского спортивного начальства не было. Впрочем, не было такой уверенности и у Тарасова с Чернышевым, поскольку в их сборной, как уже отмечалось, происходила смена поколений, причем молодежь играла не столь стабильно, как это было у их предшественников. Во всяком случае, против мощных канадцев их шансы были из разряда фифти-фифти. Короче, перенеся ЧМ из Москвы, чтобы не попасть впросак накануне юбилея В.И. Ленина, советские спортивные руководители угодили в новую ловушку. В итоге им пришлось искать выход уже из нее.

И он был найден, причем руку помощи протянули функционеры ИИХФ, которым лучше было поссориться с канадскими боссами, чем с советскими. Поэтому в январе 1970 года ИИХФ отыграла назад — вообще запретила использовать в канадской сборной хоккеистов из НХЛ. В ответ канадцы отказались проводить у себя чемпионат мира и Европы и отправлять свою сборную на этот турнир. ИИХФ это не сильно расстроило, и она отдала турнир Швеции (во второй раз подряд).

Когда Тарасов с Чернышевым узнали, где будет проходить мировой турнир, они почувствовали некоторое облегчение. Ведь до этого наша сборная трижды выступала в Швеции на ЧМиЕ и каждый раз завоевывала золотые медали. Не стал исключением и этот чемпионат, где советская сборная выиграла турнир, обогнав

ближайшего преследователя — сборную Швеции — на три очка (18 против 15). А сборная Чехословакии и вовсе отстала от нас на 7 очков. Короче, это был достойный подарок к 100-летию В.И. Ленина.

«Это есть наш последний…»

В дни ленинского юбилея Тарасов сотворил еще одну победу — вернул с ЦСКА чемпионские медали, обойдя «Спартак» на 10 очков (79 против 69). Причем третьей командой был воскресенский «Химик», который отстал от «Спартака» всего на 3 очка. Далее шли ленинградские армейцы (51 очко) и московские динамовцы (49 очков).

Однако летом, во время предсезонного сбора, антитарасовская оппозиция в Госкомспорте вновь подняла вопрос о том, что тренеров сборной СССР пришла пора менять. Что они, конечно, молодцы (с 1963 года выиграли со сборной восемь чемпионатов мира), но пора и честь знать, пора уступать дорогу другим тренерам. И в качестве последних называли Всеволода Боброва и Николая Пучкова (ленинградский СКА, как мы помним, занял 4-е место в чемпионате СССР 1970 года). На фоне этих разговоров Тарасов решил пойти на хитрость. Он объявил, что уходит с поста тренера ЦСКА, чтобы сосредоточиться на написании диссертации. На его место заступил его помощник Борис Кулагин. Что касается сборной СССР, то там место за Тарасовым было сохранено, видимо, как компромисс: одно место отняли, другое оставили. Поэтому к декабрьскому Призу «Известий» сборную СССР готовили Чернышев и Тарасов. Но эта подготовка закончилась провалом. Советская сборная выиграла три матча (со шведами, финнами и поляками), но главную игру — против сборной Чехословакии — проиграла со счетом 1:3.

В нашей сборной появились трое дебютантов, причем все нападающие: Анатолий Белоножкин и Юрий Чичурин из столичного «Динамо», Александр Сырцов из «Химика». Все они сыграли во всех четырех матчах и забили две шайбы: это сделали Белоножкин и Чичурин, которые играли в звене с Александром Мальцевым (это было динамовское звено). Причем сам Мальцев забил две шайбы. Короче, в сборной это звено совсем не блистало, как это было в «Динамо» (там в сезоне 1969/1970 один Мальцев забросил 31 шайбу, заняв 9-е место в списке

бомбардиров). Поэтому больше к играм за первую сборную Белоножкина и Чичурина привлекать не будут, а Мальцев вынужден будет «скитаться» по разным звеньям.

Тем временем в чемпионате СССР ЦСКА во главе с Кулагиным играл гораздо слабее, чем при Тарасове. Например, армейцы проиграли две игры московским динамовцам (1:4, 1:3), одну игру ленинградским армейцам, причем с крупным счетом (2:7), одну игру «Спартаку» (2:3), одну игру «Химику» (1:4). После чего в болельщицких кругах даже пошли разговоры, что армейцы специально «сливают» матчи, чтобы высокое руководство вернуло на тренерский мостик Тарасова. Тот, хоть и слыл диктатором и самодуром, однако мог постоять за своих хоккеистов, выбить для них разного рода блага и привилегии. В итоге в январе 1971 года Тарасов вернулся на должность старшего тренера ЦСКА. И армейцы сразу стали выигрывать: у динамовцев (6:2, 8:4), у ленинградцев (7:1, 8:2), у «Спартака» (3:1, 12:3).

Что касается Кулагина, то он был уязвлен своей отставкой и решил уйти из ЦСКА. Благо спортивное руководство, высоко ценя его тренерский талант, предложило ему в новом сезоне 1971/1972 возглавить команду «Крылья Советов», дела которой шли неважно — в сезоне 1970/1971 она займет 6-е место, пропустив вперед себя и ленинградский СКА (3-е место), и воскресенский «Химик» (5-е место). Самое интересное, но Кулагин ушел в «Крылышки», забрав с собой целую плеяду молодых игроков, которых Тарасов мариновал в запасе, не давая им шансов раскрыться. Среди этих игроков были: Вячеслав Анисин, Юрий Лебедев, Александр Бодунов, Юрий Терехин.

Вспоминает В. Анисин: «В ДЮСШ ЦСКА я попал в 1963 году. А уже через два года выступал за армейцев на первенстве Москвы. Моими первыми тренерами были Николай Вениаминович Голомазов и Виктор Георгиевич Ерфилов. Руководство школы строго следило за нашей учебой и регулярно проверяло у нас дневники. Стоит также отметить, что за нашими выступлениями самым пристальным образом следили тренеры главной команды ЦСКА — Анатолий Владимирович Тарасов и Борис Павлович Кулагин. Они частенько посещали матчи с нашим участием и всегда были в курсе, кто на что способен. Помнится, перед поездкой с юношеской командой на турнир в Новосибирск Тарасов зашел в раздевалку и прочитал нам напутственную речь, смысл которой сводился к тому, что мы представляем великий клуб и должны всегда дорожить честью флага. Вы не можете себе представить, какая для нас — мальчишек — это была честь!

Вместе со мной в молодежной команде ЦСКА играли многие будущие звезды. Например, Владислав Третьяк. Помимо него

заиграли на высшем уровне его коллега по амплуа Геннадий Лапшенков, защитник Юрий Терехин плюс мои многолетние партнеры по «Крыльям» и сборной СССР Юрий Лебедев и Александр Бодунов. Сам я дебютировал в основном составе армейцев в сезоне 1967/1968 в шестнадцатилетнем возрасте. Правда, провел всего одну игру. А постоянно играть за ЦСКА начал с первенства 1969/1970…

Предложений от других клубов хватало. Особенно мне запомнилось предложение от Роберта Черенкова, который в те годы тренировал клуб первой лиги саратовский «Авангард». Как-то он подошел ко мне и напрямую спросил: «Сколько ты получаешь в ЦСКА?» — «60 рублей», — ответил я. «Если поедешь со мной на Волгу, сделаю тебе оклад — 120 рублей, устрою в институт, где ты со временем без проблем получишь диплом». Но я без раздумий отклонил его предложение. О целях и задачах Роберт Дмитриевич не распространялся, а быть первым парнем на деревне мне совершенно не хотелось. Помимо меня он обхаживал и Лебедева с Бодуновым. Когда мы втроем встретились, я им озвучил свою позицию, и они в знак солидарности согласились со мной…

Весной 1971 года я принял решение покинуть ЦСКА с целью получить в другом клубе больше игровой практики. Но это оказалось не так-то просто. Узнав о моих намерениях, Тарасов решил, что называется, меня проучить. И приказал отправить рядового Анисина в действующую часть на целину до окончания воинской службы. От целины меня спас отец, который в то время занимался подготовкой космонавтов и имел вес в определенных кругах. Но служить все равно пришлось. Больше месяца провел в одной из курских частей, где отрабатывал по полной — караул, автоматы, сапоги, портянки… Летом, демобилизовавшись, вернулся в родную Москву. Буквально тут же со мной на связь вышел Борис Моисеевич Шагас, имевший отношение к московскому «Спартаку». По его совету я связался с главным тренером красно-белых Борисом Александровичем Майоровым, с которым мы тут же нашли общий знаменатель. В конце лета вместе со «Спартаком» я должен был отправляться на предсезонный турнир в немецкий Фюссен. Уже сдал все необходимые документы на поездку, как совершенно случайно повстречал на Ленинградском проспекте Лебедева и Бодунова. Поздоровались, то да се. У них тоже закончился срок службы, и они перешли к Кулагину в «Крылья». В оба голоса говорят мне: «Какой «Спартак»? С четырнадцати лет вместе играем, давай к нам». В итоге отвели они меня к Борису Павловичу. Я объясняю ему, мол, так и так, не против поиграть у вас, но связан

обязательствами с Майоровым. Кулагин, выдержав паузу, сказал: «Может быть, ты не в курсе, но позавчера Майоров был отправлен в отставку. На его место пришел Юрий Баулин. С ним, поверь, я договорюсь без всяких проволочек». Я кивнул в знак согласия и с того момента стал полноправным членом команды «Крылья Советов»…»

В марте 1971 года подоспел чемпионат мира и Европы в Швейцарии. Сборную СССР на него повезли Тарасов и Чернышев. На том турнире опять не было канадцев, что, конечно же, облегчило нашей сборной задачу, поскольку по-серьезному «разбираться» пришлось лишь с одной командой — вечным нашим соперником сборной Чехословакии. Как мы помним, она и раньше всегда стояла у нас как кость в горле, но после известных событий 1968 года получила дополнительный стимул сражаться против советских хоккеистов — не только спортивную злость, но еще и политическую. В итоге в Швейцарии сборная СССР легко обыграла всех своих соперников с крупным счетом (шведов, финнов, западных немцев и американцев, забросив в их ворота в общей сложности 72 шайбы, а в свои пропустив лишь 16), а вот чехословаков обыграть так и не сумела: одна игра закончилась вничью 3:3, а вот вторую наши ребята проиграли 2:5. Но поскольку чехословаки умудрились проиграть шведам 5:6, золотые медали достались нашим хоккеистам.

Кстати, последнюю игру, 3 апреля 1971 года, наша сборная тоже играла против шведов. Нас устраивала и ничья, но о ней, естественно, никто не думал — все рвались победить. Это была единственная тяжелая игра наших со шведами на том чемпионате, поскольку в первом матче мы одолели «Тре Крунур» с разгромным счетом 8:0. Однако тяжело нам было только первая два периода. В первом мы вели — 2:1, а во втором уже шведы — 3:2. Именно в тот момент Тарасов, чтобы поднять боевой дух своей команды, в раздевалке, перед выходом на заключительную двадцатиминутку внезапно запел… «Интернационал»: «Это есть наш последний и решительный бой…» После этого ничего говорить советским хоккеистам было уже не надо. Они вышли на лед и буквально «разорвали» шведов, выиграв тот период со счетом 4:0. Итог матча — 6:3 в нашу пользу. Советская сборная в 9-й раз подряд стала чемпионом мира.

Самое интересное, но для Тарасова тот чемпионат и в самом деле станет «последним и решительным боем», поскольку на все последующие сборная будет ездить уже без него. Впрочем, не будем забегать вперед.

Матчи между сборными СССР и ЧССР всегда отличались высоким накалом страстей

«Он учил нас стойкости»

Спустя месяц после мирового турнира в Швейцарии закончился чемпионат СССР. Золотые медали в нем вновь достались подопечным Тарасова — ЦСКА. А на втором месте были столичные динамовцы, которые не удостаивались серебряных медалей семь лет — с 1964 года. А на третью ступеньку пьедестала сенсационно взошла команда СКА из Ленинграда, которую тренировал Н. Пучков. Далее шли московский «Спартак» и воскресенский «Химик». Как мы помним, тренеры всех четырех команд были ярыми антагонистами Тарасова — как в личном плане, так и в спортивном.

«Динамо» Чернышева добилось успеха благодаря тактике, которую они взяли на вооружение с конца 60-х. Что за тактика? Вот как об этом рассказывает их легендарный защитник В. Давыдов (он же в 1963–1971 годах защищал и цвета сборной СССР): «Прежде «Динамо» пользовалось в защите так называемым «частоколом». Четыре игрока располагались на своей синей линии, а пятый впереди старался пристроиться к сопернику с шайбой, замедляя чужую атаку. Это был пассивный метод обороны, так как инициатива без борьбы отдавалась соперникам. Потом этот метод модернизировали в прессинг. Обороняющиеся в конце концов приходят почти к такому же, как при «частоколе», построению, но находясь в движении, а не стоя на месте, как происходило на заре советского хоккея.

Коротко, суть нашего прессинга в следующем. Крайние нападающие пристраиваются к «краям» соперничающей команды и сопровождают их. Оба наших защитника отступают по центру, а перед ними откатывается назад наш центральный нападающий. Эти трое образуют треугольник с вершиной, обращенной в сторону соперников. Отступление происходит до синей линии своей зоны. Здесь один из защитников вступает в борьбу за шайбу с центрфорвардом соперничающей команды, против которого действует и наш центральный нападающий…

Когда динамовцам удается в полном боевом порядке

отступить к синей линии, то у соперников почти не остается шансов с ходу прорвать нашу насыщенную оборону. Им трудно найти лазейку для чистого, без потери шайбы, входа в нашу зону с помощью дриблинга или паса. Остается один путь — расстаться с шайбой, бросив ее в лицевой борт. После этого соперник может вторгнуться на нашу территорию. Но чтобы продолжить атаку, ему нужно еще овладеть шайбой, к которой первыми устремляются наши крайние игроки, каждый на своем фланге. В борьбе за «ничейную» шайбу шансы сторон примерно равны. Инициатива как бы делится пополам. Вот какие выгоды сулит оборона прессингом…»

Отметим, что эта тактика появилась в «Динамо» не случайно, а только после того, как в их команде появился сильный центральный нападающий, настоящий гений атаки, которого у них никогда не было. Речь идет об Александре Мальцеве, который в сезоне 1970/1971 стал самым результативным бомбардиром первенства СССР, набрав 57 очков (37 забитых шайб + 20 голевых передач). А его партнер по звену — правый крайний нападающий Юрий Чичурин — набрал 36 очков (29 + 7). На левом краю играл Анатолий Белоножкин, но он в основном ассистировал. Как мы помним, год назад эту тройку в полном составе приглашали в сборную СССР, однако она так и не «выстрелила». В итоге в сборной закрепился лишь Мальцев, который на чемпионате мира и Европы — 1971 в Швейцарии занял 3-е место среди бомбардиров, набрав 16 очков (10 + 6). Кроме этого, он вошел и в символическую сборную мира.

В июле хоккеисты ЦСКА, отдохнув от забот праведных, вновь собрались вместе, чтобы приступить к очередным тренировкам в преддверии нового сезона. И снова основной упор

Тарасов делал на атлетическую подготовку, которая была краеугольным камнем в их тренировочном процессе. Вот как об этом рассуждает уже известный нам тренер В. Егоров: «Хоккеисты ЦСКА уже немало лет основательно готовят себя атлетически, много упражняясь с отягощениями. Ведь тактика их игры забирает уйму энергии! Постоянное быстрое маневрирование всех полевых хоккеистов, самоотверженная силовая борьба, беспрестанные атаки либо на ворота, либо на соперников с шайбой — все это дается нелегко. И не будь армейские хоккеисты настоящими атлетами, подобная тактика оказалась бы им не по плечу. Как не по силам она мастерам многих других наших клубов — тем игрокам, которые не прошли трудного пути планомерной и многолетней атлетической подготовки.

Вот мы и подошли к основной причине, не дающей многим командам возможности сейчас же, немедленно взять на

вооружение самую эффективную тактику игры. К высокой физической кондиции, необходимой для тактики постоянного нападения, надо подводить хоккеистов планомерно в течение многих лет. Здесь, если поспешишь, людей насмешишь. Начнешь, к примеру, быстро увеличивать нагрузки, повышать интенсивность занятий до такого уровня, как в тренировках команды ЦСКА, и только испортишь все дело. Внешне, правда, все будет выглядеть гладко. Игроки как будто бы начнут неплохо переносить огромное напряжение беспрестанного и быстрого нападения. Но пройдет несколько матчей, и хоккеисты сникнут. А восстанавливать силы придется долго и, самое обидное, в разгар сезона, когда команде нужны очки, нужны победы в матчах. Вот и приходится тренерам других клубов в физической подготовке игроков идти другими путями, не копируя занятий московских армейцев, ставя во главу угла не атлетизм, а, например, беговую подготовку, которую дополняют атлетическими упражнениями…»

А теперь послушаем мнение человека, который непосредственно тренировался под началом А. Тарасова — вратаря В. Третьяка: «Мне его (Тарасова . — *Ф. Р.*) требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью — сделать наш хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики.

Валерий Харламов рассказывал такой случай. Однажды во время тренировки у него развязался шнурок на ботинке. Он остановился, нагнулся, чтобы его завязать. Тарасов увидел это. Помрачнел и тут же обрушился на хоккеиста:

— Вы, молодой человек, украли у хоккея десять секунд, и замечу, что вы никогда их не наверстаете.

Помню, получив однажды новые щитки, я сидел и прошивал их толстой сапожной иглой. За этим занятием застал меня Анатолий Владимирович.

— Что, хочешь играть?

— Хочу! — вытянулся я перед ним.

— Вот и хорошо. Завтра в щитках на зарядку явишься. Утром шел дождь. Все рты разинули, увидев, что я вышел на пробежку в кедах и в щитках. А объяснялось все просто: тренер хотел, чтобы я быстрее размял жесткую кожу щитков, подготовил их к бою.

Все знали, что, когда Тарасов обращается к хоккеисту на

«вы», ничего хорошего это не предвещает. Осенью 69-го после календарной игры всесоюзного чемпионата — первого в моей биографии — он как-то говорит:

— Зайдите ко мне, молодой человек. Я испугался. Вроде бы никаких грехов за собой не знал, но…

— Вы догадываетесь, почему я вас пригласил?

— Нет.

— Тогда идите и подумайте. В смятении я закрыл за собой дверь, а через час снова зовут меня пред грозные очи.

— Ну что? Подумали?

В полном недоумении пожимаю плечами.

— Ладно, — вдруг сменил гнев на милость Тарасов. — Бери стул и садись. Да не бойся, ближе садись. Ты же вчера под правую ногу две шайбы пропустил, бедовая твоя голова. Почему? Ну-ка, давай разберемся.

Я постепенно вновь обретал присутствие духа. Тарасов требовал думать, он хотел, чтобы я научился анализировать каждый свой промах, каждую ошибку.

— Владька, а что, если ты станешь крабом? Понимаешь меня? Сто рук и сто ног! Вот так, — он выходил на середину комнаты и изображал, каким, по его мнению, должен быть вратарь-краб. Я подхватывал идею. Так мы работали. Не было ни одной тренировки (ни одной), чтобы Тарасов явился к нам без новых идей. Он удивлял каждый день. Вчера — новым упражнением, сегодня — оригинальной мыслью, завтра ошеломлял соперников невиданной комбинацией.

— Ты думаешь, играть в хоккей сложно? — спросил меня Тарасов в самом начале нашей совместной работы.

— Конечно, — ответил я. — Особенно если играть хорошо.

— Ошибаешься! Запомни: играть легко. Тренироваться тяжко! Сможешь 1350 часов в год тренироваться? — тут он повысил голос. — Сможешь так тренироваться, чтобы тебя поташнивало от нагрузки? Сможешь — тогда добьешься чего-нибудь!

— 1350? — не поверил я.

— Да! — сказал, как отрубил, Тарасов. На занятиях он умел создать такое настроение, что мы шутя одолевали самые чудовищные нагрузки. «Тренироваться взахлеб», — требовал от спортсменов Тарасов. А о том, какие были нагрузки, вы можете судить по следующему факту: приезжавшие в ЦСКА на стажировку хоккеисты других клубов после двух-трех занятий поспешно собирали чемоданы и, держась за сердце, отбывали домой. «Не по Сеньке шапка», — смеялись мы. Однажды в ЦСКА приехал поднабраться опыта знаменитый шведский хоккеист Сведберг, но и его хватило ненадолго. На третий день после

обеда он, заметно побледневший, стал прощаться.

— Мы, шведы, еще не доросли до таких тренировок, — смущаясь, объяснил гость свой преждевременный отъезд.

Никогда мне не забыть уроков Тарасова. Теперь, по прошествии многих лет, я отчетливо понимаю: он учил нас не хоккею — он учил жизни.

— Валерка! — вдруг озадачивал Анатолий Владимирович юного Харламова в разгар тренировки. — Скажи мне, пожалуйста, когда ты владеешь шайбой, кто является хозяином положения?

— Ну как же, — простодушно отвечал хоккеист, — я и есть хозяин.

— Неправильно! — торжествовал Тарасов. — Ты слуга партнеров. Ты играешь в советском коллективе и живешь прежде всего интересами товарищей. Выброси в мусорный ящик свое тщеславие. Умей радоваться успехам товарищей. Будь щедр!..

Анатолий Владимирович считал, что чем хуже погода, тем лучше для закалки характера. Однажды в день матча с нашим традиционно трудным соперником московским «Динамо» грянул 30-градусный мороз. Надо на зарядку выходить, а боязно — как бы не простудиться! Столпились мы все в вестибюле, ждем Тарасова, надеясь на то, что он отменит сегодня зарядку. И вот появляется. Демонстративно никого не замечая, сразу ко мне, самому юному:

— Вы что стоите, молодой человек?

— Так ведь все стоят.

— Какое вам дело до всех?! Вы давно должны разминаться с теннисным мячом.

Как ветром выдуло команду из вестибюля.

Что касается теннисного мяча, то Тарасов приучил меня не расставаться с ним никогда. Где бы я ни был, я должен был все время бросать-ловить теннисный мяч. Дело доходило до курьезов: купаемся мы в море во время разгрузочного сбора, а тренер спрашивает:

— А где ваш мяч, молодой человек?

— ?..

— Вы и в воде с мячом должны быть.

Думаете, шутил? Ничего подобного! Пришлось нам с Колей Толстиковым к плавкам специальные кармашки пришивать — для мячей. Кому-то, возможно, покажется, что это уж слишком. Но как знать, не будь мяча, не будь других тарасовских придумок, сложилась бы моя судьба столь счастливо?

Он учил нас стойкости и благородству, учил трудиться, как умел это делать сам. У Анатолия Владимировича было такое

выражение: «Идти в спортивную шахту», что по сути означало тренироваться по-тарасовски.

Тренер постоянно внушал мне, что я еще ничего собой не представляю, что мои удачи — это удачи всей нашей команды. И тут я безоговорочно верил ему. И думаю сейчас, что если бы было иначе, то ничего путного из меня бы не получилось…»

Наконец, приведем мнение еще одного вратаря — Иржи Холечека, который защищал ворота сборной ЧССР (1966–1976; в 1971 году был признан лучшим вратарем мирового турнира в Швейцарии) и который мог воочию наблюдать за работой Анатолия Тарасова: «Из зарубежных тренеров я больше всего уважал Тарасова. Это — тренер-философ, изучавший во всех деталях игру соперников, которых он всегда оценивал по достоинству и никогда не копировал. Даже в ходе самой бурной игры он успевал заносить в свой неизменный блокнот все, что происходило на льду.

Для регистрации происходящего ему не требовались помощники, он все успевал сам. Он был строг, в команде поддерживал беспрекословный порядок, умел добиваться от игроков стопроцентного выполнения своих обязанностей и пользовался уважением. Из-за его манеры поведения у него имелось немало врагов. Но он считал, что человек, неуклонно следующий к своей цели, неизбежно вступит в определенные противоречия».

Сборная СССР атакует ворота чехословацкого голкипера Иржи Холечека

Как Тарасов создал новое суперзвено

Сразу после летних сборов 1971 года сборная СССР собралась снова, на этот раз чтобы провести короткое турне по ФРГ в преддверии нового сезона (на конец года намечался очередной розыгрыш Приза «Известий», а в начале следующего года маячил главный турнир — Олимпийские игры в Саппоро). В немецком турне наша сборная сыграла два матча с национальной командой ФРГ и в обоих победила: 9:4 и 14:1. Больше всех голов в этом турне забила армейская тройка нападения Михайлов — Петров — Харламов — на их счету было девять шайб. Из них за Петровым было 5 (причем четыре он забил во второй игре 26 сентября), за Харламовым — 3 (все были забиты в первом матче 24 сентября), за Михайловым — одна.

Однако столь высокая скорострельность этого звена не остановила тогда Тарасова от мысли… разрушить это звено, изъяв из него Харламова. Тренер пришел к выводу, что тот (а именно он в этом звене был его любимчиком) не имеет возможности показать весь свой выдающийся потенциал, который он мог бы продемонстрировать, играй он с другими партнерами. И в голове у Тарасова созрела идея создать суперпятерку ЦСКА и сборной в которую бы вошли нападающие Анатолий Фирсов, Валерий Харламов и Владимир Викулов, а также двое защитников в лице Александра Рагулина и Геннадия Цыганкова. Пятерка создавалась с дальним прицелом: во-первых, чтобы выиграть Олимпиаду, во-вторых — чтобы дай бой канадским профессионалам, игры с которыми (и Тарасов об этом догадывался) были уже не за горами.

Рассказывает В. Акопян: «Тарасов задумал обогатить игровой принцип фирсовской «системы» несравненным исполнительским мастерством В. Харламова. Эти подробности важны для того, чтобы понять, как трудно было Тарасову убедить самого себя в том, что усиление звена Фирсова за счет ослабления тройки

Петрова суммарно даст команде ее общее усиление. Иными словами, степень усиления звена Фирсова будет выше, чем степень ослабления тройки Петрова.

Но не менее важно в этой истории то, что кроме желания усилить игру сборной в целом Тарасов стремился «продлить спортивную жизнь великих ветеранов, А. Фирсова и А. Рагулина» в элите мирового хоккея…

«В условии задачи» имелись стоппер Рагулин, хавбеки Цыганков и Фирсов, форвард Викулов. Спрашивалось «в задачнике», кто из форвардов мог идеально завершить формирование этой пятиконечной «звезды»? Тарасов знал, что это должен быть игрок уникальный, совсем непохожий по стилю игровой композиции и восприятию хоккея на Фирсова и Викулова. Дабы дополнить их разнородность новыми индивидуальными гранями и значительно обогатить атакующий потенциал пятерки и всей команды.

Только Валерий Харламов, этот удивительный хоккейный самородок, был тем несравненным «самоцветом», способным идеально завершить художественную композицию этого ансамбля. Михайлов и Петров были наотрез не согласны с концепцией тренера, но Харламов ощутил в этом замысле свежее дуновение качественно новой игровой волны, и его верные партнеры, наступив на горло собственным интересам, благословили товарища на свершения…»

Обкатка нового звена пришлась аккурат на Приз «Известий», игры которого проходили в Москве во второй половине декабря 1971 года (в турнире приняли участие четыре европейские сборные: Советского Союза, Чехословакии, Финляндии и Швеции). Именно там на лед вышло звено в составе: защитники — Геннадий Цыганков и Игорь Ромишевский, нападающие — Владимир Викулов, Анатолий Фирсов и Валерий Харламов (а к Михайлову и Петрову поставили Юрия Блинова). Два других звена выглядели следующим образом: 2) защитники — Виктор Кузькин и Владимир Лутченко (оба — ЦСКА), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Юрий Блинов (все — ЦСКА); 3) защитники — Валерий Васильев и Виталий Давыдов (оба — «Динамо», Москва), нападающие — Александр Мартынюк, Владимир Шадрин и Евгений Зимин (все — «Спартак») (в этом же звене на замену выходил динамовец Александр Мальцев).

Несмотря на то, что у трех команд в итоге набралось по четыре очка (СССР, ЧССР, Финляндия), Приз «Известий» достался советской сборной, у которой были лучшие показатели забитых и пропущенных шайб — 19:7. Из них на долю новой тройки нападения выпало 9 забитых шайб: Викулов — 5, Харламов — 3,

Фирсов — 1. Тройка Петрова забросила 5 шайб: Михайлов и Блинов — по 2, Петров — 1. Получалось, что рокировка пошла на пользу советскому хоккею. Как пишет все тот же В. Акопян: «Пятерка получилась на диво. Реактивные форварды в одиночку и с изобретательной поддержкой Фирсова кромсали оборону любого соперника. Хавбеки в зародыше душили большинство контрвыпадов оппонентов, а стоппер Рагулин, как монолитный утес, цементировал оборону…»

Оба новых звена блестяще себя показывали и в чемпионате СССР, который начался в октябре 1971 года и к началу Олимпиады перевалившего за середину. Впрочем, об этом мы поговорим чуть позже, а пока вернемся к Олимпийским играм в Саппоро (Япония), которые открылись в самом начале февраля 1972 года.

На Олимпиаде в фирсовском звене вместо Игоря Ромишевского стал выступать Александр Рагулин. Звено снова выступило выше всяческих похвал, забив в пяти матчах 19 шайб (Харламов — 9 (+ 7 голевых передач), Викулов — 5 (+3), Цыганков — 3 (+2), Фирсов — 2 (+5). Два других звена выглядели следующим образом: 2) защитники — Владимир Лутченко и Игорь Ромишевский, нападающие — Евгений Мишаков, Владимир Петров и Юрий Блинов (все — ЦСКА — таким образом, в сборной было два полновесных армейских звена); 3) защитники —

Валерий Васильев (иногда вместо него играл Виктор Кузькин) и Виталий Давыдов, нападающие — Александр Мальцев, Владимир Шадрин и Александр Якушев (одну игру в этом звене провел Евгений Зимин).

На счету второго звена было 5 шайб (Блинов — 3, Мишаков — 2), на счету третьего — 7 (Мальцев — 4, Шадрин, Зимин и Кузькин — по одной).

Самой упорной для нашей сборной выдалась вторая игра — против шведов. После двух периодов мы вели со счетом 2:0, но в третьем периоде шведы преобразились и сумели свести игру к ничьей — 3:3. Однако к финалу против сборной Чехословакии (матч состоялся 13 февраля) сборная СССР подошла в качестве лидера турнира, набрав 7 очков. У сборной ЧССР было на очко меньше. Столько же набрала и команда США. В случае нашей победы американцы имели все шансы обойти чехословаков и занять 2-е место. Естественно, советские спортивные начальники были бы рады другому исходу — чтобы два первых места достались представителям социалистических стран — СССР и ЧССР. Поэтому Тарасову и Чернышеву было рекомендовано сыграть вничью. При таком раскладе довольными должны были

остаться все, кроме американцев. Однако советские тренеры, у которых был длинный зуб на чехословаков (особенно это касалось Тарасова), проигнорировали эту рекомендацию, настроив своих игроков только на победу. Что и было сделано со счетом 5:2 (уже после второго периода наши ребята вели 4:1). Эту историю тренерам не простят.

Сборная без Тарасова

Спустя два месяца после Олимпиады должен был пройти очередной чемпионат мира и Европы. На этот раз принимать его предстояло столице Чехословакии городу Праге, что внесло существенные коррективы в существование тарасовской суперпятерки — она была распущена. Почему? Все дело было в Анатолии Тарасове, а вернее в его неуправляемом и взрывном характере, который очень часто его подводил. Например, только в 1971–1972 годах это происходило дважды и оба раза вызывало международный скандал.

В первый раз это случилось в самом начале марта 1971 года, когда сборная СССР проводила две товарищеские игры в Швеции (перед ЧМиЕ в Швейцарии). Во время одной из тех игр Тарасов, недовольный судейством, начал яростно матюгать арбитров, что стало достоянием самой широкой общественности (телекамеры зафиксировали этот вопиющий эпизод). После этого случая руководство шведского хоккея отказалось присылать на Приз «Известий» — 71 свою национальную сборную, и вместо нее туда отправилась молодежная сборная Швеции (именно ее наши и разгромили со счетом 12:1, следуя установке Тарасова «шведов не жалеть»).

Второй случай произошел на Олимпиаде в Саппоро. В этот раз наш тренер сцепился с нападающим сборной ЧССР Вацлавом Недомански, который среди всех чехов был наиболее антисоветски настроен. Зная об этом (а игроки частенько сообщали своему тренеру о том, какие реплики чехословак отпускает по адресу советского строя), Тарасов не оставался в долгу — крыл его матом, никого не стесняясь. По словам Недоманского: «На

Тарасова я до сих пор имею зуб. Какими словами обзывал он меня со скамейки запасных, не передать. Не думал, наверно, о том, что русский язык мы тогда изучали в школе и что я его прекрасно понимал. Вот я и не сдержался в конце концов…»

Под словом «не сдержался» имелось в виду следующее. В

один из моментов этой словесной дуэли нервы хоккеиста не выдержали, и он… запустил в советского тренера шайбой. Но Тарасов сумел увернуться.

Кстати, этот бросок шайбой мог быть связан не столько с поведением Тарасова, сколько с его принципиальной позицией — играть с чехословаками не на ничью, а только на победу. Получалось, что советские тренеры готовы были отдать серебро Олимпиады кому угодно (даже стратегическим противникам СССР американцам), но только не заклятым «друзьям» из Чехословакии. Понять такое поведение было можно: с 1968 года сборная ЧССР по хоккею стала считать своих советских коллег не столько спортивными соперниками, сколько политическими. В итоге, как говорится, за что боролись, на то и напоролись — взяли только бронзу.

Все вышеперечисленное и стало поводом к возмущению чехословацкой Федерации хоккея, которая сразу после Олимпиады сообщила своим советским партнерам, что если Тарасов приедет на ЧМ в Прагу, то международного скандала не избежать. В итоге советской стороне пришлось решать сложнейшую дилемму: отправлять на ЧМ Тарасова или заменить его кем-то другим. В итоге выбрали второй вариант, дабы не вбивать еще больший клин в социалистическое содружество (после финального матча в Саппоро советские спортивные начальники должны были хоть как-то реабилитироваться в глазах чехословаков). Короче, тренерами сборной СССР на тот чемпионат назначили новых специалистов. Причем поначалу в роли старшего тренера должен был выступить Николай Пучков — некогда прославленный вратарь, а тогда тренер ленинградского СКА, который в 1971 году занял в первенстве страны сенсационное 3-е место. Пучков, в свою очередь, согласился работать, если начальником команды станет Всеволод Бобров, который на тот момент к хоккею уже не имел никакого отношения, занимаясь футболом. Однако в Госкомспорте поступили весьма своеобразно. Они назначили старшим тренером Боброва, а Пучкова сделали его помощником.

Учитывая давнюю неприязнь Боброва к Тарасову (и наоборот), можно было легко предположить, что с засильем «армейского диктата» в новой сборной если и не будет покончено, то он, во всяком случае, будет существенно поприжат. Поэтому первое, что сделал Бобров, — открепил от сборной Анатолия Фирсова (по другой версии, сам игрок отказался ехать на ЧМ в знак протеста против отставки Тарасова). И на предчемпионатские игры (они проходили в ФРГ, Швеции и Финляндии) в марте 1972 года советская сборная отправилась без

этого выдающегося форварда. Вместо него играть в одном звене с Харламовым и Викуловым был поставлен Александр Мальцев. Замечательный игрок, но не армеец, а динамовец. Поэтому многие специалисты сомневались в том, что он сможет стать полноценной заменой Фирсову. А что получилось на деле?

В том турне сборная СССР сыграла семь матчей и все выиграла. Счет по шайбам был астрономический: 58:14 в нашу пользу. Трио Викулов — Мальцев — Харламов забросило 22 шайбы (Харламов — 10, Мальцев — 8, Викулов — 4). Как видим, аутсайдером здесь стал Викулов, который при Фирсове был в числе лидеров. Однако в Праге все было иначе — там уже Викулов стал одним из лидеров по результативности.

На ЧМиЕ наша сборная провела 10 матчей, из которых семь выиграла, одну проиграла и две свела к ничьей. Самыми важными для нас, как всегда, были игры с чехословаками, которых тренировали все те же Ярослав Питнер и Владимир Костка — первый находился на своем посту 6-й год, а второй… 11-й. Как мы помним, Костка не являлся тренером какой-то чехословацкой команды, а вот Питнер с 1959 года стоял у руля одного из сильнейших клубов ЧССР — «Дуклы» из Йиглавы. Эта команда с 1967 по 1972 год была чемпионом Чехословакии, однако это не значило, что в сборной ЧССР игроков этого клуба было большинство. Так, в сборной образца 1972 года игроков «Дуклы» было четверо: защитники Ян Клапач, Ярослав Голик и нападающие Иржи Голик и Богуслав Штясны. Столько же было и игроков из «Слована» (Братислава), который в 1972 году занял 2-е место во внутреннем чемпионате: вратарь Владимир Дзурилла, защитник Милан Кужела, нападающие Вацлав Недоманский, Юлиус Гаас.

Тренеры сборной СССР Николай Пучков и Всеволод Бобров

Третий призер чемпионата ЧССР команда СОНП (Польди) из Кладно была представлена в «золотой» сборной одним игроком — защитником Франтишеком Поспишилом. Он с 1961 года играл в этом клубе, представлявшем Объединение национальных сталелитейных предприятий. Кто только не предлагал ему сменить команду — и йиглавская «Дукла», и пражская «Спарта», и другие команды, однако Поспишил никого не слушал. Еще до его прихода (в 1959 году) СОНП стал чемпионом страны, после чего самый высший свой результат показал в 1972 году, завоевав бронзовые медали. Однако это не стало и поводом к тому, чтобы эта команда была представлена в сборной более чем одним игроком.

Из пардубицкой «Теслы» (она в 1973 году станет чемпионом страны) были приглашены двое игроков: нападающие Владимир Мартинец и Йозеф Палечек. Двое игроков было и из клуба ЗКЛ (Брно), который был сильнейшим клубом ЧССР в первой половине 60-х (чемпион в 1960–1966), потом отошел на вторые роли (2-е место в 1971 году): защитник Олдржих Махач и нападающий Рихард Фарда.

Также двумя игроками была представлена пражская «Спарта» — старейшая команда в стране (основана в 1905 году; ее последние высшие показатели: 2-е место в 1967 году, 3-е в 1968-м): защитник Йозеф Горешовский и нападающий Иржи Кохта.

Два игрока представляли клуб ХЗ (химзаводы из Литвинова): защитник Иржи Бубла и нападающий Иван Глинка.

Одним игроком были представлены клубы: ВСЖ

(металлургический комбинат из Кошице) — вратарь Иржи Холечек, «Шкода» (Пльзень) — защитник Владимир Беднарж.

Отметим, что основной вратарь чехословацкой сборной Иржи Холечек защищал цвета не самого сильного клуба в ЧССР — ВСЖ, высшим достижением которого было 6-е место в 1967 году. Именно в том году Холечек и перешел в эту команду, до этого отыграв четыре года в кошицкой «Дукле». Ему неоднократно предлагалось перейти в сильнейшие клубы страны, но он всякий раз отказывался. И все же в 1973 году он вновь сменит команду — перейдет в пражскую «Спарту».

Но вернемся к чемпионату мира и Европы в 1972 году, а именно — к играм между сборными СССР и ЧССР. Именно эти матчи должны были ответить на вопрос, кто возьмет золото турнира.

На том чемпионате Питнер и Костка взяли на вооружение тарасовскую «систему», внеся в нее свою специфику. Получилась тактика «неправильное крыло». В ней крайние нападающие исполняли роль полузащитников, иной раз отрабатывая в обороне даже больше, чем в атаке. Таким образом, классическая схема 2–3 (двое в нападении и трое в обороне) преобразовалась в защитные 2–2—1 (двое в нападении, двое в полузащите и один в глубине защиты). Такая игра позволила сборной ЧССР лучше организовать оборону и выстреливать в контратаках. Эта тактика почему-то обескуражила советских тренеров. Видимо, потому, что среди них не было Тарасова.

Особенно принципиальной стала вторая игра с чехословаками, которая проходила 20 апреля 1972 года. Вратарь чехословаков Иржи Холечек впоследствии рассказывал, что его команда готовилась к игре очень тщательно и старалась найти противоядие против самой грозной советской тройки Викулов — Мальцев — Харламов. Для этого на тренировке двое запасных игроков — Глинка и Хаас — исполняли «роли» Мальцева и Харламова, стараясь действовать в манере, отличающей этих виртуозов шайбы, а хоккеисты основного состава отрабатывали варианты нейтрализации нашей ведущей тройки. Но, даже несмотря на эту подготовку, полностью нейтрализовать советскую тройку чехословакам не удалось, хотя матч они и выиграли. Но расскажем обо все по порядку.

Первый период прошел при полном преимуществе хозяев поля. Уже на 9-й минуте Недомански распечатал ворота Третьяка, а спустя 37 секунд он же удвоил счет (причем обе шайбы он забил с подачи Мартинеца). Во втором периоде игра выровнялась и на две наши шайбы (их забили Мальцев и Харламов) чехословаки ответили только одной. Но счет был в их пользу — 3:2. Все

должно было решиться в заключительной двадцатиминутке.

Она началась с атак советской сборной, однако соперники сумели грамотно выстроить оборону и в итоге выстояли. Кроме этого в третьем периоде тройка братья Холик — Клапач сумела надежно нейтрализовать нашу ударную тройку Викулов — Мальцев — Харламов и не позволила им больше забить. Итог: чехословаки выиграли 3:2 и стали реальными претендентами на победу в турнире. И они ее добились, поскольку два дня спустя наша сборная допустила досадную осечку, сыграв вничью со шведами 3:3 (и это при том, что в первой игре наши одолели шведов со счетом 9:4!). Впервые за последние восемь лет сборная СССР осталась без титула чемпионов мира (взяла 2-е место), а чехословаки поднялись на высшую ступеньку пьедестала почета спустя 23 (!) года после своей предыдущей победы. То есть, по сравнению с Олимпиадой это был явный откат назад и, значит, поражение Боброва против концепции Тарасова.

Вспоминает Н. Пучков: «Еще до чемпионата мира, когда мы играли в ФРГ и Скандинавии, Всеволод как-то сказал мне: «Ну какой я старший тренер, если ни игры, ни тренировки не веду?» Тогда я ответил: «Давай, начни хотя бы с зарядки». Однако как раз зарядку-то Бобров и в Праге не проводил. Зато все остальное, в нарушение нашей договоренности, сосредоточил в своих руках. Но вот сконцентрироваться и эффективно воспользоваться полнотой власти, к сожалению, не сумел. Злым гением для него оказался ответственный работник Госкомспорта Кирилл Владимирович Роменский, сопровождавший тогда нашу команду. «Неужели не понимаешь, — говорил он мне, — что Всеволод всю жизнь так работает»…

Команда понимала, что происходит. Ведь по утрам на зарядке Боброва не было. А открывая предматчевые установки, Бобров говорил элементарные вещи, известные юниорам. Да и не говорил, а читал все это, предварительно набросав на клочках бумаги. А я смотрел на ребят, и мне было стыдно. И только когда Всеволод передавал слово мне, наступало равновесие…

Боброву бы побольше самодисциплины, и он, бесспорно, был бы очень большим тренером. Всеволод обладал огромной способностью не только оценить настоящее, но и увидеть будущее, подобрать звенья, подсказать решение в конкретных сложнейших вопросах. И в этом он бесспорно превосходил и Тарасова, и Тихонова. Он мог, например, показать, как все это сделать, и в этом плане имел преимущество передо мной, поскольку все знали, что он игрок, а я — вратарь. Когда же ребята оценили все остальное, гандикап ликвидировался. «Если бы вы, Николай Георгиевич, взяли все в свои руки, — сказал мне потом

Саша Рагулин, — мы бы выиграли этот чемпионат элементарно»…»

В середине мая 1972 года завершился чемпионат СССР по хоккею. И снова чемпионами стала команда Тарасова — ЦСКА. Армейцы набрали 57 очков (серебряные призеры, столичные динамовцы, отстали от них на 13 очков). Третьими были спартаковцы (их тренировал Юрий Баулин, который до этого тренировал юниорскую сборную СССР — чемпиона Европы), отставшие от динамовцев на 8 очков. Четвертое место взяла еще одна столичная команда — «Крылья Советов», которая вновь начала возвращаться в элиту советского хоккея. В 1957 году она впервые стала чемпионом страны и на протяжении последующих трех лет занимала 2—3-е места, после чего откатилась на 5—6-е позиции. И только после того, как в 1971 году старшим тренером команды стал Борис Кулагин (как мы помним, он долгие годы был помощником Тарасова в ЦСКА), началось возрождение «Крылышек», которое в итоге приведет команду к чемпионству. Кстати, ведущими игроками в «Крылышках» станут бывшие армейцы — Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин и Александр Бодунов. Они на протяжении двух сезонов (1969/1970 и 1970/1971) пытались закрепиться в ЦСКА, но все было безуспешно — Тарасов не видел в них перспективных игроков. Тогда все трое ушли к Кулагину, который был брошен поднимать «Крылья Советов».

Вместо Кулагина своим помощником в ЦСКА Тарасов сделал Анатолия Фирсова. После этого талантливый игрок повесил коньки на гвоздь и отказался участвовать в Суперсерии игр 1972 года против канадских профессионалов, оформив этот отказ в письменном виде (написав письмо в Спорткомитет). Впрочем, этот отказ был мотивирован и тем, что к руководству сборной СССР в этой Суперсерии не допустили Чернышева и Тарасова, оставив у руля национальной команды Боброва, а вместо Пучкова прикомандировали к нему Бориса Кулагина.

Вопрос о проведении Суперсерии был окончательно решен на чемпионате мира и Европы в Праге весной 1972 года. Долгие годы канадцы упорно отклоняли эти предложения советской стороны, но весной 1972 года внезапно созрели. Почему именно тогда? Видимо, на них самым серьезным образом повлияла отставка Анатолия Тарасова, которые долгие годы и был одним из главных локомотивов этой идеи с советской стороны и даже специально создал новое суперзвено в надежде использовать его именно в играх против канадцев. В итоге Тарасова канадцы откровенно побаивались, видя в нем тренера, который разгадал практически все тайны профессионального канадского хоккея.

Все остальные советские тренеры были им не так страшны. Так что, когда советская сторона решила после провала в Праге не возвращать тренерский дуэт Тарасов — Чернышев к руководству сборной, а оставить у руля тренеров-неудачников, она фактически сыграла на руку канадцам.

Поражение, равное победе, или Суперсерия-72

Перипетии легендарной Суперсерии-72 читателю, надеюсь, хорошо известны: сборная СССР ее проиграла, хотя начала очень даже неплохо. Бобров и Кулагин призвали под знамена сборной СССР лучших на тот момент игроков страны (за исключением разве что Анатолия Фирсова). Обстановка в команде была хорошая, тренировались все игроки с полной отдачей, для чего их собрали на базе почти за два месяца до Суперсерии. Была применена и тактическая уловка для канадских тренеров, которые в конце августа специально прилетели в Москву, чтобы собственными глазами посмотреть на тренировочные игры советских хоккеистов. Во время них наши тренеры дали игрокам установку не особенно стараться, чтобы усыпить бдительность канадских коучей. Поэтому те улетели на родину в полной уверенности в том, что эта сборная не представляет для профессионалов никакой опасности.

Играть нашим предстояло в три звена. 1) защитники Геннадий Цыганков и Александр Рагулин (оба ЦСКА), нападающие — Владимир Викулов (ЦСКА), Александр Мальцев («Динамо»), Валерий Харламов (ЦСКА); 2) защитники — Виктор Кузькин и Александр Гусев, нападающие — Борис Михайлов (ЦСКА), Владимир Петров (ЦСКА), Евгений Мишаков (ЦСКА); 3) защитники — Евгений Паладьев и Юрий Ляпкин (оба — «Спартак»), нападающие — Евгений Зимин, Владимир Шадрин, Александр Якушев (все — «Спартак»).

Как видим, только одно звено было полностью укомплектовано игроками одного клуба — последнее, спартаковское (большинство этих игроков Бобров знал лучше всех, тренируя когда-то «Спартак»). Остальные наигрывались уже по ходу Суперсерии. Причем они часто тасовались. Например, в первом звене вместе с Мальцевым и Харламовым играли: спартаковец Вячеслав Старшинов (во второй игре), армеец Борис

Михайлов (во второй), армеец Евгений Мишаков (в седьмой, вместо Харламова). Тасовали и защитные ряды. Например, Паладьев — Ляпкин сыграли лишь один матч (первый), после чего вместе уже не играли, поскольку Паладьева один раз свели с динамовцем Валерием Васильевым (четвертая игра), а Ляпкин играл с армейцем Владимиром Лутченко (5—7-я игры). А Васильев играл то с Юрием Шаталовым из «Крыльев Советов» (третья игра), то с Ляпкиным (восьмая игра).

Тасовалось и спартаковское звено, к которому подключали то Василия Солодухина из ленинградского СКА (третья игра), то Александра Мартынюка из того же «Спартака» (пятая игра), то Александра Волчкова из ЦСКА (шестая игра), то Вячеслава Анисина из «Крыльев Советов» (седьмая и восьмая игры). В четырех играх (третья, четвертая, шестая) в роли третьего звена нападения выступала тройка из «Крыльев Советов» в лице Юрия Лебедева, Вячеслава Анисина и Александра Бодунова.

Можно сказать, что тактика Боброва и Кулагина поначалу озадачила канадских тренеров (Гарри Синдена и Джона Фергюссона), поскольку они были сбиты с толку рассказами своих коллег, которые видели советскую сборную накануне Суперсерии. Поэтому первую встречу в Монреале (2 сентября) канадцы с треском проиграли. Хотя начали резво, забросив две быстрые шайбы и поведя 2:0. Однако потом дала себя знать хорошая атлетическая подготовка сборной СССР и игра в пас. И уже во второй половине первого периода наши ребята перебегали канадцев, при этом ни капли не устав (а с канадцев пот катился градом). Когда знаменитый канадский бомбардир Бобби Халл это увидел (он смотрел матч по телевизору в гостинице), он тут же заявил: «Русские сегодня победят». Ему никто не поверил. Но матч закончился именно так, как предрек Халл, — 7:3 в пользу сборной СССР.

Тренер сборной СССР В. Бобров дает установку на игру.
Его слушают: Александр Якушев, Владимир Шадрин и Александр Мальцев

Вот как о причинах этого поражения отозвался вратарь канадцев Кен Драйден: «По-моему, наш проигрыш объяснить можно несколькими причинами. Прежде всего нас подвела недостаточная физическая и морально-волевая подготовка. Мы были готовы для проведения двусторонних тренировочных игр, быть может, даже для встреч начала сезона НХЛ, когда другие игроки находятся в такой же неважной форме, что и мы. Но мы плохо подготовились к матчам с командой, прекрасно бегающей на коньках и всегда пребывающей в отличной спортивной форме. Ред Беренсон был прав, когда несколько дней назад говорил, что в данный момент нам еще рано играть с русскими. К тому же на нас отвратно подействовало то психологическое напряжение, в котором нас держала канадская спортивная общественность. Вчера вечером мы выглядели усталыми.

Почему-то мы все считали, что русских надо сломить сразу и именно сейчас. В результате мы перестали играть в осмысленный хоккей и беспорядочно забегали по полю. Мы упрямо старались пробиться через защитный заслон русских из трех, четырех и даже пяти игроков, стали играть слишком индивидуально. Под конец мы ударились в панику.

Когда проигрываешь гол или два, это еще не катастрофа. Мы же вели себя так, будто произошло невесть что. Затем мы перешли на жесткую силовую игру, но ведь для этого тоже надо быть в хорошей форме. Казалось, русским должно было очень здорово от нас доставаться, однако при столкновениях мы просто отскакивали от них…»

Перед вторым матчем канадские тренеры произвели серьезные кадровые перестановки, отправив на скамейку запасных сразу девять (!) игроков. А наши тренеры внесли лишь небольшие коррективы: ветеран сборной СССР Старшинов заменил Викулова и занял место в центре звена — между Мальцевым и Харламовым. К Петрову и Михайлову перешел Мишаков, а в качестве десятого форварда появился молодой Анисин. Линию обороны наши тренеры решили оставить как есть.

Канадцы сильно изменили свою тактику во второй встрече, четко играя в обороне и не давая нашим нападающим прорываться к воротам, в результате чего защита без особого труда выбрасывала шайбу из своей зоны. Временами игра канадцев была слишком грубой — таким образом они старались запугать наших игроков.

И снова послушаем рассказ К. Драйдена: «Прежде всего в течение всего второго матча мы должны будем беспрерывно посылать шайбу в зону противника и энергичными действиями пытаться овладеть ею. Идея неплохая, потому что в первом матче мы слишком много играли в пас у синей линии, а в пас мы играем довольно слабо. Русские нападающие и их агрессивные защитники довольно легко прерывали наши передачи у синей линии. Они отбирали шайбу и врывались в нашу зону, создавая численный перевес: втроем против двоих или вдвоем против одного. Сегодня вечером мы будем вбрасывать шайбу в их зону и будем бороться за нее. Уверен, что, если нам удастся запереть русских в зоне, они станут допускать ошибки.

Во-вторых, наши крайние нападающие теперь не будут опекать русских защитников в своей зоне, а станут несколько дольше задерживаться в углах площадки для оказания помощи своей защите. Как правило, атаку у русских начинают защитники, а нападающие развивают и завершают ее, так что нашим центрфорвардам придется в одиночку брать на себя двух защитников.

Как я уже говорил, мы выйдем играть тремя, а не двумя парами защитников, но замену, видимо, будем производить по-своему, а не так, как русские, — пятерками. Каждый раз, когда они делают замену, на лед выкатывается целая пятерка игроков. Мы же, наверное, будем менять нападение и защиту по отдельности…».

Советские хоккеисты сумели продержаться лишь первый период, который закончился со счетом 0:0. Потом канадцы их все-таки додавили, выиграв встречу 4:1.

В третьем матче канадские тренеры решили не менять свой прежний состав, принесший им победу два дня назад. А вот

советские тренеры выпустили новую тройку нападения Лебедев — Анисин — Бодунов, а во втором звене вместо Зимина играл Василий Солодухин. Эти замены принесли успех: Лебедев и Бодунов забросили по шайбе. Итог встречи — 4:4.

Поскольку тренеры советской команды были довольны итогом игры в Виннипеге, в последнем матче канадской части Суперсерии они произвели минимальные изменения: на лед «Пасифик Колиземум» в Ванкувере вышли получившие передышку защитники Рагулин и Паладьев, а также нападающие Викулов и Блинов.

А вот канадские тренеры снова пошли на радикальные перестановки — поменяли целых восемь игроков, посадив на скамейку таких игроков, как Курнуайе, Микита, Кэшмен, Паризе, Савар (у последнего было серьезно травмировано правое колено). Эти рокировки не были случайностью, а прямо вытекали из того недовольства ряда игроков тем, что их не выпускают на лед. Поэтому на поле вышли Драйден, Халл, Перро, Хэдфилд. Поначалу канадские тренеры решили использовать пять защитников вместо шести, но когда сами защитники высказали свои претензии по этому поводу, решение было переиграно — в составе команды был восстановлен Билл Уайт. Но эти рокировки канадцам не помогли, поскольку уже через восемь минут после начала игры советские хоккеисты вели 2:0. А итоговый счет был 5:3 в пользу сборной СССР. Таким образом, тактика Боброва и Кулагина в канадской части Суперсерии оказалась более удачной, чем канадская. Теперь требовалось не разбазарить завоеванное в московской части Суперсерии. Но вот этого сделать не удалось. Почему? Не хватило дисциплины. Той самой, которая обычно сопутствовала жизни сборной СССР в бытность тренером Анатолия Тарасова. Вот как вспоминает об этом А. Мальцев: «Нас Бобров перед московскими матчами отпустил отдохнуть. Руководство неожиданно предоставило выходные. Если б мы к этим играм готовились так же, как к канадским, наверняка победили бы. Тогда месяц безвылазно на базе сидели. А из Канады вернулись героями, и пошла немножечко звездная болезнь. Но не у нас, а у начальства. С чего бы накануне московской серии отдыхать? Я с друзьями рванул в Сочи на пять дней. Причем паспорт дома забыл. Но меня что туда, что обратно пустили без документов. Узнали — и провели в самолет. Сегодня такое невозможно. Валера Харламов лететь почему-то не захотел. Я своей компанией туда отправился. Тренироваться мы начали за три дня до стартового матча. Вот и проиграли…»

Однако проиграли мы не сразу. В первой московской встрече (22 сентября) наши ребята выиграли с минимальным счетом 5:4.

Причем мы проигрывали два первых периода (0:1, 0:2) и только в третьем, когда канадцы были уже уверены, что наши «сдулись», на помощь нам пришла хорошая «атлетика». Как высказался еще до начала игры тренер сборной СССР Кулагин: «Сил профессионалов редко хватает на все три периода». Как в воду глядел наш коуч. У советских хоккеистов открылось второе дыхание, и они забросили канадцам пять шайб. Итог — 5:4 в нашу пользу. И вновь обратимся к словам К. Драйдена: «И все же я не могу сказать, что русских выручило везение. Это очень сильная команда наступательного типа, а не просто двадцать парней, которые ждут, что их выручит счастливая звезда. Они ни разу не отказывались от борьбы. Они придерживались своего обычного организованного наступательного плана игры, и это в конце концов дало свои плоды. Очень надежно сыграл Третьяк. Он уверенно ориентируется в воротах, полагаясь в опасной ситуации на быстроту своей реакции. Не помню, чтобы он хоть раз бросился на лед на перехват шайбы. Однажды, например, Курнуайе вышел с ним один на один, но Третьяк просто принял свою стойку, и, как Айвэн ни старался, он не смог выманить его из ворот. Когда он в конце концов бросил, Третьяк легко поймал шайбу…»

После этой победы общий счет в Суперсерии стал в пользу сборной СССР: из пяти встреч она выиграла три, одну проиграла и одну игру сыграла вничью. Необходимо было из оставшихся трех матчей хотя бы один выиграть или свести к ничейному результату, и Суперсерия была бы нами выиграна. Видимо, наши тренеры и игроки были слишком уверены в том, что такой расклад им вполне по силам. Короче, наступила расхоложенность. Не хватило тех самых сил (как физических, так и морально-волевых), которые были растрачены нашими хоккеистами во время активного отдыха перед московской частью Суперсерии. Да и спеть им в раздевалке «Интернационал» оказалось некому. Как итог, все три последние встречи сборная СССР проиграла, пусть и с минимальным счетом: 2:3, 3:4 и 5:6.

Естественно, что эта Суперсерия вызвала множество комментариев во всем мире, но особенно в СССР и в Канаде. У нас предпочитали не вспоминать об общем итоге по результатам всех встреч, зато много писали о том, что самонадеянные канадские профессионалы мечтали выиграть все восемь игр, но в итоге «еле ноги унесли». Отмечалось также, что большинство наших хоккеистов ни в чем не уступают канадским, а некоторые и вовсе их превосходят. Имелись в виду В. Третьяк, В. Харламов, А. Якушев и ряд других. Впрочем, некоторые специалисты отмечали, что тот же Харламов мог бы выступить еще ярче; если бы у руля

сборной стояли Тарасов с Чернышевым, а не Бобров с Кулагиным, то Суперсерия имела все шансы быть нами выигранной. Вот как об этом размышляет В. Акопян: «Команда Чернышева и Тарасова образца 1972 года была ориентирована на ожидавшиеся встречи с игроками НХЛ. Бесспорно, В. Бобров был достойным тренером, но к тому моменту в течение пяти лет не имел какой-либо тренерской практики в хоккее (он был тренером футбольного ЦСКА . — *Ф. Р.*). Вдобавок к этому Бобров не знал, да и не мог знать хоккей Канады в той мере, в какой это требовалось для победы. А именно к победе над профессионалами готовили эту команду Чернышев и, особенно, Тарасов, питомцы которого составляли основу (14 человек) той сборной. Произошло своего рода «возвращение» Боброва в сборную СССР, но уже в формально ином качестве. Состоялся, на мой взгляд, пусть не фактический, но концептуальный «откат» нашего хоккея к тем временам, когда высшей ценностью считался не коллектив хоккейной команды, а наличие в нем суперзвезд…

Сознательный отказ от Фирсова резко ослабил сборную, хотя, казалось бы, замена его самим Мальцевым могла быть равноценной. К сожалению, новый тренер не понимал (или не хотел понимать?!), что пятерка с Фирсовым во главе являлась выразителем нового построения игры, нового типа хоккея, в который в Канаде «еще не играли». Ключевые функции Фирсова в этом звене больше никто выполнить не мог. Как говорится, в этом наборе исполнителей был только «штучный товар». Бобров же, механически заменив Фирсова Мальцевым и разрушив тактическую схему нового типа, посчитал свою задачу решенной…

Бобров просто не понимал суть системы «форварды — хавбеки — стоппер». Будучи великим игроком прошлого и оставшись, по сути, игроком уже в тренерском качестве, он по-прежнему все воспринимал на уровне интуитивном, чувственном (нравится — не нравится, хочу — не хочу, могу — не могу), но никак и никогда аналитически осознанно. А, поразмыслив, можно было понять, что Викулов с Фирсовым играли неразрывно уже семь лет, а с Мальцевым Викулов не играл никогда (так, эпизодами в сборной). Что Викулов с Харламовым вылезли из одной «тарасовской люльки», где проповедуется коллективный хоккей «самопожертвования». А Мальцев, которому всего-то 23, уже привык к роли премьера в своем «Динамо», требующей обслуживания. Викулов с Харламовым, опять же в силу своего воспитания, к этому «обслуживанию» были готовы, но не в ущерб самим себе, то есть команде и игре. Готовы только на основе взаимности. Внутри звена получался концептуальный разлад,

разнобой. Отсутствовали внутреннее единодушие и единомыслие, хотя как люди и игроки спортсмены не имели друг к другу претензий…

Когда я вспоминаю обидные итоги этой серии, мне порой кажется, что Бобров, сознательно уменьшив число и ослабив роль (разными способами) армейцев в сборной, рассчитывал одержать победу над соперником подчеркнуто силами неармейских хоккеистов. Если это так, то в этом была главная стратегическая ошибка тренера. Армейцы, как никакие другие хоккеисты СССР, с «молоком матери» впитали в себя тарасовское неприятие верховенства канадского хоккея. Только Тарасов знал и держал в своих руках рычаги превосходства нашего хоккея над канадским. То, что сделал в хоккее А.В. Тарасов, было, несомненно, революционным преобразованием. Но его исторический венец, которым должна была стать первая большая победа над хоккеистами НХЛ, был смазан прежде всего бездарным чиновничьим подходом спортивного руководства и малокомпетентным тренерским управлением… Так и не удалось советским хоккеистам по-настоящему с первой попытки стать ниспровергателями канадских профессионалов…»

А вот как объяснил наше поражение тренер Николай Карпов: «Бобров любил руководить по ходу матчей со скамейки, а проводить тренировки его не очень привлекало. Так что по сути всю летнюю предсезонку в сборной вел я. А на матчи в Канаду, где наши сыграли отлично, меня не взяли. Да и потом в Москве к сборной особо не подпускали. Потому что Кулагин видел во мне конкурента.

Я Боброва предупреждал: «Смотри, съест он тебя, как Тарасова в ЦСКА». Всеволод Михайлович в ответ только отшучивался. Но впоследствии так и случилось. А канадцам мы уступили, уверен, только из-за Кулагина. На тренировках в Москве он загнал ребят. На третьи периоды двух заключительных матчей серии элементарно не хватило сил…»

Фил Эспозито атакует ворота советской сборной. Победу в Суперсерии 1972 года одержала Канада, но СССР доказал свою мощь. Восемь матчей по всей Канаде и в Москве по-прежнему остаются знаковым событием не только в хоккейной истории, но и в общественно-политической жизни России и Канады

«Телега» на Тарасова, или Хук с правой в исполнении Боброва

После поражения в Суперсерии в советских спортивных кругах вновь возникли разговоры о том, чтобы сменить руководство сборной. Снова всплыли фамилии Тарасова и Чернышева, тем более что тарасовский ЦСКА осенью 1972 года очень резво начал чемпионат СССР, громя всех своих соперников. Однако в дело были пущены интриги, которые перекрыли Тарасову путь в сборную.

29 сентября 1972 года в Отделе пропаганды ЦК КПСС появилась бумага под грифом «Секретно», в которой тщательным образом разбиралось «дело Анатолия Тарасова». Чем же он провинился?

Некоторое время назад в Швеции была издана книга Тарасова «Хоккей — моя жизнь», составленная на основе трех его книг: «Совершеннолетие», «Путь к Олимпу» и «Хоккей грядущего». Событие вроде бы ординарное и вполне безобидное, если бы не одно «но»: дело в том, что сам Тарасов никого из вышестоящих начальников об этом факте не информировал и гонорар за книгу якобы «зажал». Во всяком случае, так сообщал в ЦК тогдашний посол СССР в Стокгольме. По этому поводу Тарасова вызвали на Старую площадь для дачи объяснений. Тот на вызов откликнулся и рассказал, что: во-первых, книга выпущена без его согласия, во-вторых — никакого гонорара он за нее не получал. По факту этого заявления было проведено расследование, которое подтвердило правдивость сказанных Тарасовым слов. Однако, несмотря на это, тренера здорово пропесочили, причем в нескольких инстанциях: в Генеральном штабе

Вооруженных сил СССР, в Политуправлении Сухопутных войск, в ЦК КПСС. В депеше, о которой идет речь, сообщалось: «При расследовании вскрыты факты, свидетельствующие о том, что тов. Тарасов А.В. не всегда серьезно и ответственно подходил к установлению знакомств с некоторыми иностранными

журналистами, порой допускал излишнюю доверчивость в беседах с ними, что явилось поводом для использования его имени в буржуазной печати.

В этой связи тов. Тарасову А.В. строго указано командованием. Его поведение обсуждалось в политическом отделе ЦСКА с участием руководства Клуба и партийной организации. Тов. Тарасов А.В. признал свои недостатки, дал им правильную оценку и заверил, что в дальнейшем подобных ошибок не допустит…».

Подоплека этого дела была известна лишь узкому кругу людей. Суть ее заключалась в том, что против Тарасова таким образом интриговали люди, которые не хотели его возвращения на тренерский мостик национальной сборной. Цели своей организаторы этой интриги добились — Тарасов на тренерском мостике сборной СССР больше не появился. У руля национальной команды остались Всеволод Бобров и Борис Кулагин. Последний, как мы помним, возглавлял столичные «Крылья Советов», которые при нем обрели второе дыхание. Поэтому в тогдашней сборной СССР все увереннее чувствовали себя игроки из «Крыльев…»: вратарь Александр Сидельников, защитник Юрий Шаталов, нападающие Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Сергей Капустин. Правда, последний, дебютировав в первой сборной осенью 1972 года, не оправдал надежд и на некоторое время был выведен из ее состава (вернется туда в 1974-м).

На декабрьском Призе «Известий» 1972 года в нашей сборной были опробованы еще несколько дебютантов: защитник Владимир Орлов из московского «Динамо» (кстати, капитан этой команды), нападающий Сергей Глазов из ЦСКА (чемпион юниоров 1971 года). Однако большого будущего у этих игроков в составе сборной не случится — это приглашение станет лишь кратким эпизодом в их спортивной карьере.

Между тем к очередному чемпионату мира и Европы, который весной 1973 года состоялся в Москве (впервые после 1957 года), Бобров и Кулагин сумели подвести нашу сборную в наиболее оптимальном составе. Такой грозной машины у нас давно не было. К тому времени смена поколений в команде была благополучно завершена и недавние новички стали маститыми профессионалами. В команде играло три полноценных звена, причем главным было звено, которое Бобров и Кулагин все-таки восстановили: Борис Михайлов — Владимир Петров — Валерий Харламов. В защите в нем играли динамовец Валерий Васильев и армеец Александр Гусев. Второе звено было спартаковское: в защите играли Евгений Паладьев и Юрий Ляпкин, в нападении —

Александр Мартынюк, Владимир Шадрин и Александр Якушев. Правда, иногда в это звено вводили защитника Александра Рагулина из ЦСКА.

Третье звено было составлено из двух армейских защитников — Геннадия Цыганкова и Владимира Лутченко, а в нападении играли «крылышки»: Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин и Александр Бодунов. Был в сборной еще один супернападающий — Александр Мальцев, но у него, как мы помним, не было своего постоянного звена, поэтому он играл то в спартаковском звене (чаще всего) вместо А. Мартынюка или В. Шадрина, то в звене с «крылышками» вместо Ю. Лебедева (вместо последнего на лед также выходил армейский нападающий Александр Волчков).

В таком составе сборная СССР буквально «рвала и метала», победив всех своих соперников, причем иных с разгромным счетом: 20:0 поляков, 18:2 и 17:1 западных немцев. В итоге наша сборная набрала максимальное количество очков (20), забросила больше всех шайб (100 — рекорд чемпионатов!). До этого рекорд по числу заброшенных шайб принадлежал канадцам, которые в 1958 году забросили в ворота соперников 82 шайбы, пропустив в свои всего… 6. Они тогда стали чемпионами, а сборная СССР заняла 2-е место. В 1973 году канадцев на мировом турнире не было (они перестали участвовать с 1970 года) и чемпионами стали советские хоккеисты. Второе место впервые после 1970 года заняла команда Швеции, которую тренировали новые наставники — Челль Свенссон и Пер-Агне Карлстрем. Напомним, что команду на протяжении более десяти лет (1961–1971) тренировал Арне Стремберг. В 1972 году, на чемпионате мира и Европы в Праге, его сменил канадец Билл Хэррис. Он в 1957–1965 годах играл нападающим в клубе НХЛ «Торонто Мэйпл Лифс», трижды завоевывал Кубок Стэнли (1962–1964). Затем ушел играть в любительскую сборную Канады. Именно там его и заметили боссы шведского хоккея, которые и пригласили его тренировать свою сборную. Но шведы снова заняли 3-е место. После этого сборную вновь возглавили «родные» тренеры — шведы Свенссон и Карлстрем. Их дебют оказался более успешным, чем у Хэрриса: на чемпионате-73 в Москве шведы дважды проиграли советской сборной, но сумели взять три очка в матчах против сборной ЧССР (2:0 и 3:3), не проиграв остальным соперникам. Как итог — серебряные медали.

Кстати, Челль Свенссон раньше был отличным вратарем и защищал ворота сборной Швеции в 1962–1967 годах. В 1962 году он стал чемпионом мира и Европы. Вот как о нем отзывается чехословацкий вратарь Иржи Холечек: «Из шведских тренеров лучше всех я знал Челля Свенссона. Прежде чем стать тренером

шведской сборной, он был вратарем, и мы сыграли друг против друга на двух мировых чемпионатах. Превратившись в тренера, он перестал быть тем симпатичным парнем, как в прежние времена. Иногда он позволял себе орать со своей скамейки, и даже на соперников, сидящих на своей скамье. У меня было такое ощущение, что из него получился скорее фанатичный болельщик, чем серьезный тренер».

Сборная ЧССР заняла на чемпионате в Москве 3-е место — позорное для действующего чемпиона. Поэтому это фиаско решит судьбу тренеров сборной — Ярослав Питнер и Владимир Костка покинут свои посты уступив тренерский мостик Карелу Гуту и Яну Старши. Самым именитым из них был Гут — бывший защитник команды «Спартак» (Прага — Соколово) и бессменный (на протяжении 10 лет) капитан сборной ЧССР в 1951–1961 годах. Он был одним из первых в европейском хоккее, кто стал применять игру в корпус. Его напарник, Ян Старши, играл нападающим в братиславском «Словане», а потом в том же пражском «Спартаке», что и Гут. Вместе они выступали и в сборной ЧССР, став чемпионами Европы в 1961 году. Став у руля сборной, они привнесут в ее игру новые краски (Гут был игровым тренером, а Старши — руководил тренировками), о чем мы еще расскажем, а пока вернемся к сборной СССР.

Золотые медали чемпионата мира и Европы — 1973 станут второй крупной победой (после Приза «Известий» — 1972) тренерского тандема в лице Всеволода Боброва и Бориса Кулагина. А ведь этой виктории вполне могло и не быть, если бы накануне чемпионата Боброва сняли с его должности. Спросите, за что?

Это случилось в марте 1973 года, буквально за пару недель до начала мирового турнира (он начался 31 марта). В один из тех дней Бобров в компании своего старого приятеля Леонида Михайловича отправился в ресторан «Эрмитаж», что в Каретном Ряду. Там приятели просидели несколько часов, хорошо «приняли» и уже поздно вечером решили заскочить в гостиницу «Москва», чтобы навестить общего знакомого. Их путь от Каретного по городу, который уже готовился отойти ко сну, занял не слишком много времени. Поскольку приятель жил на последнем этаже, добираться до его номера пришлось на лифте. Там и произошел инцидент, о котором уже на следующий день трубила вся столица.

В кабину, кроме Боброва и Леонида Михайловича, вошли еще несколько человек, среди которых оказался командировочный то ли из Тулы, то ли из Владимира, который был «под парами» — то есть нетрезвый. Узнав Боброва, он вдруг полез к нему с

расспросами, причем желая пустить пыль в глаза окружающим, обратился к нему на «ты». Бобров же, который терпеть не мог панибратства, поначалу отпихнул от себя приставалу, а когда тот вновь полез обниматься, съездил ему кулаком по физиономии. В этот момент лифт как раз достиг последнего этажа, двери открылись, и дежурная по этажу стала свидетелем того, как из кабины на ковровую дорожку вывалился мужчина с разбитой губой.

Несмотря на то что сам пострадавший об этом инциденте в милицию не заявлял, однако у него оказалось множество свидетелей (его видели еще человек пять, находившихся в лифте, плюс дежурная по этажу). Кто-то из них и разнес весть о нем сначала по гостинице, а потом уже молва пошла гулять по столице. Причем, как это часто и бывает, она сразу обросла массой подробностей, которых не было и в помине. Например, утверждалось, что в гостинице «Москва» Всеволод Бобров избил какого-то генерала, который оказался… внуком Ленина (хотя таковых у вождя мирового пролетариата отродясь не было). И люди охотно верили в подобные версии, поскольку выяснить настоящие подробности возможностей не было — в СМИ об этом не сообщали. Короче, эта история имела широкий резонанс, который, прислушайся к нему «наверху», мог испортить карьеру Боброву. Но «наверху» эту историю оставили без внимания.

Третья победа тандема Бобров — Кулагин состоялась в декабре того же 1973 года, когда под их руководством сборная СССР завоевала очередной Приз «Известий», разгромив всех своих соперников с крупным счетом: чехословаков 7:1, финнов — 7:0, шведов — 8:3, поляков — 10:1. Короче, та сборная стала настоящей преемницей тарасовско-чернышевской. В ней играло лишь три дебютанта: защитник Виктор Кузнецов и нападающий Константин Климов (оба — «Крылья Советов»), защитник Алексей Волченков из ЦСКА. Однако закрепиться в составе сборной никому из них так и не удастся.

Последние из «могикан»

Тем временем в 1973 году чемпионом страны вновь стала команда ЦСКА во главе с А. Тарасовым (на 2-м месте был «Спартак», на 3-м — «Крылья Советов»). Однако для знаменитого армейского защитника Александра Рагулина, который играл в команде с 1962 года и за это время стал в ее составе 11-кратным чемпионом СССР, эти медали стали последними в карьере — после этого он повесил коньки на гвоздь. Причем не по собственной инициативе, а по воле Тарасова. На протяжении долгих лет у них были вполне доброжелательные взаимоотношения друг с другом, но потом разладились. Рагулин, что называется, заматерел, поэтому перестал реагировать на жесткие требования тренера. Тому, естественно, это не нравилось. В итоге Тарасов заявил: «Я тебя породил, я тебя и убью». И выставил его из команды, после чего Рагулин стал тренером ДЮСШ ЦСКА. Таким образом завершилась карьера «последнего из могикан» — хоккеиста, который начал играть в сборной СССР в пору начала ее триумфа, начатого в 1963 году. Рагулин в 1973 году был последним ее представителем (впрочем, как и в составе ЦСКА).

Н. Пучков и А. Тарасов. Все разговоры — о хоккее

Рассказывает В. Акопян: «В СССР ветераном называли 30-летнего хоккеиста (Рагулину в мае 1973 года исполнилось 32 года . — *Ф. Р.*). Так было на этапе ускоренного развития хоккея в нашей стране. Идеологом такого подхода был Тарасов. Цель оправдывала средства — победы пришли быстро, хоккеисты штурмовали высоты мастерства авральными темпами, не щадя живота своего. Тарасов был самым беспощадным проповедником такого подхода и гордо называл себя «мясником». «Я привык отрубать!» — говорил он спустя много лет, но уже с нескрываемой горечью, с откровенным сожалением. Расставание с большими мастерами происходило стремительно, как только появлялись устойчивые симптомы физического и психологического увядания спортсмена. Когда обнаруживались нежелание или неспособность работать через не могу. Так протекали 60-е. Памятны досадные и, возможно, не всегда справедливые расставания со сборной Е. Майорова (1965), А. Альметова и Э. Иванова (1967), Б. Майорова, В. Александрова и В. Якушева (конец 1968). А ведь каждому из них было не более 30 лет. Тарасов не снижал самых высоких требований к выдающимся игрокам, считая, что они должны действовать только на уровне своих лучших возможностей. В тот период не могло даже возникнуть мысли о том, чтобы эти требования как-то изменить, определить для них качественно новый диапазон задач. Плеяда

молодых и более даровитых, рано сформировавшихся мастеров, способных решать качественно более высокие задачи, наступала ветеранам на пятки. Новые игроки ломились в двери сборной…»

Как золото Боброва привело к его отставке

В 1974 году чемпионат СССР по хоккею завершился на месяц раньше обычного срока — в середине марта. На том первенстве произошла сенсация, которую, впрочем, многие ждали: чемпионом стала столичная команда «Крылья Советов» под руководством Бориса Кулагина. «Крылышки» в том сезоне трижды обыграли серебряных медалистов хоккеистов ЦСКА (5:1, 7:3, 6:3), трижды повергли динамовцев, занявших 3-е место (5:2, 3:1, 3:1), дважды — спартаковцев (3:1, 5:1). Достаточно сказать, что их отрыв от ЦСКА составил 11 очков (51 против 40). В «Крыльях…» играла целая плеяда талантливых хоккеистов, которых тут же привлекли в первую сборную. Среди этих игроков были и те, кто уже привлекался в нее ранее, и те, с кем это случилось впервые. Назовем их всех: нападающие — Вячеслав Анисин (лучший бомбардир чемпионата-74 по системе «гол + пас», забивший 22 шайбы и сделавший 26 голевых передач), Александр Бодунов (4-е место среди бомбардиров чемпионата СССР — 20 шайб + 16 голевых передач), Константин Климов (5-е место среди бомбардиров — 20 шайб + 16 голевых передач), Юрий Лебедев (9-е место среди бомбардиров — 22 шайбы + 8 голевых передач), Сергей Капустин, Константин Климов, Владимир Репнев (впервые), Сергей Котов (впервые), защитники — Юрий Шаталов, Виктор Кузнецов.

Вспоминает В. Анисин: «У нас тогда вообще подобрался очень честолюбивый коллектив. Многие ребята были списаны из других клубов, так что им было что доказывать. Чемпионами мы стали за пять туров до окончания чемпионата, хотя перед началом первенства никто нас всерьез не воспринимал…»

В апреле 1974 года почти все они (кроме Климова и Котова) отправились со сборной в Финляндию, где должен был проходить 41-й чемпионат мира и Европы по хоккею. Бобров и Кулагин снова сформировали три звена: 1-е — в защите Валерий Васильев

(«Динамо») и Александр Гусев (ЦСКА), в нападении — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА); 2-е — в защите Геннадий Цыганков (ЦСКА) и Юрий Ляпкин («Спартак»), в нападении — Александр Мальцев («Динамо»), Владимир Шадрин и Александр Якушев (оба — «Спартак»); 3-е — в защите Виктор Кузнецов («Крылья Советов») и Владимир Лутченко (ЦСКА) (иногда к ним на замену выходил Юрий Шаталов из «Крылышек»), в нападении — Вячеслав Анисин, Владимир Репнев, Сергей Капустин (все — «Крылья Советов»). В последнем звене на замену выходили еще двое «крылышек»: Юрий Лебедев и Александр Бодунов.

Наши ребята стартовали в Хельсинки хорошо, выиграв три первых матча, правда, со слабыми соперниками (восточными немцами, финнами, поляками). А вот когда у них на пути встала сборная ЧССР, то здесь «красная машина» дала сбой — потерпела поражение со счетом 2:7. Причем уже в первом периоде наши проигрывали 0:3. Обеспокойные этим результатом и невнятной игрой нашей сборной, советские спортивные начальники прислали из Москвы на чемпионат своего представителя Смирнова — для накачки. После этого наши хоккеисты уже больше не проигрывали. Хотя вторая игра с чехословаками опять заставила всех напрячься. И после первого периода мы снова проигрывали, но уже не с таким позорным счетом, а всего 0:1. Но скандал все равно случился.

В перерыве Бобров стал объяснять своим подопечным их просчеты и упущения, настраивать на победу. И в самый разгар этого разговора в раздевалку изволили войти двое: представитель Спорткомитета Валентин Сыч и наш посол в Финляндии. Бобров, которого буквально прервали на полуслове, почти не оборачиваясь к гостям, произнес: «Закройте дверь. С той стороны». Сыч эту «пилюлю» проглотил молча (видимо, привык считаться с Бобровым), а вот посол затаил обиду. И чуть ли не в тот же день накатал на тренера «телегу» в ЦК КПСС (по другой версии, Бобров «послал» посла на торжественном банкете по случаю победы нашей сборной на чемпионате). Из-за этой «телеги» Боброва и сняли с поста старшего тренера сборной СССР, хотя наша команда и привезла на родину золотые медали, обогнав чехословаков на 4 очка. Но, видимо, слишком много было у Боброва недоброжелателей в спортивных верхах. К тому же за нашим тренером тянулся шлейф разного рода скандальных проступков.

Суперсерия-74, или Реванш Бориса Кулагина

Одновременно со звездой Боброва закатилась и звезда Тарасова — после того, как ЦСКА провалил сезон 1973/1974, отстав от «Крыльев Советов» на 11 очков, руководство Минобороны сочло возможным отправить заслуженного тренера в отставку. И вместо него к руководству ЦСКА пришел Константин Локтев. Он же стал и одним из помощников нового старшего тренера сборной СССР Бориса Кулагина (вторым помощником был выбран динамовский тренер Владимир Юрзинов, который привел свою команду в том сезоне к бронзовым медалям). Этой троице и выпала честь подготовить сборную СССР ко второй Суперсерии игр против канадских профессионалов. Только на этот раз нам предстояло играть не с хоккеистами из НХЛ, а с игроками из лиги послабее — Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА).

В преддверии Суперсерии (за неделю до ее начала) прошел первый этап Приза «Известий», где советская сборная провела три матча со сборной Финляндии и все выиграла: 8:1, 7:3 и 4:3. В тех матчах наши тренеры выпустили на поле нескольких новичков: защитников Александра Сапелкина и Александра Филиппова (оба — «Динамо», Москва), Юрия Федорова («Торпедо», Горький), нападающих — Виктора Шалимова («Спартак»), Александра Волчкова и Владимира Попова (ЦСКА).

Суперсерия стартовала 17 сентября в Квебеке. Как и прежде, сборная СССР выставила три звена. В 1-м играли: защитники — Валерий Васильев («Динамо») и Александр Гусев (ЦСКА), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА), во 2-м: защитники — Юрий Ляпкин («Спартак») и Геннадий Цыганков (ЦСКА) (иногда вместо последнего выходил Юрий Шаталов из «Крыльев Советов»), нападающие — Александр Мальцев («Динамо»), Владимир Шадрин и Александр Якушев (оба — «Спартак») (в последней

игре вместо Мальцева на лед выйдет спартаковец Виктор Шалимов, после чего на свет и родится знаменитое звено Якушев — Шадрин — Шалимов), в 3-м: защитники — Виктор Кузнецов («Крылья Советов») и Владимир Лутченко (ЦСКА), нападающие — Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин и Александр Бодунов (все — «Крылья Советов»). В этом же звене также выходили еще двое «крылышек»: Сергей Капустин и Сергей Котов. По одной игре сыграли: армеец Владимир Попов, Константин Климов («Крылья Советов») и Юрий Федоров.

В отличие от первой Суперсерии, где канадцы вышли на лед с шапкозакидательскими настроениями, в этот раз игроки из ВХА хорошо подготовились к началу игр. Поэтому первая игра не стала сенсацией, хотя и была весьма драматичной. Первый период выиграли хозяева 1:0. А второй закончился победой сборной СССР 3:2. А заключительную двадцатиминутку вновь выиграли канадцы 1:0. Общий итог — 3:3.

Вторая игра стала почти зеркальным отражением второго матча из первой Суперсерии. В ней канадцы тоже победили со счетом 4:1. Причем в обоих матчах шайбы в нашей команде забил один и тот же игрок — спартаковец Александр Якушев, который в этот раз играл не с Зиминым и Шадриным, а с Мальцевым и Шадриным. Куда же делся Евгений Зимин, который так здорово проявил себя в играх первой Суперсерии? В том самом 1974 году он был призван служить в армию и отправился играть за СКА МВО. И с тех пор играть за первую сборную его уже не приглашали. Впрочем, его не пригласят обратно и в «Спартак», когда спустя два года он закончит службу в армию. И Зимин перейдет в «Крылья Советов», где отыграет два года (1976–1977) и завоюет в его составе Кубок европейских чемпионов, забив в финальной игре две шайбы. Повесив коньки на гвоздь, он станет тренером в ДЮСШ «Спартака».

Но вернемся к Суперсерии-74.

В третьем матче удача наконец сопутствовала сборной СССР, которая победила канадцев со счетом 8:5. Причем к началу третьего периода счет был шатким — 4:2 в нашу пользу, но в последней двадцатиминутке советские хоккеисты все-таки сумели переломить ход игры в свою пользу. Чего не скажешь о последнем матче канадского этапа Суперсерии. В нем наши ребята уже в первом периоде вели 5:2 и, казалось, заранее решили исход матча в свою сторону. Но недооценили соперника. Канадцы сумели собраться и свели матч к ничейному результату — 5:5. В результате и весь первый этап Суперсерии оказался ничейным: у обеих команд было по одной победе и два матча закончились вничью. Судьба серии должна была решиться, как и в первом

случае, в Москве. Как мы помним, тогда удача сопутствовала канадцам, у которых оказалось на одну победу больше. Но наш тренер Борис Кулагин, который в Суперсерии-72 был вторым тренером нашей сборной, сумел сделать правильные выводы из прошлой неудачи. На этот раз он не стал отпускать вожжи из своих рук и не отпускал игроков в незапланированный отпуск накануне московских матчей. Была проведена соответствующая беседа с командой, главным лейтмотивом которой была мысль: не расслабляться и играть до последней секунды матча. А также не поддаваться на их провокации, наказывая голами, а не кулаками. Как итог: московскую серию матчей сборная СССР выиграла, не проиграв ни одного матча. В свете статистики это выглядело следующим образом: 3:2, 5:2, 4:4, 3:2. Таким образом, сборной СССР под руководством все того же Бориса Кулагина удалось-таки взять реванш у канадцев за поражение двухлетней давности.

Борис Кулагин

Поражение и триумф Бориса Кулагина

Уже спустя месяц после Суперсерии-74 сборная СССР отправилась в Финляндию, где должны были состояться матчи второго этапа Приза «Известий». Наши ребята сыграли три матча с финнами и во всех одержали победу: 7:2, 5:2 и 5:3. Сборная СССР играла в том же составе, что и в Суперсерии, введя в бой лишь одного новичка — защитника Юрия Тюрина из «Крыльев Советов». Таким образом, в тогдашней сборной СССР играли сразу восемь «крылышек»: вратарь Александр Сидельников, защитники Юрий Шаталов, Виктор Кузнецов и Юрий Тюрин, нападающие — Юрий Лебедев, Вячеслав Анисин, Александр Бодунов и Сергей Капустин. Столь большое представительство команды «Крылья Советов» объяснялось просто — старшим тренером нашей сборной был тренер «крылышек» Борис Кулагин, которого сами игроки за глаза называли Мао Цзедуном (внешне он и в самом деле немного напоминал китайского «кормчего») и Шефом.

В декабре игры Приза «Известий» продолжились, но уже в Москве. Здесь сборной СССР противостояли сборные Швеции и Чехословакии. Со шведами наши ребята сыграли три матча и все выиграли: 7:2, 5:2 и 4:3. Столько же матчей мы сыграли и против чехословаков, но результаты были иными: 6:3, 3:3 и 3:4.

Отметим, что у чехословаков не играли двое ведущих игроков — нападающие Вацлав Недоманский из клуба «Слован» и Рихард Фарда из «ЗКЛ» (Брно). Первый играл в сборной ЧССР с 1965 года, второй — с 1969-го. На последнем чемпионате мира и Европы в Хельсинки Недоманский забил в ворота соперников 10 шайб (лучший результат в команде), а Фарда — два гола. Почему же их не было в сборной ЧССР на Призе «Известий»?

Дело в том, что они летом 1974 года… сбежали играть в Канаду. Причем поначалу они не помышляли о побеге, поскольку канадские скауты из клуба ВХА «Торонто Тороз» приехали в

Чехословакию на законных основаниях, чтобы уговорить местных спортивных начальников отпустить Недоманского и Фарду играть за их клуб. Тем более что сами хоккеисты были не против такого поворота в своей судьбе. Но им ответили отказом. Тогда хоккеисты и приняли решение сбежать. Этот побег наделал много шума и стал первым опытом, когда хоккеисты из социалистической страны стали играть в канадском профессиональном хоккее.

Но вернемся к Призу «Известий» сезона 1974/1975.

Следующий его этап (заключительный) должен был состояться уже в следующем году — в марте 1975 года. Именно он едва не поставил крест на карьере Бориса Кулагина на посту старшего тренера сборной СССР.

В Прагу, на заключительный этап известинского турнира, Кулагин, Локтев и Юрзинов привезли почти ту же сборную, включив в нее двух новичков: Александра Сапелкина («Крылья Советов») и Александра Куликова («Торпедо», Горький), а также двух игроков, которые ранее уже приглашались в главную команду страны: Юрия Федорова («Торпедо», Горький) и Владимира Репнева («Крылья Советов»). Таким образом, количество игроков из «Крыльев Советов» в сборной СССР образца марта 1975 года достигло рекордной для этой команды отметки — 12 человек. Назовем их всех: А. Сидельников (вратарь), Ю. Тюрин, В. Кузнецов, Ю. Шаталов, А. Сапелкин, Ю. Лебедев, В. Анисин, А. Бодунов, С. Капустин, С. Котов, К. Климов, В. Репнев. Остальные клубы были представлены следующим числом игроков: ЦСКА — 8 человек (В. Третьяк, В. Лутченко, Г. Цыганков, А. Гусев, В. Харламов, В. Петров, Б. Михайлов, В. Викулов), «Спартак» — 5 человек (В. Криволапов, Ю. Ляпкин, А. Якушев, В. Шадрин, В. Шалимов), «Динамо» (Москва) — 3 человека (В. Васильев, А. Филиппов, А. Мальцев).

Однако эта сборная с треском провалила заключительный этап Приза «Известий», уже в первом же матче проиграв сборной ЧССР со счетом 1:6. Во втором матче нашу сборную ждало еще одно поражение, хотя и с меньшим счетом — 2:4. Но третья игра сразила многомиллионную армию советских болельщиков, что называется, наповал — 9:3 в пользу чехословаков. По шайбам это поражение выглядело удручающе: 19:6 в пользу хозяев. Такого разгрома от чехословаков сборная СССР еще не знала. И это произошло за две недели до очередного чемпионата мира и Европы. В итоге тот Приз «Известий» достался сборной ЧССР, а наши хоккеисты заняли 2-е место, отстав от победителей на 3 очка. Однако снимать Кулагина не стали — как говорится, коней на переправе не меняют. Однако команду подчистить ему

пришлось, сократив в ней представительство игроков из своих же «Крыльев Советов». На мировой турнир в апреле 1975 года их отправилось всего лишь четыре человека из двенадцати. Это были: Юрий Тюрин, Сергей Капустин, Вячеслав Анисин и Юрий Лебедев. Даже вратарем вместо Александра Сидельникова взяли спартаковца Виктора Криволапова.

Наши играли в три привычных звена. 1-е: защитники — Валерий Васильев («Динамо») и Владимир Лутченко (ЦСКА), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА); 2-е: защитники — Юрий Ляпкин («Спартак») и Александр Филиппов («Динамо»), нападающие — Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Александр Якушев (все — «Спартак»); 3-е: защитники — Александр Мальцев («Динамо»), Вячеслав Анисин и Сергей Капустин (оба — «Крылья Советов»). На замену выходили Владимир Викулов (ЦСКА; во второе звено) и Юрий Лебедев («Крылья Советов»; в третье звено).

В отличие от игр на Приз «Известий», этот состав сборной СССР играл куда более сильно и надежно. Достаточно сказать, что из десяти матчей наши ребята не проиграли ни одного, дважды обыграв и чехословаков (5:2 и 4:1). В итоге советская сборная заняла 1-е место, обогнав сборную ЧССР на четыре очка (20 против 16). Тем самым Борис Кулагин полностью себя реабилитировал за провал на известинском турнире.

Спустя месяц после закрытия мирового турнира (в мае 1975 года) завершился и чемпионат СССР по хоккею. Чемпионом вновь стал ЦСКА, зато кулагинские «Крылья Советов» заняли 2-е место, отстав от армейцев на 8 очков (45 против 53). Бронзовые медали достались московскому «Спартаку», к руководству которого вновь пришел Николай Карпов — тот самый тренер, который привел команду к золотым медалям в 1969 году. Теперь перед ним были поставлены те же амбициозные цели, но решить их тогда силенок у спартаковцев еще было маловато. По словам Н. Карпова: «Команду я принял в ноябре 1974 года у Старшинова, когда она находилась на 10-м месте. Наладил дисциплину, перетасовал состав, и мы 15 туров не знали поражений. Догнали ЦСКА. От меня руководство уже золото требует, но я сразу отрезал: «Рано. Много зеленой молодежи. Сил не хватит». Взяли в итоге бронзу…»

«Зеленой» молодежи в тогдашнем «Спартаке» действительно было много, а вот ряды ветеранов редели. Например, в 1975 году вынужден был уйти из команды защитник Евгений Паладьев, который играл в «Спартаке» с 1968 года и год спустя (при том же Н. Карпове) выиграл чемпионские медали. Он трижды был чемпионом мира и Европы (1969, 1970, 1973). Однако был

вынужден был покинуть команду, так как армейцы решили ослабить защитные порядки «Спартака». Причем случилось это после громкого скандала, в котором оказался замешан Паладьев. Вот как об этом вспоминает все тот же Н. Карпов: «Однажды я распустил команду по домам, и Женька привез к себе за город девчонку. С виду здоровенная, а на деле — шестнадцать лет. Но это потом выяснилось. А тогда он по дороге с ребятами завернул в магазин. Девица помогала Паладьеву водку выбирать — так и познакомились. Когда до постели у них дошло, закапризничала. Паладьев ее ударил, она вырвалась, убежала. И прямиком в милицию — заявила об изнасиловании.

Я у этой девчонки при матери и следователе спрашиваю: «Как же вы поехали за город с незнакомым человеком?» Мама встряла: «Мы в него верили!» Следователь поддакивает: дело серьезное, парню реальный срок светит. Мы, конечно, позвонили наверх, оттуда дали команду: не выносить сор из избы. А барышне заплатили, чтоб отстала и забрала заявление. Хотя до суда все ж таки дошло. Там мы и взяли Паладьева на поруки. А он через некоторое время всех нас подставил.

Женьке в мае 1975 года исполнилось 27 лет, брони от армии нет. Но у меня с ЦИТО и Зоей Сергеевной Мироновой отличные отношения, попросил помочь. Вскройте, говорю, Паладьеву колено и снова зашейте. Чтоб военкоматовские люди его из больницы не вытащили. Условились, что на следующий день после матча Паладьев к Мироновой приедет в 9 утра. А он и не подумал!

В клубе с утра вижу взмыленного майора. У него приказ — найти Паладьева и во что бы то ни стало призвать в армию. Втолковывает нашему начальнику команды: «Мы вас посадим за укрывательство!» Тот, обнаружив меня на пороге, обрадовался, как родному: «Что на меня насели? Вот главный тренер!» Майор ко мне поворачивается: «Где Паладьев?!» Я на часы смотрю — одиннадцать. Должны уже колено вспороть. Но все равно беру паузу: «У команды выходной. Завтра тренировка, а сегодня ребят не контролирую. У Паладьева, кажется, что-то с коленом. Вроде в ЦИТО планировал показаться…»

Майор трубку срывает, звонит в ЦИТО. А там-то не знают, с кем разговаривают. «Паладьев у вас?» — «Нет, сидим, ждем его — все готово». — «Прекратить, никаких операций!» Поймали Женьку — и оформили служить в СКА МВО. Через день поддатенький явился на тренировку «Спартака». Начал ребятам втирать: «Эх, не могли отмазать…»…»

Кстати, в СКА МВО Паладьев отыграл два года и 1976 году демобилизовался. Но обратно в «Спартак» его не взяли, видимо,

по причине той давней истории.

Но вернемся к делам сборной СССР.

В феврале 1976 года в Инсбруке должны были состояться очередные зимние Олимпийские игры, и под это дело Кулагин и Кº решили пропустить через сборную СССР новый ряд игроков. Из тех хоккеистов, которых они приглашали в сборную в течение минувшего года, в ней сумели закрепиться лишь трое: Виктор Шалимов из «Спартака», Александр Сидельников и

Сергей Капустин из «Крыльев Советов». В новом призыве (осень 1975 года) значились следующие хоккеисты: защитники Сергей Коротков («Спартак») и Сергей Бабинов («Крылья Советов»), нападающие — Хельмут Балдерис («Динамо», Рига — первый игрок этого клуба в составе первой сборной СССР), Виктор Жлуктов и Борис Александров (оба — ЦСКА), Александр Голиков («Химик», Воскресенск).

Как покажет будущее, этот призыв окажется весьма успешным — кроме Короткова и Александрова, все остальные призывники сделают весьма успешную карьеру в составе сборной СССР.

Обновленная сборная очень удачно выступит на Призе «Известий» в декабре 1975 года. Выиграв все три матча, она завоюет главный приз и сделает хорошую заявку на победу и на Олимпийских играх. Эта заявка будет полностью подтверждена. В олимпийском Инсбруке в феврале 1976 года сборная СССР выиграет все пять матчей, в том числе и финальную игру против чехословаков (4:3). Причем в последнем матче мы в первом периоде проигрывали 0:2, но в итоге сумели переломить ход игры в свою пользу.

Самым результативным звеном в нашей команде было 2-е, спартаковское, в котором играли: Геннадий Цыганков (ЦСКА), Юрий Ляпкин, Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Александр Якушев (все — «Спартак») — оно забросило в ворота соперников 23 шайбы (Шадрин — 10, Шалимов — 7, Якушев — 4, Ляпкин и Цыганков — по одной). На 2-м месте было 3-е звено, новоявленное, в котором играли: Сергей Бабинов, Владимир Лутченко, Александр Мальцев, Виктор Жлуктов, Сергей Капустин (иногда на замену выходил Борис Александров). В общей сложности это звено забило 19 шайб: Мальцев — 7, Капустин — 6, Жлуктов — 2, Александров — 2, Бабинов — 2.

Наконец, 1-е звено забило 14 шайб: Владимир Петров — 6, Валерий Харламов и Борис Михайлов — по три, Валерий Васильев и Александр Гусев — по одной.

Провал в Катовице и отставка Кулагина

На волне успеха в Инсбруке от Кулагина и его помощников все ждали и победы на чемпионате мира и Европы в польском городе Катовице. Туда наши тренеры взяли практически тех же игроков, что блестяще выступили на Олимпиаде. Однако трех из них Кулагин решил отцепить, причем все они были из ЦСКА. Речь идет о маститом нападающем Владимире Петрове, не менее маститом защитнике Александре Гусеве и молодом форварде Борисе Александрове. Все трое пострадали по причине строптивости своих характеров. Однако если Александрову в силу его молодости эту строптивость можно было и не прощать, то вот в отношении Петрова и Гусева тренер мог бы и наступить на собственное горло — то бишь не отцеплять столь ценных игроков, поскольку разрушалось ведущее звено Васильев — Гусев; Михайлов — Петров — Харламов. Но Кулагин сделал по-своему, видимо, решив, что если это звено не самым лучшим образом показало себя на Олимпиаде (3-е место по результативности, хотя решающую шайбу в игре против чехословаков забил именно Харламов), то его разрушение не повлечет за собой каких-то серьезных последствий. И вместо Петрова к Михайлову и Харламову был поставлен Мальцев, а место Гусева занял Лутченко.

В сборную были вновь привлечены игроки, которые до этого в ней же появлялись (но в Инсбрук не ездили): Сергей Коротков («Спартак») и Александр Филиппов («Динамо»), а также два динамовских нападающих: Александр Голиков (он однажды уже играл в сборной) и его брат-дебютант Владимир Голиков.

Сборная СССР — победитель Олимпиады в Инсбруке (1976)

Тот чемпионат начался для нашей сборной так, как еще никогда не начинался — с поражения. Причем проиграла наша сборная команде Польши, которую мы всегда легко проходили, забивая ей больше десятка шайб (в 1973 году даже обыграли ее 20:0). Но в этот раз мы проиграли 4:6. Это была сенсация того чемпионата. Это поражение выбило из колеи нашу сборную, которая в психологическом плане выглядела неидеально. Впрочем, и тактически она привезла в Катовице достаточно однообразный хоккей, без каких-либо открытий. А тут еще и травмы ведущих игроков сделали свое дело. Например, отыграв пять матчей (ровно половину), сел на скамейку запасных Александр Мальцев, который, как мы помним, заменил строптивого Владимира Петрова. Вместо него тренеры поставили сначала Владимира Голикова (он сыграл с ними три матча), потом его сменил его брат Александр. Однако большого эффекта эти замены не имели. В итоге в пяти последних турах наша сборная недосчиталась половины возможного «улова» — пяти очков. И сборная СССР чудом зацепилась за 2-е место, уступив чемпионство сборной ЧССР, причем наше отставание составило 6 очков (13 против 19), чего раньше никогда не случалось.

Напомним, что сборную ЧССР вот уже третий год (с лета 1973-го) тренировал тандем Карел Гут и Ян Старши, которые медленно, но уверенно шли к своей цели. В 1974–1975 годах они приводили свою сборную к серебряным медалям мирового первенства и с третьей попытки завоевали-таки золото. Причем они заменили в команде всего четырех игроков (одного защитника и трех нападающих), введя вместо них новых

исполнителей. Отметим, что до этого (в начале 70-х) они руководили юниорской и молодежной сборными ЧССР. И в сборную образца 1976 года пригласили игроков сразу из девяти (!) команд. Причем из команды, ставшей в том году чемпионом ЧССР, — СОНП (Польди) из Кладно (это было ее второе подряд золото) были приглашены только четверо игроков: защитники Франтишек Поспишил и Франтишек Каберле, нападающие Милан Новы и Эдуард Новак.

Команда, завоевавшая серебро на внутреннем чемпионате — «Тесла» из Пардубице — была представлена тремя игроками (причем все были нападающими): Владимиром Мартинецом, Иржи Новаком и Богуславом Штясны.

Бронзовый призер — клуб «Дукла» (Йиглава) — представляли два игрока: защитник Милан Халупа и нападающий Иржи Голик.

Остальные клубы были представлены следующими игроками: ЧХЗ (химзавод из Литвинова) — защитник Иржи Бубла и нападающий Иван Глинка; «Мотор» (Ческе-Будеевице) — защитник Мирослав Дворжак и нападающий Ярослав Поузар; «Спарта» (Прага) — вратарь Иржи Холечек; ЗКЛ (завод подшипников из Брно) — вратарь Владимир Дзурилла; «Шкода» (Пльзень) — защитник Милан Кайкл; ВЖКГ (Витковицкий металлургический комбинат в Остраве) — нападающий Франтишек Черник.

Именно эти игроки и обеспечили сборной ЧССР золотые медали чемпионата мира и Европы в 1976 году. Причем чехословаки «наколотили» в ворота соперников 67 шайб (второй результат после 1972 года, когда они забросили 72 шайбы). Самыми результативными игроками мирового турнира 1976 года стали три игрока сборной ЧССР: Владимир Мартинец (9 забитых шайб + 11 голевых передач), Иржи Новак (9+7) (оба играли в одном звене — первом) и Милан Новы (9+6).

Что касается сборной СССР, то для нее тот чемпионат стал настоящим провалом. Естественно, прощать его Борису Кулагину никто не собирался. Однако и снимать с поста старшего тренера тоже не торопились, поскольку понимали — равноценной замены на горизонте пока не видно. В итоге решили: оставить пока Кулагина в сборной, но одновременно начать поиск его преемника.

Тем временем в чемпионате СССР кулагинские «Крылья Советов» заняли 4-е место. А чемпионские медали достались «Спартаку», к руководству которого, как уже говорилось, в конце 1974 года пришел Николай Карпов. Таким образом, при нем красно-белые дважды стали чемпионами — в 1969 и 1976 годах. И в обоих случаях на 2-м месте был ЦСКА.

Вспоминает Н. Карпов: «Летом 1975 года мы ударно провели предсезонку. Я подтянул в основу технаря Алексея Костылева, защитников Федора Канарейкина, Василия Спиридонова, Владимира Зубкова, нападающих Александра Баринева, Владимира Трунова. А главное — центрфорварда Аркадия Рудакова (он до этого играл в свердловском «Автомобилисте» . — *Ф. Р.*), вокруг которого сформировал так недостающее команде третье звено. Специально за ним в Свердловск ездил. Квартиру в Москве устроил. Уникальный игрочище, манерой и хитростью Аркадия здорово сейчас напоминает его земляк Павел Дацюк.

В матче открытия разгромили московское «Динамо» 8:2, и пошло-поехало. А когда в начале декабря в Лужниках дважды обыграли СКА Пучкова, я зашел в раздевалку и сказал: «Теперь мы точно будем чемпионами». Так и вышло…»

Кстати, «Спартак» обыграл не только СКА, но и хорошо сыграл с ЦСКА: две встречи свел вничью (4:4 и 5:5), одну встречу выиграл (4:2) и одну проиграл (6:7). Зато он трижды выиграл у земляков из «Динамо», занявших 3-е место, (8:2, 6:4, 4:3) и лишь в одной игре им уступил (2:4). Та же история были и в играх с «крылышками»: три победы и одно поражение. Короче, «Спартак» стал чемпионом вполне заслуженно, обогнав на самом финише ЦСКА (50 очков против 48).

Первое появление Виктора Тихонова

В чемпионате СССР 1975/1976 5-е место заняла команда «Динамо» (Рига). Отметим, что она всего лишь год назад вышла из первой лиги в высшую и практически с ходу сумела закрепиться в середине турнирной таблице, заняв в первом же сезоне 6-е место. Причем рижане были знамениты тем, что первыми в стране стали играть в четыре звена, в то время как все остальные играли тремя пятерками. А привил им это новшество еще в 1969 году тренер команды Виктор Тихонов.

Он родился в 1930 году в Москве и к хоккею приобщился как миллионы мальчишек — в родном дворе. А в большой спорт попал благодаря армии, куда его призвали в 1948 году. Тихонов попал в команду ВВС МВО, играя на позиции защитника, и трижды становился чемпионом СССР (1951–1953). В 1953 году он перешел в московское «Динамо», с которым сразу стал чемпионом СССР (1954). В этом клубе он отыграл дольше всего — десять лет. Однако в первую сборную так и не попал, довольствовавшись лишь второй, где был капитаном. Впрочем, однажды его чуть не взяли в первую сборную, но в итоге отцепили. Случилось это в 1956 году перед зимней Олимпиадой в Кортина-д'Ампеццо. Буквально накануне турнира Тихонова и еще одного игрока — Константина Локтева — вычеркнули из списков игроков. Почему? В то время сборная имела всего четыре или пять защитников. Тихонов, как и Альфред Кучевский, мог стать пятым, но, по мнению Аркадия Чернышева, возглавлявшего в те годы нашу национальную команду, Кучевский был опытнее.

В 1962 году Тихонов повесил коньки на гвоздь и перешел на тренерскую работу в родном «Динамо» — стал помощником Чернышева. С ним он работал на протяжении шести лет, после чего их тандем распался. Как вспоминает сам В. Тихонов: «По долгу службы в сборной Аркадий Иванович часто и на длительные сроки покидал «Динамо», а когда возвращался, приходил в хорошее расположение духа, если без него дела шли плохо. Если же все было в порядке и команда набирала много

очков, он мрачнел и находил поводы распекать своих ассистентов. Я был ближайшим, и он постарался от меня избавиться…»

В 1968 году Тихонова отправили поднимать команду рижского «Динамо». Вот что вспоминает об этом Владимир Сеи, который в те годы занимал пост министра внутренних дел Латвийской ССР: «Меня вызвал по служебным делам первый секретарь ЦК КП Латвии А. Восс. В конце нашего разговора он как бы мимоходом сказал мне: «Возьмите под свою опеку в «Динамо» хоккейную команду мастеров и наведите в ней порядок». (В те годы хоккейное общество «Динамо» подчинялось МВД, а в начале 70-х перейдет под опеку КГБ . — *Ф. Р.*)

Я о хоккее в то время не имел ни малейшего понятия, не был ни на одном матче. Позвонил Виктору Робертовичу Земмерсу (он занимал должность заместителя председателя Республиканского совета «Динамо» . — *Ф. Р.*) и рассказал о беседе с первым секретарем. Земмерс встретил эту новость в штыки: «Что вы, Владимир Алфредович, это же не команда, а живой труп! Обязательно надо отказаться» (в сезоне 1967/1968 рижане заняли в первой лиге последнее, 12-е место и вылетели в низшую зону . — *Ф. Р.*).

Я так и сделал, но Восс был непреклонен: «Это партийное поручение. Выполняйте». Попробуй не выполнить…

В общем, забрали мы команду из «Даугавы» на свой баланс (до 1968 года команда из Риги называлась «Даугава», потом стала «Динамо» . — *Ф. Р.*). Первым долгом надо было подобрать для них хорошего тренера. Кандидатов было двое: Валентин Быстров из Питера (он тренировал команду «СКИФ» . — *Ф. Р.*) и Виктор Тихонов из Москвы. Поскольку Тихонов работал вторым тренером в московском «Динамо», я позвонил в Москву, в Центральный совет «Динамо», и попросил объективно охарактеризовать Тихонова. В ответ услышал: квалифицированный специалист, очень трудолюбив, настойчив, но у него серьезный недостаток: строптив, неуживчив с начальством, всегда старается настоять на своем.

Я сразу решил: это тот, кто мне нужен. Зачем нам тренер, который будет поддакивать начальству?..»

Итак, Тихонов переехал в Ригу и уже через год решил опробовать новшество — внедрить в команде игру в четыре пятерки. По его же собственным словам: «Идея имеет свою историю. Она была подсказана самой жизнью. В рижском «Динамо», когда я только принял команду, было три звена. Третья тройка была откровенно слабой.

Мастерство игроков, ее составляющих, вызывало сомнения. И

хотя рижане в то время выступали во второй лиге, иначе говоря, в третьем эшелоне нашего хоккея, я сомневался в том, что имею право оставлять в команде таких игроков. Но около третьего звена было еще несколько хоккеистов, которые являли собой резерв третьей тройки. Однако и они по своему классу не могли претендовать на право выступать в основном составе.

И вот во второй половине чемпионата, а речь, напоминаю, идет о первенстве СССР во второй лиге, я через третье звено, постоянно меняя игроков, пропустил шесть спортсменов. То есть, в сущности, два звена.

И уже зрительно, а не только по цифровым итогам матчей, было видно, что это звено, постоянно обновляясь, играет не хуже хоккеистов второго и даже первого звеньев. Когда закончился чемпионат лиги и мы подсчитали итоги выступлений всех пятерок и всех хоккеистов, а учет игры звеньев ведется во всех командах — от сборной страны до клубов второй лиги, то выяснилось, что третье звено в нашей команде на заключительном этапе чемпионата СССР оказалось сильнейшим.

Как это получилось?

В то время в каждой команде было три звена. Противоборствовали первые пятерки, соперничали вторые, соревновались третьи. И вот против каждой третьей пятерки мы выставляли две (речь пока, правда, идет только о двух тройках форвардов).

Сопоставив результаты, показанные всеми тройками рижан, проанализировав действия команды и задумавшись над тем, что происходит, я не мог не прийти к выводу о разумности игры четырьмя звеньями и принял решение запланировать на следующий сезон игру в четыре тройки форвардов…»

В течение двух лет рижское «Динамо» обитало в низшем дивизионе, после чего в сезоне 1970/1971 снова вернулось в первую лигу, обогнав своего ближайшего преследователя на целых 18 (!) очков. И в итоге заняло в ней 3-е место. Это был настоящий прорыв, осуществленный под руководством амбициозного тренера из Москвы. В следующем сезоне этот успех был повторен, что ясно указывало на то, что все это не случайность, а закономерность. Наконец, в сезоне 1972/1973 рижское «Динамо» стало чемпионом и получило право выхода в высшую лигу. Где показало себя с самой лучшей стороны, заняв, как уже отмечалось выше, 6-е место, оставив позади себя такие команды, как воскресенский «Химик» (7-е место), челябинский «Трактор» (8-е) и ленинградский СКА (9-е). Как же это стало возможно? Вот как об этом размышляет Е. Рубин: «Едва Тихонов заступил на пост главного тренера, у него началась и вторая

жизнь, в которую была посвящена только жена. Он купил — на свои кровные — киноаппарат и перед встречей «Динамо» с очередным противником улетал — тоже не прося командировочных — на предыдущую игру этого противника. Он делал любительский фильм о матче и торопился домой — изучить его, выявить его, противника, слабые места и обдумать, как их обратить на пользу «Динамо». Днем он репетировал со своей командой созданную собственным воображением игру, и каждый динамовец выходил на лед, твердо зная свою задачу.

Тихонов первым из советских тренеров — правда, уже на средства клуба — обзавелся видеомагнитофоном. Другие — кто раньше, кто позже — последовали его примеру и разбирали с игроками допущенные на льду ошибки. Тихонов — единственный, кто нашел этому аппарату другое применение, — его ассистенты просматривали отснятый на пленку матч и делали его раскадровку по эпизодам. Этот метод позволял выявлять наиболее сильные и слабые стороны в организации игры своей команды и противника и соответственно менять тактику…

Виктор Тихонов

И на динамовской базе под Ригой, и во Дворце спорта у Тихонова были рабочие кабинеты. В них он трудился, изучая и расшифровывая бесконечные таблицы и диаграммы, профессионально вычерченные, разлинованные тушью разных цветов. В них вносились данные о каждом игроке. В одни — поднятые им на тренировках килограммы металла, показанные на кроссовых дистанциях минуты, количество подтягиваний на перекладине. На других — результаты медицинских осмотров. На

третьих — число рывков, бросков по воротам, силовых единоборств за тренировку и матч. И не вообще, а на каждый день. И кривая изменений в общем состоянии и игре в зависимости от роста и нагрузок.

Шкаф был заполнен этими схемами и книгами. Тихонов договорился с местными специалистами медицины, физиологии, биомеханики о консультациях и получал у них рекомендации, какие труды на интересующие его темы прочитать.

Да, с первого дня вступления на тренерскую стезю этот внешне бесстрастный, не умеющий повышать голос, безразличный к жизненным благам человек — нет, не горел — пылал одной, но пламенной страстью — к хоккею…»

В итоге Виктор Тихонов сумел доказать многочисленным скептикам, которые в 1968 году были уверены в том, что его миссия в Ригу — это не что иное, как «могила», из которой ему уже не подняться, что он действительно талантливый тренер, которого впереди может ждать большое будущее. И последнее действительно вскоре наступило.

В сентябре 1976 года должен был состояться первый розыгрыш престижнейшего турнира — Кубка Канады. На него должны были съехаться все ведущие хоккейные сборные, в том числе и канадская, в состав которой должны были быть включены лучшие игроки НХЛ. Естественно, не могла проигнорировать этот турнир и сборная СССР. Однако Кулагин сумел убедить спортивных начальников, что посылать туда лучших игроков не стоит — им лучше дать отдохнуть, чтобы они сумели хорошо подготовиться к следующему чемпионату мира и Европы, который должен был пройти в Вене весной 1977 года. Более того,

Кулагин и сам отказался ехать в Канаду, посоветовав послать туда молодых тренеров. Когда стали прикидывать, кто мог бы подойти на роль этих самоубийц (ведь подготовить команду надо было все за полтора месяца!), выбрали Виктора Тихонова, видимо, рассчитывая таким образом окончательно похоронить его поднимающийся авторитет. Ведь со сборной без звезд ему светило на турнире чуть ли не самое провальное место (ниже третьего), что автоматически должно было дискредитировать и его реноме новатора в глазах спортивной общественности.

В качестве своих помощников Тихонов взял на турнир в Канаде двух тренеров: Бориса Майорова и Роберта Черенкова. Первый был в прошлом известным хоккеистом «Спартака» и сборной, а вот второй тренировал команду первой лиги — саратовский «Кристалл», но Тихонову был известен еще раньше — в конце 50-х они вместе играли в московском «Динамо». Этот тренерский состав и набрал экспериментальную сборную СССР, в

которую Кулагин запретил брать нескольких ведущих игроков: Бориса Михайлова, Владимира Петрова, Геннадия Цыганкова, Владимира Шадрина, Александра Якушева. Еще одна звезда — Валерий Харламов — восстанавливался после автокатастрофы, в которую он угодил в конце мая 1976 года.

В итоге в сборную СССР, отправившуюся на Кубок Канады, были взяты восемь ветеранов (В. Третьяк, В. Зингер, А. Гусев, В. Васильев, В. Лутченко, А. Мальцев, В. Викулов, Ю. Лебедев, В. Шалимов), девять молодых, но ранее уже игравших в разное время в составе национальной команды игроков (С. Бабинов, В. Кузнецов, В. Жлуктов, С. Капустин, Х. Балдерис, Б. Александров, В. Репнев, А. Голиков), а также семеро дебютантов в лице вратаря Михаила Василенка («Динамо», Рига), защитников — Зинэтулы Билялетдинова («Динамо», Москва), Владимира Крикунова («Динамо», Рига), Александра Куликова («Торпедо», Горький), Владимира Ковина, Валерия Белоусова и Александра Скворцова (все — «Торпедо», Горький).

Вспоминает В. Тихонов: «Когда я начинал работу с «экспериментальной» сборной, я многого не знал. Я видел, например, что в часы подготовки к Кубку Канады Борис Павлович Кулагин подходил к борту, подзывал порой то одного, то другого игрока. На что он обращал внимание, что советовал он хоккеистам, я тогда не знал. И только позже выяснилось, что коллега говорил, например, Валерию Васильеву:

— Зачем ты так стараешься? Зачем тебе это сейчас надо?..

А ребята подходили к борту, к Кулагину, они знали, что он — старший тренер сборной, что я — временный человек, что на меня ставку делать не стоит. Долго не рассказывали всего этого мне хоккеисты. Но потом однажды не выдержали, и я узнал то, что знать мне хотелось бы меньше всего.

Твердо убежден, что тренер может говорить со спортсменами только так, чтобы его слова позволено было передать кому угодно, чтобы не было ему потом стыдно. Стоит говорить за глаза только то, что решишься сказать и в лицо…

Я воочию увидел, что лидеры хоккея начисто отвыкли от дисциплины. Не стану сравнивать требования, которые были в сборной при Аркадии Ивановиче Чернышеве и Анатолии Владимировиче Тарасове, поскольку знаю о них все-таки понаслышке, и потом при Борисе Павловиче Кулагине, но то, что я видел, не могло не насторожить. В команде было две дисциплины: одна для маститых, «великих», другая — для «рядовых». Однако этот печальный факт прикрывался успехами, которые приглушали всякую критику в адрес сборной команды, высоко ценимой нашими любителями спорта. Победителям

прощалось все. Различных нарушений режима хватало, но, поведя с ними борьбу, я тотчас же натолкнулся на энергичное сопротивление ведущих мастеров. Некоторые лидеры команды полагали, что им дозволено больше, чем их соратникам, пребывающим в сборной на вторых ролях.

И другое, что повергло меня в изумление и уныние, — поразительная отсталость достаточно, казалось бы, искушенных в игре мастеров в тактической подготовке, их неуважительное отношение к теоретической подготовке. Невысокая тактическая эрудиция большинства игроков сборной, которые уже выигрывали по нескольку чемпионатов мира, не могла не озадачить. Остановка в спорте недопустима, немыслима, и потому чемпионам нужно постоянно учиться…»

На том Кубке Канады советская сборная выступила неудачно — заняла 3-е место. Она проиграла и канадцам (1:3), и чехословакам (3:5). И сыграла вничью со шведами (3:3), что и позволило ей обогнать их в турнирной таблице при равенстве очков (по 5). Эти итоги позволили Кулагину и всем, кто не хотел обновления тренерского состава в сборной, сделать вывод, что в национальной команде время перемен еще не наступило. Даже Анатолий Тарасов, который слыл реформатором, высказался против экспериментов в исполнении Виктора Тихонова. В «Комсомольской правде» великий тренер размышлял на эту тему следующим образом: «Считается, что тренер, придя в сборную, должен оставаться «самим собой», придерживаться стиля, проверенного в своем клубе. Это, на мой взгляд, неверное, упрощенное мнение. В сборной собраны лучшие хоккеисты страны. Они нуждаются в сложных, порой новых тренировочных упражнениях. Перед ними необходимо ставить самые высокие задачи, соответствующие их знаниям, опыту и мастерству. Виктор Тихонов хорошо работал с рижским «Динамо». Но методы эти подходили хоккеистам среднего уровня. Способствовать росту мастерства высококлассного хоккеиста они не могут…»

Впрочем, все дело могло быть и в ведомственном противостоянии. Ведь и Тарасов, и Кулагин были выходцами из Министерства обороны, а Тихонова поддерживал шеф КГБ Юрий Андропов. Осенью 1976 года у последнего еще не было возможности «надавить» на армейцев. Почему? Дело в том, что весной из жизни ушел давний недоброжелатель Андропова министр обороны СССР А. Гречко и на его место пришел Д. Устинов. А с ним у Андропова еще не были налажены дружеские отношения — это произойдет чуть позже. Поэтому «продавить» кандидатуру Тихонова шеф КГБ сумеет только спустя год — летом 1977 года. Но об этом мы расскажем чуть позже.

Последний провал Кулагина

В ноябре 1976 года Кулагин и его напарники (Константин Локтев и Владимир Юрзинов) вновь собрал сборную СССР, но уже не экспериментальную, а полноценную — со всеми звездами (за исключением Валерия Харламова, который хотя и оправился после тяжелейшей травмы, но был оставлен в Москве по семейным обстоятельствам — у него родился первенец). С этой сборной Кулагин отправился в Прагу, где ей предстояло провести два товарищеских матча против команды ЧССР. В нашей сборной играло три звена: 1-е (армейское) состояло из следующих игроков: защитники — Владимир Лутченко и Александр Гусев, нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Вячеслав Анисин (той осенью он снова вернулся в ЦСКА); 2-е звено (спартаковское): защитники — Геннадий Цыганков (ЦСКА) и Юрий Ляпкин («Спартак»), нападающие — Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Александр Якушев (все — «Спартак»); 3-е звено (динамовское): защитники — Сергей Бабинов («Крылья Советов») и Владимир Крикунов («Крылья Советов»), нападающие — Петр Природин (дебютант сборной), Александр Мальцев и Александр Голиков (все — «Динамо», Москва). На замену выходили «крылышки» — Сергей Капустин и Владимир Репнев. В воротах основной голкипер — Владислав Третьяк.

В таком составе наша сборная вышла на первую игру 12 ноября, которую она… проиграла со счетом 3:5. В итоге на второй матч Кулагин и К° посадили на скамейку запасных динамовское и спартаковские звенья и выпустили вместо них армейскую тройку нападения: Владимир Викулов — Виктор Жлуктов и Борис Александров (2-е звено), а также тройку в лице одного армейца — Хельмута Балдериса — и двух «крылышек» — Сергея Капустина и Владимира Репнева (3-е звено). И эту игру наша сборная выиграла со счетом 6:3. Причем три шайбы у нас забило 1-е звено и столько же 3-е.

В середине декабря в Москве начался очередной Приз «Известий». На нем сборная СССР впервые играла в четыре звена

(ноу-хау, которое в нашей стране, как мы помним, впервые опробовал в рижском «Динамо» Виктор Тихонов еще в 1969 году). Причем из этой сборной выпало спартаковская тройка нападения Шалимов — Шадрин — Якушев. В новом формате состав звеньев выглядел следующим образом: 1-е звено (почти все армейское): защитники — Геннадий Цыганков и Юрий Ляпкин, нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов; 2-е звено (почти все армейское): защитники — Валерий Васильев и Владимир Лутченко, нападающие — Владимир Викулов, Виктор Жлуктов и Борис Александров; 3-е звено (полностью динамовское): защитники — Василий Первухин (дебютант сборной, игрок столичного «Динамо») и Зинэтула Билялетдинов («Динамо»), нападающие — Петр Природин, Александр Мальцев и Александр Голиков (все — «Динамо»); 4-е звено (почти все из «Крыльев Советов»): защитники — Сергей Бабинов и Владимир Крикунов, нападающие — Хельмут Балдерис («Динамо», Рига), Сергей Капустин и Владимир Репнев.

В этом составе сборная СССР выиграла Приз «Известий», одержав победы во всех четырех матчах: 4:2 со Швецией, 3:2 с ЧССР, 6:4 с канадским клубом из ВХА «Виннипег Джетс», 9:3 с Финляндией. То есть игра в четыре звена себя полностью оправдала. Результативность среди звеньев была следующей: 1-е звено забило 8 шайб (Михайлов — 4, Харламов — 3, Петров — 1), 2-е звено — 5 шайб (Жлуктов — 3, Александр и Викулов — по одной), 3-е звено — 3 шайбы (Мальцев, Природин, Голиков — по одной шайбе), 4-е звено — 6 шайб (Балдерис — 4, Капустин — 2). Ни один защитник во всех звеньях шайбами не отметился, что было показательно — задачи перед ними ставились сугубо оборонительные, а не наступательные.

Между тем этот опыт игры в четыре звена наши тренеры решили не применять на чемпионате мира и Европы, который проходил в апреле — мае 1977 года в Вене. От сборной были отцеплены: защитники — Ю. Ляпкин, З. Билялетдинов, В. Крикунов (зато появился дебютант — Вячеслав Фетисов из ЦСКА), нападающие — Б. Александров, В. Викулов, П. Природин, В. Репнев (вместо них была возвращена спартаковская тройка нападения Шалимов — Шадрин — Якушев).

Ровно половину турнира наша сборная шла, что называется, без сучка и задоринки, громя всех своих соперников (одержала 6 побед, в том числе и над сборной ЧССР с разгромным счетом 6:1). Но 2 мая проиграла шведам 1:5, показав себя самым беспомощным образом и проиграв все три периода (0:1, 0:2, 1:2). Такого с нашими хоккеистами в играх против шведов еще не случалось. Однако следом последовало еще одно поражение — от

чехословаков со счетом 3:4. Почему? Наши соперники внимательно изучили игру наших против шведов и построили свои оборонительные ряды по такому же принципу. В итоге уже в первом периоде советская сборная проигрывала 0:3.

Наконец, 8 мая мы снова скрестили клюшки со сборной Швеции. Казалось бы, прошло достаточно времени после первого поражения (6 дней), и можно было бы извлечь уроки. Не извлекли. Шведы снова грамотно построили оборону и ловили наших игроков на контратаках. Поэтому нас постигла очередная неудача — 1:3. Эти три поражения отбросили сборную СССР на 3-е место, а впереди оказались команды ЧССР и Швеции.

О причинах нашего поражения (кстати, второго подряд после Катовице-76) размышляет В. Тихонов: «Жизнь идет вперед, не стоит, понятно, на месте и хоккей. Но, судя по всему, степень тактической оснащенности игроков сборной не менялась, она явно отставала от требований времени. Именно этим и объясняю я поражение в Вене: в «Штадтхалле» весной 1977 года наша команда, напомню, осталась на третьем месте, от которого советский хоккей уже отвык.

Чемпионат мира 1977 года в Вене

Почему наша команда потерпела два поражения от «Тре Крунур» в Вене? Почему так трудно складывались наши матчи с командой Чехословакии? Вопросы, что называется, глобальные, касающиеся всего нашего хоккея — и сборной, и клубов. Думаю,

неудачи объяснялись прежде всего тем, что хоккеисты сборной СССР никак не могли решить проблему преодоления оборонительных порядков этих двух ведущих европейских команд. Именно потому мы проигрывали соперникам на чемпионатах мира 1976 и 1977 годов. В Катовице мы «попутно» умудрились проиграть (4:6) и хозяевам чемпионата, которых при самом доброжелательном отношении к ним первоклассной командой не назовешь. Однако и оборону польской команды наши мастера взломать не сумели…»

А вот еще одно мнение на этот счет — В. Колоскова (в 1977 году он был начальником Управления хоккея Спорткомитета СССР): «Одна из главных причин наших поражений на двух последних чемпионатах мира — тактическая бедность. Как правило, все звенья сборной СССР и в Катовице, и в Вене играли в одном тактическом ключе, не ставя перед соперниками никаких загадок, в то время как команды Швеции и ЧССР гибко использовали различные тактические варианты. Например, в Вене в первом матче с нашей командой шведы умело прессинговали по всей площадке. Не отказались они от прессинга и в повторной встрече, хотя на этот раз, учитывая усталость своих игроков, тренер Линдберг ограничил их активные действия двумя зонами — своей и нейтральной.

Разнообразили игру и хоккеисты ЧССР: не отказавшись от излюбленной тактики игры от обороны, чемпионы мира, кроме того, в зависимости от хода матча прибегали и к прессингу, и к тактике силового давления.

Естественно, возникает вопрос: как же случилось, что советские хоккеисты, долгое время диктовавшие моду в мировом любительском хоккее, вдруг оказались на вторых ролях? Прежде всего, думается, наши игроки и тренеры несколько самоуспокоились: мы, мол, сильнейшие, так что пусть соперники учатся у нас, а не мы у них. И соперники действительно стали пытливо изучать наш хоккей — и тактику игры, и организацию учебно-тренировочного процесса, и физическую подготовку, и психологический настрой. И, главное, все новое творчески использовали у себя: кропотливейший анализ позволил им выявить не только достоинства, но и недостатки в игре советских хоккеистов, сделать из этого правильные выводы, найти противоядие. Наши же тренеры сборной и клубов просмотрели новые тенденции в мировом хоккее, не заметили изменений в игре основных конкурентов. А изменения оказались существенными. Это и повышение атлетической подготовки игроков, и широкое использование новых тактических вариантов…»

Второе пришествие Тихонова началось с… провала

Естественно, что после такого бесславного поражения судьба тренерского трио в сборной (Б. Кулагин, К. Локтев, В. Юрзинов) была решена в пользу их отставки (после этого Кулагин был отправлен тренером в Данию, а Локтев в Польшу). Было понятно, что наш хоккей находится в кризисе и дело его вытягивания из него нужно поручить специалисту, который мыслит не устаревшими категориями, а современными. Таким тренером в те годы был Виктор Тихонов из рижского «Динамо».

Кстати, в марте 1977 года завершился чемпионат СССР по хоккею, где подопечные Тихонова заняли 4-е место, обогнав на 4 очка две столичные команды: «Спартак» (6-е место) и «Крылья Советов» (7-е). А чемпионом стал ЦСКА, который набрал 57 очков. Серебряные призеры, столичные динамовцы, отстали на 7 очков (57 против 50), а на третьем месте оказался… челябинский «Трактор» с 45 очками (сенсация того чемпионата). Казалось бы, у ЦСКА прекрасный результат! Однако высшее спортивное руководство решило освободить от должности старшего тренера армейцев Константина Локтева. Почему? Такова была воля высшего руководства страны, которое затеяло радикальные перемены в советском хоккее. Главным тренером сборной решено было назначить Виктора Тихонова, а поскольку ее базовым клубом всегда был ЦСКА, то судьба его бывшего тренера была решена самым радикальным образом — его сняли, а Тихонова назначили вместо него.

Вспоминает жена К. Локтева Валентина: «Я не знаю, кто принимал решение об увольнении Кости с поста старшего тренера ЦСКА, кто определял время и место, когда и где он должен был узнать об этом, но сделано это было (уверена, сознательно) самым садистским образом: об отставке ему сообщили… на банкете в Архангельском, организованном по случаю победы ЦСКА в чемпионате страны. Причем Косте не дали

даже отпраздновать эту победу, ошарашив его убийственной новостью еще до начала торжеств. В итоге, едва сев за стол, он попросил слова и сам объявил о своей отставке. «Ребята, — сказал он, обращаясь к игрокам, — со следующего года у вас будет новый тренер. Но я еще вернусь, потому что ЦСКА — это мой родной дом, я здесь вырос и никогда в другой команде работать не смогу…»

Он никогда не был слабым человеком, но если бы вы знали, каких усилий стоила ему эта короткая фраза!

После нее наступила гробовая тишина, поскольку никто подобного начала вечера не ожидал, а потом ребята наперебой стали просить его не уходить: «Константин Борисович, мы за вас будем бороться!» Но он попросил их этого не делать…

Естественно, сразу после этого «тоста» мы с ним покинули банкет, поскольку оставаться там далее не было смысла. Костя был на грани срыва, состояние его было таким, что на обратном пути мы едва не угодили в аварию (а он был за рулем «Волги»), чудом не врезавшись в парапет на мосту…

За что его сняли, вы мне можете сказать? Формальной причиной стало третье место сборной на чемпионате мира — 77 в Вене, но там Костя лишь помогал вместе с Владимиром Юрзиновым старшему тренеру команды Борису Кулагину. И потом, где это видано, чтобы тренера команды — чемпиона страны отправляли в отставку? По-моему, в этом смысле случай с Локтевым — единственный в истории отечественного хоккея, если не сказать спорта в целом? Когда мы уезжали в 1978 году в Польшу, где Костя подписал контракт с варшавской «Легией», таможенники нас сочувственно спрашивали: «Константин Борисович, за что вас уволили?» — но он только пожимал плечами…

Он прожил с этой обидой, с незаживающим рубцом на сердце все оставшиеся ему после этой отставки 19 лет. Даже когда полностью отошел от хоккея, работая инженером по гражданской обороне, ревизором на стройке или вице-президентом акционерного общества, не мог о ней забыть. И абсолютно прав был нынешний министр спорта России, двукратный олимпийский чемпион Вячеслав Фетисов, когда в своей книге «Овертайм» высказал предположение о том, что эта история психологически сильно сказалась на дальнейшей судьбе Константина Борисовича, спровоцировав его ранний уход из жизни. В свою очередь, замечу, что он и из жизни ушел непобежденным, поскольку был отстранен от хоккея в ранге тренера-победителя…»

А теперь послушаем рассказ человека, пришедшего на смену Локтеву, — В. Тихонова: «Мне хорошо было в Риге, не хотел

уезжать. После каждого сезона выступал перед болельщиками. В первый год было человек пятьдесят, дальше по шесть тысяч ходило. А я три часа рассказывал. Тишина стояла — муху слышно. Принимали потрясающе. Однажды Озеров приехал: «Хочу поздравить всех жителей Риги, ваш Виктор Васильевич назначен главным тренером сборной СССР!» Вместе со сборной меня назначили главным и в ЦСКА. Это было летом 1977 года.

Сперва адмирал Шашков меня уговаривал принять ЦСКА, далее отправили к Андропову. И у него в кабинете упирался — не хотел из Риги уезжать. Андропов, казалось, смирился: «Съезди домой, поговори с супругой. Я тебя вызову». При следующей встрече опять отказываюсь. Объясняю, что не могу занять место Локтева — тот с ЦСКА выиграл чемпионат Союза. Как ребята ко мне после такого будут относиться? Андропов в ответ: «Пусть тебя это не волнует». Тут как раз Зимянин, секретарь ЦК, звонит по селектору. Мне все слышно. Андропов говорит: «Тихонов отказывается» — «Скажи ему, что в этом здании еще никто не отказывался!» Но Андропов по-доброму со мной общался. Я, говорит, хотел тебя в московское «Динамо» забрать год назад, но Леонид Ильич настоял — в ЦСКА, и точка…»

Во время того рандеву с Андроповым Тихонову был выдан своего рода карт-бланш: он мог по своему усмотрению уволить из ЦСКА любого игрока, а также взять в команду любого игрока из другого клуба, сообразуясь с интересами сборной. В итоге летом 1977 года в ЦСКА были взяты три игрока сборной: защитник Сергей Бабинов из «Крыльев Советов», нападающие Хельмут Балдерис из рижского «Динамо» и Сергей Капустин из тех же «Крылышек».

Первая обкатка Тихонова в ранге старшего тренера сборной (кстати, себе в помощники он взял все того же Владимира Юрзинова, который работал и с Кулагиным) прошла в сентябре 1977 года на турнире на приз газеты «Руде право» в Праге. На нем наша сборная, как и следовало ожидать при Тихонове, выступила с четырьмя звеньями. Выглядело это так. В первом звене играли: защитники — Геннадий Цыганков и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА); во втором звене: защитники — Зинэтула Билялетдинов («Динамо») и Александр Гусев (ЦСКА), нападающие — Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Александр Якушев (все — «Спартак»); в третьем звене: защитники — Сергей Бабинов и Владимир Лутченко (оба — ЦСКА), нападающие — Хельмут Балдерис, Виктор Жлуктов и Сергей Капустин (все — ЦСКА); в четвертом звене: защитники — Валерий Васильев и Василий Первухин (оба — «Динамо», Москва), нападающие —

Александр Мальцев («Динамо»), Владимир Голиков («Динамо») и Александр Волчков (ЦСКА). В воротах, естественно, основной вратарь Владислав Третьяк.

Главным соперником для нашей сборной на этом турнире по-прежнему была команда Чехословакии. Причем некоторые наши ведущие игроки были заранее убеждены в том, что ее нам не обыграть. Этот синдром поселился в наших хоккеистах после мирового чемпионата в Вене, где мы сначала обыграли чехословаков 6:1, а в решающем поединке уступили им 3:4, после чего заняли позорное 3-е место. А тут еще и следующий чемпионат мира и Европы должен был проходить в Праге, поэтому ведущие наши игроки были уверены, что чехословаки будут лед грызть зубами, лишь бы не упустить победу. Короче, Тихонову пришлось приложить определенные силы к тому, чтобы перенастроить наших ветеранов, поскольку на них равнялась молодежь.

Сборная СССР провела четыре матча, из которых в трех одержала победу: с ЧССР 4:1, с канадским клубом из ВХА «Цинциннати Стингерс» 11:4 и 5:2. И все же одну встречу наши ребята проиграли — все той же сборной ЧССР со счетом 4:5. Однако по разнице забитых и пропущенных шайб советские хоккеисты сумели обойти чехословаков (обе команды набрали по 6 очков) и завоевали главный приз турнира.

Отметим, что во время пражского турнира в игре нашей сборной наметилось разнообразие. За основу была взята тактика силового давления. Причем в случае потери шайбы игроки тут же переходили к прессингу. В матчах с хозяевами турнира были моменты, когда хоккеисты сборной СССР умело использовали игру на контратаках: встречая соперников у своей синей линии, они вынуждали их в основном пробрасывать шайбу в зону нападения. Защитники же нашей команды уже ждали этого приема, поэтому легко перехватывали шайбу и без задержки начинали острые контратаки.

Лучшим звеном в нашей команде была тройка Михайлов — Петров — Харламов, которая забила 11 шайб (Михайлов — 4, Петров — 4, Харламов — 3). А ведь совсем недавно у того же Петрова были серьезные разногласия с Тихоновым — игрок весьма болезненно воспринял приход нового тренера и его повышенные требования. Вот как об этом вспоминает сам В. Тихонов: «Программа, предложенная команде (ЦСКА . — *Ф. Р.*), стала серьезным испытанием, и не все с ним справлялись. Были тому разные причины. И разные объяснения. Молодым хоккеистам, недавним новобранцам команды, справиться с предложенным объемом работы было трудно, поскольку им

недоставало подготовки. Многоопытным мастерам тяжко было из-за возраста. Некоторые могли справиться с любыми заданиями тренера, но не хотели тренироваться с полной отдачей сил и потому порой увиливали от работы.

Тон здесь задавал Владимир Петров. Едва начались серьезные тренировки, как он обратился к врачу. Я слышал, что Володя и раньше не проходил полностью подготовительный период. Как только начинался базовый цикл подготовки, он тотчас же жаловался на недомогание.

Согласитесь, это не могло не вносить в работу тренеров определенные трудности. Легко ли управлять коллективом, в котором кто-то желает со стороны наблюдать за подготовкой, за учебной деятельностью товарищей? Нагрузки солидны, и еще у кого-то может появиться искушение последовать примеру более опытного товарища.

Великолепная тройка Михайлов — Петров — Харламов

Позже Петров, хоккеист, щедро одаренный природой, наверстывал, добирал на площадке, в матчах чемпионата страны упущенное летом и в начале осени, но в скольких матчах он играл значительно хуже, чем мог бы, в скольких матчах его слабую предсезонную подготовку должны были компенсировать Борис Михайлов и Валерий Харламов, «отрабатывавшие» за своего центрфорварда.

Такая позиция игрока, стремившегося быть «над всеми», порождала конфликтные ситуации в команде.

Владимир говорил мне: «Я знаю лучше всех, сколько мне надо тренироваться». Или: «Я могу нарушать спортивный режим, на мне это не отражается». И выдвигал главный, с его точки зрения, аргумент: «У меня свои взгляды на хоккей, на тренировки».

Замечу, что у всех выдающихся хоккеистов есть свои взгляды на хоккей, которые они горячо отстаивают. Это хорошо. И если кому-то из игроков удается убедить меня в своей правоте, я соглашаюсь, ничуть не опасаясь, что это подорвет мой авторитет. Собственное мнение может и должен иметь каждый. Но истинность мнения всегда проверяется практикой. И если практика не подтверждает особую точку зрения, то, кажется мне, есть смысл взглянуть на нее более критически, есть смысл прислушаться к мнению другой стороны.

Петров вел себя в коллективе как отдельный коллектив.

Конечно, все выдающиеся спортсмены, а Владимир, безусловно, был прекрасным хоккеистом, — сложные личности. Их необычность и создает их неповторимость. Но в любом коллективе есть свои законы, нарушать которые не позволено никому, даже самым ярким личностям, даже лидерам этого коллектива. Для Петрова же всегда самым интересным и самым главным было его «я».

Работать с Петровым оказывалось непросто.

Не потому, что трудно было с ним справиться, приструнить его. Главная задача заключалась в ином — Петров был нужен тренеру как помощник. Он призван был играть важнейшую роль в жизнедеятельности коллектива: вместе с Борисом Михайловым и Владиславом Третьяком, с Валерием Харламовым и Геннадием Цыганковым, с Владимиром Лутченко и Владимиром Викуловым ему предстояло опекать, учить молодых, передавать им традиции ЦСКА, сохраняя за командой из года в год звание чемпиона…

Команда постепенно привыкла к новому тренеру и — главное — к новым принципам и требованиям, к новому режиму работы. Неожиданно у меня появились и союзники. Правда, стараясь помочь мне, поддержать меня, они порой перегибали палку.

Когда один из руководителей перешел в «мой лагерь», поверил, что требования тренера не причуды, что и вправду хорошо бы навести в команде порядок, он с изумлением спросил меня:

— Что же, вы и с Петровым воевать собираетесь? Зряшное это дело и неперспективное. С ним сражались и Тарасов, и Кулагин, и Локтев, и все впустую… Так что если вы действительно хотите

решительных мер, то вам надо именно Петрова в первую очередь гнать… Тогда и остальные, менее знаменитые, задумаются…

Признаться, я тогда даже чуть опешил.

— Нет, — объяснил я, — вопрос так не стоит… Прежде чем принять решение о судьбе того или иного спортсмена, я должен ближе познакомиться с ним. В повседневном общении. Не на собрании. Отношения нового тренера с командой складываются в работе. В черновой работе. Пройдет несколько месяцев, проведем мы десятки тренировок — тогда и решать можно будет, не боясь ошибиться… А первые впечатления могут быть и обманчивыми…

Думаю, это очевидно: прежде чем судить о человеке, надобно разобраться в нем. Самому. На основе личных наблюдений и собственных отношений с этим человеком, а не на основе рассказов, пусть и самых достоверных…»

В декабре 1977 года в чемпионате СССР наступил привычный тайм-аут, во время которого сборная СССР обычно выступала на традиционном Призе «Известий». Но перед его началом в спортивной прессе была устроена дискуссия на тему «Нужна ли нам игра в четыре звена?». Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Дискуссия прошла на страницах трех номеров еженедельника «Футбол-Хоккей» в самом конце 1977 года, когда в чемпионате страны наступил традиционный пятинедельный новогодний перерыв. Редакция еженедельника подчеркивала, что в последнее время, особенно после чемпионата мира в Вене, внимание специалистов хоккея все больше привлекают вопросы тактики. Признано, что тактическое однообразие было одной из причин неудачи нашей сборной в чемпионате мира. А тактическая грамотность национальной команды, умение найти ключи к соперникам, действующим в разной манере, во многом зависит от работы хоккеистов в своих клубах.

Дискуссия, как мне показалось, была любопытная. Не стану сейчас пересказывать ее содержание, приведу лишь несколько высказываний, касающихся темы этой главы.

Одно только напоминание: к тому времени рижское «Динамо» четыре тройки форвардов использовало десятый сезон.

Анатолия Михайловича Кострюкова считаю своим единомышленником и другом. Анатолий Михайлович привлекался к работе со сборной СССР: вместе со мной и Владимиром Владимировичем Юрзиновым он готовил нашу главную команду к самым ответственным соревнованиям, особое внимание коллега уделял молодым игрокам, ближайшему резерву национальной сборной.

В 1977 году Кострюков работал в челябинском «Тракторе». Именно при нем уральские хоккеисты добились наибольших

успехов, именно при нем заиграли в «Тракторе» мастера, которые вошли в состав сборной, стали чемпионами мира, и среди них такие талантливые игроки, как Сергей Бабинов и Сергей Макаров. Так вот, Анатолий Михайлович, выступая в дискуссии, говорил: «О целесообразности действий в четыре тройки говорить преждевременно. Так, в прошлом сезоне против соперников, игравших четырьмя тройками, и мы выставляли четыре звена. Есть у «Трактора» такая возможность и сейчас, но необходимости в ее использовании я не вижу. К примеру, мы в третьем периоде тремя звеньями переиграли московское «Динамо», а встречу со «Спартаком» сумели свести вничью, хотя эти команды действовали четырьмя тройками».

Следующим слово в дискуссии получил Олег Сивков, возглавлявший в то время ленинградский СКА. Он говорил: «И еще одно новшество появилось в арсенале многих клубов. Если раньше в четыре тройки играли рижские динамовцы, то теперь двенадцать нападающих выходят на лед почти в каждой команде. Но ведь рижане пошли на это, я думаю, потому, что у них не хватало исполнителей высокого класса. А зачем же делать то же самое остальным? Мне кажется, поддерживать необходимый темп можно и тремя звеньями».

Потом слово взял старший тренер горьковского «Торпедо» Игорь Чистовский. Он едва ли не дословно повторил размышления коллеги из Ленинграда: «Мне думается, не от хорошей жизни рижское «Динамо» начало играть в свое время в четыре тройки. Все понятно — не было мастеров ярких и индивидуально сильных, и этот недостаток необходимо было каким-то образом компенсировать. Но как? Работой каждого игрока в отдельности и всей команды в целом. Что ж, в данном случае такая тактика вполне оправданна.

Однако если у тренера есть игроки более высокого класса, исчезает необходимость выпускать их на площадку через три смены на четвертую. Словом, игра в четыре звена, на мой взгляд, не удел сильных. А ведь сегодня подобную тактику взяли на вооружение именно наши сильнейшие команды. Они все перешли постепенно к игре от обороны. Не знаю, пойдет ли это на пользу им самим и нашему хоккею в целом».

В следующем номере еженедельника дали возможность выступить и новому старшему тренеру ЦСКА. Я говорил: «Приходится порой слышать, что игра в четыре звена — это своего рода компенсация недостатка мастерства хоккеистов, а потому она — удел слабых. Убежден, что это — неправильная точка зрения. Неправильная потому, что использование четырех троек — это не простое увеличение количества нападающих. И не

простая возможность лишь поддерживать высокий темп. Сводить все к тому, что одна команда, использующая четыре тройки, должна перебегать ту, которая выпускает на лед лишь три, — значит не понимать самой сути идеи. А ведь идея использования четырех звеньев в матче — идея прежде всего тактическая. Я, как тренер, получаю возможность варьировать состав в зависимости от обстоятельств игры: в какой-то отрезок матча могу использовать три звена, потом — четыре, а затем — снова три или «три с половиной» (со скользящим форвардом). Словом, четыре звена позволяют команде стать более гибкой прежде всего тактически».

Говоря об издержках, которые могут быть связаны с игрой в четыре звена, я сказал тогда, что одна из них заключается в том, что защитники вынуждены выходить на лед с разными нападающими, что сказывается на согласованности действий пятерки хоккеистов. Но с тех пор правила соревнований были изменены, сегодня команда может выставлять на каждый матч 22 игрока, в том числе 20 полевых, другими словами, четыре полных, наигранных пятерки хоккеистов. Стало быть, этот названный мною минус игры в четыре звена теперь уже снят…»

Напомним, что в пользу тихоновских размышлений был результат недавнего турнира на приз «Руде право», где наша сборная, играя в четыре звена, показала хороший результат — выиграла турнир. Правда, назвать этот опыт по-настоящему удавшимся было все же нельзя — как мы помним, чехословаков мы обогнали по шайбам, а не по очкам. Однако во второй половине декабря уже в Москве должен был состояться еще один «газетный» турнир — Приз «Известий», на котором наша сборная, играя в четыре звена, могла бы полностью реабилитироваться. А что получилось на самом деле?

Итак, наша сборная выставила четыре звена, но уже измененные. Например, защитников было три звена, причем в первом вместо Зинэтулы Билялетдинова играл Юрий Федоров («Торпедо», Горький). Еще один защитник-новичок — Виктор Хатулев — представлял рижское «Динамо».

В первом звене нападение осталось неизменным: Михайлов — Петров — Харламов. А вот три других претерпели изменения. Так, нападение второго звена выглядело так: Хельмут Балдерис — Вячеслав Анисин — Сергей Капустин (все — ЦСКА); третьего звена — Виктор Шалимов — Александр Мальцев — Юрий Лебедев (как видим, выпали Шадрин и Якушев); четвертого звена — Владимир Викулов — Александр Лобанов (дебютант сборной) — Борис Александров (все — ЦСКА).

В последней игре в звеньях нападения были перестановки: 3-е

играло в составе Лебедева — Мальцева — Александрова, 4-е — Шалимова — Лобанова — В. Ковина.

Тот турнир запомнился поражением сборной СССР — Приз достался сборной ЧССР, а наши заняли 2-е место. Причем матч СССР — ЧССР завершился полным разгромом советской сборной со счетом 3:8. Не помог нашим ребятам даже штатный психолог (его специально пригласил Тихонов), который перед матчем работал с нашим вратарем Владиславом Третьяком. После этого поражения Тихонова вызвали на самый верх, к шефу Юрию Андропову, для объяснений. Тренер лишь пожал плечами: дескать, с кем не бывает. После чего пошутил: «Будем считать, что мы их заманили, а на чемпионате мира возьмем и обыграем». Андропову шутка понравилась. Однако это поражение сильно пошатнуло тихоновскую концепцию игры в четыре звена, после чего в сборной от нее пришлось отказаться.

Не мытьем, так катаньем, или Реванш Тихонова

В конце марта 1978 года завершился чемпионат СССР — первый для Тихонова на посту старшего тренера ЦСКА. Результат для него оказался более чем хорошим: армейцы заняли 1-е место, обогнав своего ближайшего преследователя, московских динамовцев, на 13 очков (59 против 46). Но эта победа приветствовалась далеко не всеми, поскольку во многом была обусловлена тем, что Тихонов под интересы сборной забрал из ведущих клубов нескольких сильных игроков: Сергея Бабинова и Сергея Капустина из «Крыльев Советов», Хельмута Балдериса из рижского «Динамо». Из этих троих сложнее всего оказалось перетащить в ЦСКА Капустина. Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Я разговаривал с Капустиным о переходе в ЦСКА, предлагал попробовать играть постоянно в течение всего сезона с Жлуктовым и Балдерисом. Сергей не принял мое приглашение, аргументы мои не показались ему убедительными. И я отказался от мысли о переводе его в армейский клуб, считая, что насильно мил не будешь. С таким настроением и уехал в отпуск.

Тащить спортсмена в новую для него команду вопреки его желанию нельзя. Толка из такой затеи не будет. Потом этот спортсмен свою плохую игру будет легко объяснять, напоминая бесконечно, что он, как известно, и не хотел идти в эту команду, что он, дескать, заранее знал, чувствовал, что игра не будет получаться. А потом настроение одного хоккеиста переходит и к другим спортсменам, и к добру такая история не приводит.

Когда же я вернулся из отпуска, меня ждал сюрприз. Капустина убедили в необходимости создания звена для сборной страны, как мы говорим, «на базе» Жлуктова. Убедили руководители Спорткомитета СССР. Доказали ему, что это отвечает интересам сборной…»

Хоккейная программка 1978 года

Заметим, что набрав в команду новых игроков, Тихонов попутно избавился от тех, кто не вписывался в его как тактические, так и личные построения. Среди покинувших ряды

ЦСКА игроков значились: защитники Александр Гусев и Виктор Кузнецов, нападающие Борис Александров и Владимир Палилов. Трое первых в разные годы играли и в составе первой сборной страны: Гусев состоял в ее рядах 7 лет (1972–1977), Александров — два года (1976–1977), Кузнецов — один год (1974). Однако если последний ушел из команды в силу утраты своей спортивной формы, то Гусев и Александров пострадали по причинам сугубо личным — они не сошлись характерами с новым тренером. Вот как об этом вспоминает сам В. Тихонов: «Команде пришлось расстаться с Александром Гусевым, первоклассным защитником, хотя по уровню своей игры, подготовки он мог бы еще выступать не один сезон. В 1968 году он стал чемпионом СССР впервые, в 1978-м — в восьмой, и последний, раз.

Был тогда Александру 31 год…

Мне не хотелось бы, чтобы читатель воспринимал Гусева как некое воплощение зла, а поскольку говорилось и писалось о нем более чем достаточно, то боюсь, что у болельщика ЦСКА возник портрет сугубо отрицательного героя. Это не так. Любой человек живет в конкретном времени и в конкретной ситуации, а это конкретное время, время скольжения Гусева вниз по наклонной плоскости, в истории хоккейной команды ЦСКА пришлось на те годы, когда дисциплина в коллективе была ослаблена. И если тот, кто обладал устойчивым характером и сильной волей, сохранял свое лицо, свой профессиональный уровень и в этих условиях, то менее стойкие не находили внутренних сил удержаться от соблазнов и заставить себя работать столько, сколько требовали интересы дела.

Нарушения в команде в то время, когда предыдущий тренер заканчивал свою работу, а я начинал, не были, пожалуй, чем-то чрезвычайным.

Сейчас, задним числом, могу признаться, что я был поражен увиденным. Меня убеждали, что не стоит выносить сор из избы, напоминали, что в других командах положение дел не лучше: при нынешних высоких требованиях, вчера еще просто немыслимых, психологические срывы не исключены, и потому не надо драматизировать ситуацию.

Психологические спады, даже срывы я могу понять и допустить. Но не нарушения дисциплины, ибо не верю я в возможность стабильных успехов той команды, где нет дисциплины, приученности к порядку, к самоконтролю. Кому, какому зрителю интересно смотреть на игроков, действующих после вчерашнего ли, позавчерашнего ли празднества вполсилы? О каком совершенствовании класса, мастерства может идти речь в такой ситуации? До этого ли здесь? Хорошо бы не растерять все,

что есть, хотя бы что-то сохранить…

Конечно, Гусев был первоклассный по своему времени защитник. Не стану его сравнивать ни с Николаем Сологубовым, ни с Вячеславом Фетисовым. Каждый из этих знаменитых игроков обороны — герой своего времени. Но это не означает, что у Александра было право на поблажки.

Не знаю, как и почему все это началось. Знаю, что немало усилий в борьбе с ним за него самого приложили и Тарасов, и Кулагин, и Локтев. Знаю, что и наказывали они его, и на матчи не ставили, и из сборной выводили. И все впустую. Не смог ничего сделать и я.

Думаю, что парня упустили в молодости, если не в юности.

Может быть, помогла бы ему резкая встряска в молодые годы, на первых порах подключения его в команду мастеров, не знаю. Как не знаю, почему и когда сам Александр махнул на себя рукой. Знаю только — из рассказов Валерия Харламова и других наших спортсменов — что на каком-то этапе Гусев решил в корне перестроиться, говорил, что отныне, с рождением ребенка, непременно начнет новую жизнь. Увы, не получилось. Благим этим намерениям не суждено было сбыться, и наш клуб, наш хоккей утратил одного из самых одаренных спортсменов…

Борис Александров, заигравший в ЦСКА в середине 70-х годов, моложе Гусева на восемь лет. И он не смог отказаться от соблазнов, не сумел бороться с собой, измениться…

О Борисе Александрове заговорили рано. Авансов ему было выдано столько, что их могло бы хватить на целую команду. О нем говорили как о явлении в хоккее.

Борис был действительно самобытным спортсменом. Но он не сумел справиться с быстро пришедшей к нему известностью. Не прошел испытания «медными трубами», не одолел искусов, связанных с популярностью и успехами. Александров неверно оценил свое место в спорте, свою роль в команде, поддержку тренеров и партнеров.

Начав работать с командой, вплотную познакомившись с хоккеистами, я увидел, что Борис — парень, безусловно, одаренный, талантливый, но уж очень избалованный и не то что капризный, скорее просто вздорный. Боюсь, что уже таким он попал в ЦСКА.

Я поразился, услышав, как плохо отзывались о нем хоккеисты. Иногда ложно понимаемое товарищество побуждает спортсменов защищать своего провинившегося партнера, но здесь все, к сожалению, было проще: команда не пожалела Бориса и рассталась с ним без особых, прямо скажем, огорчений. Знаю, что хоккеисты без подсказок тренеров пытались что-то объяснить

Александрову, спорили, ругались с ним, причем воевали с ним игроки с разными взглядами и темпераментами, разного возраста. Предлагали отчислить Бориса из команды и Анатолий Фирсов, и Геннадий Цыганков.

В лучшие годы Александрову были свойственны необычная обводка, смелость, игровая сметка. Его напористость и удачливость бросались в глаза. Впрочем, в глаза бросались и его грубость, хамство, откровенная неприязнь к соперникам, о чем писала в критическом материале об Александрове газета «Советский спорт». Но ему все прощали: верили в талант, верили в то, что хоккеист изменится. А кончилось тем, что уже никакие авторитеты — ни тренеры, ни руководители клуба — не значили для Александрова ничего. Все списывалось на его юность и одаренность, хотя давно пора было ему повзрослеть. Ведь Александров играл и в сборной. Его опекали, тянули Владимир Викулов и Виктор Жлуктов. В 1976 году в Инсбруке Александров стал олимпийским чемпионом.

Дисциплины для Бориса не существовало. Я наказывал его уже не раз и по-разному: снимал с игры, выводил из состава до конца сезона. Он каялся, просил простить его в последний раз. Прощали, но все опять начиналось сначала. Когда я вывел его на три месяца из команды, он должен был тренироваться с молодежным коллективом. Но Александров, и занимаясь с юношами, вел себя так же. И в то же время ходил к начальству, заверял, что все понял, что начнет новую жизнь. Руководство уговаривало меня попробовать еще раз. Пробовал, проявляя слабость, но…

Решил перевести Александрова в другую армейскую команду, значительно ниже рангом. Я надеялся, что он поймет наконец, что далее так продолжаться не может. Увидит, что ему надо зарабатывать возможность снова попасть в ведущий клуб страны. А если будет тренироваться по-настоящему, если захочет вернуться к нам, если сумеет правильно оценить свое место в спорте, свою роль в команде, то мы вернем Александрова в ЦСКА.

Не вышло. И в СКА Александров по-прежнему продолжал куролесить…»

Усиленный новыми игроками, ЦСКА в сезоне 1977/1978 легко громил практически всех своих соперников. Поэтому те же «Крылышки» заняли 3-е место, отстав от чемпиона на 19 очков, а рижские динамовцы, занявшие с Балдерисом в прошлом году 4-е место, теперь довольствовались 6-м. А вот чемпион двухлетней давности, московский «Спартак», откатился на 8-е место (32 очка) после 6-го места в прошлом году. Короче, этот популярный клуб находился тогда в глубоком кризисе.

Оправдав оказанное ему на самом верху доверие внутри страны, Тихонов теперь должен был сделать то же самое и на международной арене — на очередном чемпионате мира и Европы, который должен был состояться в апреле — мае 1978 года в Праге. Учитывая место его проведения (а сборная ЧССР всегда считалась главным нашим соперником), многие специалисты всерьез опасались того, что Тихонову удастся и в этот раз нарушить гегемонию чехословацкой сборной, которая тянулась с 1976 года.

На пражский чемпионат Тихонов и Юрзинов выставили три звена. В первое звено вошли: защитники — Геннадий Цыганков и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА) (иногда вместо Цыганкова выходил Зинэтула Билялетдинов из столичного «Динамо»), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов (все — ЦСКА); во втором звене играли: защитники — Валерий Васильев и Василий Первухин (оба — «Динамо»), нападающие — Хельмут Балдерис, Виктор Жлуктов и Сергей Капустин (все — ЦСКА); в третьем звене: защитники — Владимир Лутченко (ЦСКА) и Юрий Федоров («Торпедо», Горький), нападающие — Александр Мальцев, Владимир Голиков и Александр Голиков (все — «Динамо»). На замену выходили: Юрий Лебедев («Крылья Советов»), Сергей Макаров («Трактор», Челябинск) и вратарь Александр Пашков («Химик», Воскресенск).

Как видим, дебютантов в сборной, которые впервые выступали на столь престижном мировом турнире, было немного — три человека: А. Пашков, З. Билялетдинов, С. Макаров.

Учитывая место проведения чемпионата, наиболее трудными для нашей сборной оказались матчи против сборной Чехословакии. И в первой игре с ней сборная СССР уступила со счетом 4:6. Причем мы вели только в первом периоде (2:1), а два других проиграли (1:3 и 1:2). Чехословаки мастерски поставили игру от обороны, нанося молниеносные контратаки. Однако советские тренеры сделали должные выводы из этого поражения и уже во второй игре произошли перестановки. Они вернули в первое звено Владимира Петрова, вместо которого в первом матче играл Александр Мальцев, и поставили последнего в третье звено на место Юрия Лебедева, к одноклубникам

Александра братьям Голиковым. Как итог: Петров и В. Голиков забили по одной шайбе (третья была на счету Балдериса). Наши победили 3:1. Однако после этой победы сборные СССР и ЧССР набрали равное количество очков — по 18, поэтому судьбу золотых медалей решила лучшая разница забитых и пропущенных шайб. Она оказалась предпочтительнее у советской сборной: 61–26 (+35), в то время как у чехословаков

было 54–21 (+33). Короче, не мытьем так катаньем, но сборная СССР под руководством Тихонова выиграла турнир.

Время Тихонова: от «Руде право» до Кубка вызова и чемпионата мира

В сентябре 1978 года Тихонов и Юрзинов привезли сборную СССР на очередной турнир — все в ту же Прагу, но на этот раз на игры за приз газеты «Руде право». В том году в этом турнире участвовали только две команды — ЧССР и СССР. Им предстояло сыграть между собой три матча, что обещало настоящую феерию. Наша сборная приехала почти в том же составе, что выступала здесь же за несколько месяцев до этого. Впрочем, были и изменения. Например, появилось новое звено нападения (четвертое) в лице Сергея Макарова (он перешел из «Трактора» в ЦСКА), Михаила Шостака («Динамо», Рига) и Владимира Лаврентьева. Однако тройка не «выстрелила» — забила всего лишь две шайбы. Впрочем, и первая тройка в лице Михайлова — Петрова — Харламова — тоже сыграла ниже своих возможностей и, забив всего четыре шайбы, вынуждена была вторую игру провести на скамейке запасных. А лучше всего у нас выступило звено Балдерис — Жлуктов — Капустин, на счету которого было семь забитых шайб.

Все три матча сборная СССР выиграла (8:2, 5:4 и 5:4), тем самым завоевав приз «Руде право». А спустя три месяца нашей сборной был выигран и другой «газетный» приз — «Известий», где мы победили в трех матчах и один свели вничью (3:3 с чехословаками). В составе победителей играли все те же игроки, но были и дебютанты: Сергей Стариков («Трактор», Челябинск; спустя год он перейдет в ЦСКА), Алексей Фроликов («Динамо», Москва). Кроме них под знамена сборной были призван целый ряд молодых хоккеистов, которые ранее уже играли в ней: Владимир и Александр Голиковы («Динамо», Москва), Василий Первухин («Динамо», Москва), Виктор Хатулев и Михаил Шостак (оба — «Динамо», Рига). Был привлечен и запасной вратарь — Виктор Дорощенко из столичного «Спартака».

Есть над чем подумать: Третьяк, Юрзинов и Тихонов

Однако на Кубок вызова, который проходил в начале февраля 1979 года в Нью-Йорке, отправилась уже несколько иная сборная — в четырех звеньях. В первом звене играли: защитники — Геннадий Цыганков (Валерий Васильев) — Сергей Стариков, нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов; второе звено: защитники — Сергей Бабинов и Юрий Федоров, нападающие — Хельмут Балдерис, Виктор Жлуктов и Сергей Капустин; третье звено: защитники — Зинэтула Билялетдинов и Василий Первухин, нападающие — Сергей Макаров, Владимир и Александр Голиковы; четвертое звено: защитники — из разных звеньев, нападающие из горьковского «Торпедо» Александр Скворцов, Владимир Ковин и Михаил Варнаков (кстати, горьковчане завоюют в чемпионате СССР 1979 года 5-е место). В запасе были: Ирек Гимаев («Салават Юлаев», Уфа; спустя несколько месяцев он перейдет в ЦСКА), Виктор Тюменев («Крылья Советов»).

В этом турнире участвовали две сборные — НХЛ (на этот раз в нее вошли не только канадцы, но и американцы, а также европейцы, чего раньше не было) и СССР. По сути это была третья Суперсерия, начатая в 1972 и 1974 годах, только с приставкой «мини» — она состояла из трех матчей. В первом победили канадцы 4:2, причем первую шайбу наши ребята пропустили на… 16-й секунде игры (гол забил Ги Лефлэр). По словам В. Тихонова: «Почему мы проиграли? Не вдаваясь в сугубо деловые, профессиональные детали, замечу сейчас только одно.

Некоторым нашим хоккеистам в первом, только в первом, матче не хватило стойкости. Это замечание не противоречит утверждению, высказанному несколькими строками выше, о мужестве и стойкости команды. Исход кампании определяет не одно сражение, а весь ход борьбы. Но в первом поединке кое-кто не устоял. Все знали, что в начале серии нас, как обычно, будут запугивать, бить, играя не только жестко, но и жестоко, чтобы затем перейти к достаточно корректному хоккею. Все это знали, но не у всех хватило мужества и терпения, умения переносить боль…»

Во второй игре наши тренеры сделали соответствующие выводы. На собрании серьезно и глубоко проанализировали, в чем наши игроки уступали канадским, за счет чего можем выиграть. Была проведена тактическая тренировка, на которой выводы были проверены на льду. Интересно, что на этой тренировке впервые не присутствовал никто из канадцев, не пропускавших до того ни одного нашего занятия. Почему? Видимо, канадцы, убаюканные победой, не ожидали, что за такой короткий — всего лишь один день — срок русские смогут так кардинально перестроиться. Более того, руководители сборной НХЛ переоценили достигнутое.

И снова послушаем В. Тихонова: «Тренер канадцев Боумэн и его штаб советников думали (об этом писала местная пресса), что «звезды НХЛ» нейтрализовали форвардов звена Жлуктова, что именно канадцы, так сказать, перекрыли среднюю зону, лишив тем самым сборную СССР возможности вести привычную комбинационную игру. Внешне это так и выглядело. Но выглядело только потому, что по упоминавшимся уже мною причинам наш план на первый матч не выполнен был и наполовину. Когда же во второй встрече каждый игрок сборной СССР вложил в игру душу, волю, мужество, все свое мастерство, когда каждый выполнил свою задачу, то все замыслы Боумэна, все его разработки оказались несостоятельными. В третьем периоде, кстати, по-моему, самом интересном и напряженном из всей серии, сборная СССР показала почти все, на что она способна. Почему «почти все»? Да потому, что даже после этого матча мы, тренеры, игрой ряда хоккеистов до конца все же удовлетворены не были…»

Тот матч поначалу складывался для нас так же трудно — первый период советская сборная проиграла 1:2. А в начале второго канадцы уже вели 3:1. Но наши ребята не дрогнули. Варнаков сократил разрыв в счете, но тут же Робинсон забросил в ворота Третьяка четвертую шайбу — 4:2. Однако сборная СССР по-прежнему играла уверенно, настойчиво раскачивая оборону

соперника. На 38-й минуте Михайлов и Капустин, забросив две шайбы, сравняли наконец счет.

А едва началась третья двадцатиминутка, как Владимир Голиков вывел сборную СССР вперед — 5:4. После этого, как ни старались канадцы «пробить» Третьяка, у них ничего не получилось. Матч закончился нашей победой. Да и соотношение бросков было в пользу советских хоккеистов — 31:16.

Казалось, что после этой победы наши тренеры должны были выпустить на третий матч тот же состав. Но они пошли на смелый эксперимент, выпустив на поле дебютантов. В воротах встал Владимир Мышкин (и это после блестящей игры Третьяка в предыдущем матче!), а в третьем звене на лед вышли Сергей Макаров, а вместо братьев Голиковых — Ирек Гимаев и Виктор Тюменев. И что вы думаете? Советская сборная летала по льду, как заведенная, и раскатала канадцев под орех со счетом 6:0! Сами канадские болельщики в конце матча аплодировали нашим игрокам за их виртуозную игру.

А спустя два месяца сборная СССР блестяще выступила и на чемпионате мира и Европы, который в том году проводился в Москве. Это было почти повторение нашего успеха на московском чемпионате 1973 года, где мы выиграли все матчи (только в 73-м их было 10, а в 79-м на одну меньше). Даже сборную ЧССР наши ребята победили дважды с крупным счетом — 11:1 и 6:1. И снова наша сборная играла в четыре звена. Из них три звена были те же, что и на Кубке вызова, а четвертое в нападении выглядело так: Александр Скворцов — Юрий Лебедев (однажды вместо него вышел Ирек Гимаев) — Александр Якушев (для легендарного спартаковца это был последний крупный турнир — после него он повесит коньки на гвоздь). Эта тройка забьет 8 шайб — четвертый показатель среди всех звеньев.

Выиграв второй чемпионат мира подряд, Тихонов повторил результат Боброва, который тоже приводил нашу сборную к чемпионству на двух мировых турнирах — в 1973 и 1974 годах.

Правда, многие тогда говорили, что дальше этого успеха дела у Тихонова не пойдут и его постигнет участь того же Боброва. Но получилось совсем иначе — Тихонов (а с ним и Юрзинов) почти сравняются с Чернышев и Тарасовым, которые 9 раз приводили сборную СССР к золотым медалям чемпионатов мира и Европы. Впрочем, не будем забегать вперед.

В мае 1979 года Тихонов во второй раз на своем веку привел к чемпионству и ЦСКА. Правда, если в прошлом году отрыв от ближайшего преследователя, московского «Динамо», составлял 13 очков, то в этот раз отрыв составил 10 очков. На 3-м месте был «Спартак», который тренировал Анатолий Ватутин. Однако своей

бронзой популярный клуб все же был больше обязан не ему, а другому тренеру — Роберту Черенкову из саратовского «Кристалла».

Его пригласили в «Спартак» летом 1977 года, после того, как красно-белые опустились в чемпионате СССР на 6-е место (и это после золота в 1976 году!). Черенкова принял сам 1-й секретарь МГК КПСС Виктор Гришин и попросил его выручить команду — вернуть ее на лидирующие позиции в чемпионате. Но сделать это с первого захода не удалось — в сезоне 1977/1978 «Спартак» был восьмым. Однако в следующем сезоне игра у красно-белых пошла на лад. С московскими клубами он играл слабо (в основном проигрывал), но с другими командами одерживал верх, набирая необходимые очки. Но в конце года случился скандал.

14 декабря 1978 года в Москве, во Дворце спорта в Лужниках (он был открыт 4 декабря после 7-месячного ремонта), «Спартак» играл первый из двух финальных матчей на Кубок европейских чемпионов по хоккею с шайбой с чехословацким клубом «Польди» из города Кладно. Матч начался с яростных атак хозяев поля. В итоге уже ко второму периоду москвичи вели со счетом 2:0. Но столь успешное начало матча, видимо, усыпило бдительность спартаковцев, и это позволило гостям сравнять счет. В итоге хозяевам так и не удалось обыграть гостей у себя дома, и им пришлось довольствоваться ничьей — 4:4. Ответный матч должен был состояться в феврале будущего года в Кладно.

Сразу после матча спартаковцы отправились на обычный товарищеский ужин. И там случилось неожиданное. Роберт Черенков высказал претензии одному из игроков — нападающему Валерию Брагину — относительно его сегодняшней игры, а тот возьми да и ответь наставнику: мол, на себя посмотри. Причем, как утверждают очевидцы, одной грубостью дело не закончилось. Когда Черенков попытался вразумить игрока с помощью окрика, тот полез на тренера с кулаками. При этом несколько стульев было сломано, часть посуды перебита. Этот скандал получит широкую огласку и станет поводом к разбирательству в Спорткомитете. Но итоги этого разбирательства игроков «Спартака» вполне удовлетворят: Черенков подаст прошение об отставке, и эту просьбу удовлетворят. Место на тренерском мостике займет Анатолий Ватутин, с которым команда и завоюет бронзовые медали первенства. После этого Ватутина снимут с должности старшего тренера и вместо него назначат более опытного и именитого наставника — Бориса Кулагина, который в 1979 году привел «Крылья Советов» к четвертому месту в чемпионате СССР.

Потерянная Олимпиада, или Ошибка Тихонова

После победы на чемпионате мира все помыслы Тихонова и сборной СССР сосредоточились на зимней Олимпиаде, которая должна была состояться в феврале 1980 года в американском городе Лейк-Плэсид. Напомним, что в 1960 году Олимпиада уже проходила на территории США (в Скво-Вэлли) и тогда нашим хоккеистам не повезло — они заняли 3-е место. Поэтому перед Тихоновым была поставлена задача осуществить реванш. Тем более, что эта Олимпиада имела и политический подтекст: после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года холодная война обострилась и американцы хотели использовать любую свою победу в Лейк-Плэсиде для пропагандистских акций. И особенно они хотели победить нашу хоккейную сборную. Ведь она уже четыре Олимпиады подряд (1964, 1968, 1972, 1976) завоевывала исключительно золотые медали. Естественно, перед Тихоновым была поставлена задача продолжить эту славную традицию. Однако…

Обкатка нашей сборной началась в сентябре на играх на приз «Руде право» в Праге. Обкатка прошла успешно: сборная СССР выиграла все матчи: у канадцев 5:3, у финнов — 4:1, у шведов — 8:2, у чехословаков — 6:4. И завоевала главный приз. Играли мы в четыре звена, где тройки нападения выглядели следующим образом: 1) Михайлов — Петров — Харламов; 2) Балдерис — Жлуктов — Капустин; 3) Макаров — В. Голиков — А. Голиков; 4) Мальцев — Шостак — Якушев. Первая тройка забила 4 шайбы, вторая — пять, третья — шесть, четвертая — две. Как видим, лидером здесь была третья тройка (братья

Голиковы забили четыре шайбы), что ясно указывало на то, что молодежь в нашей сборной подобралась хорошая и начинает теснить ветеранов (в составе сборной дебютировал и молодой защитник — Алексей Касатонов из ЦСКА).

Однако на Призе «Известий», который проходил в Москве в

декабре, братья Голиковы потеряли своего прежнего партнера — Макарова, поскольку Тихонов решил перевести его в другую тройку — к Балдерису и Жлуктову, заменив Капустина. Теперь с Голиковыми играл их одноклубник по «Динамо» Александр Мальцев. Но тройка в таком составе не выстрелила — забила всего лишь три шайбы (А. Голиков — 2, Мальцев — 1). Зато тройка Макаров — Жлуктов — Балдерис забила 7 шайб (Балдерис — 3, Макаров и Жлуктов — по две). Приз «Известий» сборная СССР выиграла, увеличив тем самым число своих оптимистов накануне зимней Олимпиады. Правда, у самого Тихонова на душе было тревожно, поскольку динамовское звено вызывало у него вопросы. Послушаем его самого: «В сборную пришли вроде бы те же самые хоккеисты «Динамо», что выступали в национальной команде в прошлом сезоне в матчах Кубка вызова и на чемпионате мира. Однако это, в сущности, были уже другие хоккеисты. Обиженные, капризные и, главное, плохо подготовленные. А объяснялась плохая подготовка команды прежде всего, как я считаю, тем, что команда отказалась от принципов работы, принятых при Юрзинове (этого тренера сняли с тренерства в «Динамо» весной 1979 года, хотя под его руководством команда заняла в чемпионате СССР 2-е место; вместо него пришел Виталий Давыдов . — *Ф. Р.*).

Снижение потенциальных возможностей игроков «Динамо» было очевидным: и функциональный, и игровой уровень оказались явно недостаточны. Динамовцы, приглашенные в сборную страны, плохо сыграли в турнире «Руде право» (братья Гликовы были исключением, а всего в сборной играло в тот период семеро динамовцев . — *Ф. Р.*), команда не слишком хорошо выступала в чемпионате страны, а результаты турне, которое совершило «Динамо» на рубеже нового года по Северной Америке, оказались просто катастрофическими. Но когда армейцы и динамовцы вернулись в январе из-за океана домой, времени на переформирование сборной уже не оставалось: в отличие от чемпионатов мира, проходящих в апреле — мае, Олимпийские игры проводятся в начале февраля…»

Хоккеисты приветствуют друг друга перед поединком олимпийских сборных США и СССР на зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде—1980

Игры олимпийского турнира начались 12 февраля, когда наша сборная сыграла с командой Японии и победила ее с разгромным счетом 16:0. Наша команда играла в четыре звена. В первое вошли: защитники — Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов; во втором звене играли: защитники — Валерий Васильев («Динамо») и Сергей Стариков (ЦСКА), нападающие — Александр Скворцов («Торпедо», Горький), Виктор Жлуктов (ЦСКА) и Хельмут Балдерис (ЦСКА) (Сергей Капустин на Олимпиаду не попал); третье звено: защитники — Зинэтула Билялетдинов и Василий Первухин (оба — «Динамо»), нападающие — Сергей Макаров (ЦСКА), Владимир и Александр Голиковы («Динамо»); четвертое звено: защитники — Юрий Лебедев («Крылья Советов»), Александр Мальцев («Динамо») и Владимир Крутов (ЦСКА).

Как видим, в нашей сборной появились двое дебютантов, причем оба из ЦСКА: Сергей Стариков и Владимир Крутов. Оба сделают прекрасную карьеру в составе нашей национальной сборной. Хотя ту Олимпиаду и проиграют.

Как известно, камнем преткновения для сборной СССР тогда станет сборная США, которая обыграет нас со счетом 4:3. В том матче у наших ребят практически ничего не получалось, а тут еще и у Тихонова сдали нервы: на последних секундах первого

периода, после досадного гола, пропущенного Третьяком, он демонстративно снял нашего прославленного вратаря, выпустив вместо него Владимира Мышкина. Этот жест пагубно повлиял на психологическое состояние наших игроков (оно и без этого было плохим), что не позволило им собраться. Игру не смогли переломить даже лидеры сборной — тройка Михайлов — Петров — Харламов. Впрочем, они на той

Олимпиаде были не в самой лучшей форме. Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Во время турне ЦСКА по Канаде и США в начале 1980 года канадская печать много писала о возрасте нашей «парадной» тройки: в начале 1980 года им, вместе взятым, было уже больше… 100 лет.

В той поездке Петров и его партнеры выступали неудачно, игра не клеилась. Наблюдения эти огорчили меня. Огорчены итогами выступлений были и сами хоккеисты — и Борис Михайлов, и Владимир Петров, и Валерий Харламов, хотя все трое полагали, что, когда придет час решающих матчей, они сыграют на пределе собственных возможностей и снова подтвердят свой класс. Я попытался убедить неразлучных друзей в том, что целесообразнее — это будет отвечать интересам и команды, и их личным — одного из трех, например Бориса, или Валерия, или даже Володю, перевести в другое звено, а на его место поставить молодого хоккеиста. Я напоминал своим лидерам, что однажды они уже разлучались. Было это, кстати, тоже на Олимпийских играх, в 1972 году, в Саппоро, и команда оказалась там первой, и все трое получили по первой золотой олимпийской медали. Там Харламов играл вместе с более опытными Анатолием Фирсовым и Владимиром Викуловым, а с Петровым и Михайловым выступал Юрий Блинов, хоккеист ЦСКА, который был моложе знаменитых мастеров. Тренер ЦСКА и сборной страны Анатолий Владимирович Тарасов считал это решение исключительно удачным.

Но экскурс в историю не убедил наших лидеров. Они мне в ответ напомнили другое важнейшее соревнование того года — чемпионат мира, где они опять были разлучены и где наша команда впервые после девяти побед подряд на чемпионатах мира уступила мировую корону хоккеистам Чехословакии.

Чем руководствовался я, начиная разговор с ведущими мастерами?

Канадское турне напомнило мне прямо и настоятельно, что нельзя больше откладывать то, что запланировано было еще года два назад, — реконструкцию знаменитой тройки. Мне хотелось ввести в звено свежие силы и тем самым, во-первых, продлить хоккейный век больших спортсменов, а во-вторых, максимально

полно использовать в интересах команды их богатейший опыт.

Журналисты, да и тренеры не раз подчеркивали, что эта тройка представляет собой громадную силу именно как единое целое. Это было, несомненно, так. Но Михайлов, Петров и Харламов были сильны и как три первоклассных мастера. Каждый и сам по себе мог творить чудеса. Рядом с ними мог бы сыграть с очевидной пользой для команды хоккеист любого таланта и любого масштаба.

Но три друга настаивали на том, что они хотят выступить на Олимпийских играх вместе, говорили, что это, может быть, их последний турнир такого уровня, и просили меня дать им возможность еще хоть раз сыграть в одной тройке. Первое звено команду не подводило.

Я не был согласен, что сходить Борис, Владимир и Валерий должны одновременно, но в споре с ними у меня не хватало одного аргумента: они и вправду на чемпионатах мира играли, как правило, отлично, не давая поводов для критики. И особенно хорошо тройка выступила на последнем перед Играми чемпионате мира, в 1979 году. Да, у них случались в сезоне срывы, в частности, в некоторых матчах чемпионата страны, в международных турнирах, но вот в главном…

И я уступил настоятельным просьбам знаменитых мастеров.

И потому считаю, что только один виноват в том, что первая тройка дала нашей сборной в Лейк-Плэсиде меньше, чем могла, меньше, чем ждали от нее тренеры, команда, болельщики. В матчах с финнами и канадцами Петров и его партнеры не забили ни одного гола (здесь память подводит тренера: с финнами отличился Михайлов, забивший одну шайбу, а в игре с канадцами он забросил уже две шайбы . — *Ф. Р.*). Впрочем, этого можно было ожидать: силы замечательных мастеров не беспредельны, а опекали наших лидеров соперники так же внимательно, как и прежде. Не хватило сил им и на решающий матч — с американцами: в этот день Борис, Владимир и Валерий тоже не сумели забросить ни одной шайбы.

Так команда была наказана за то, что ее тренер не проявил достаточной твердости в претворении в жизнь своих принципов в формировании сборной в целом и отдельных ее звеньев. Надо было, конечно же, в январе, перед выездом за океан, действовать решительно, заменить некоторых игроков, иначе сформировать первую тройку…»

В Лейк-Плэсиде наша хоккейная сборная заняла 2-е место (золото досталось американцам), что было расценено как провал.

Вспоминает В. Фетисов: «Мы проиграли Олимпиаду. Договорились на общем собрании с тренерами — на обратном

пути не пить, матом не ругаться, в Москве держаться одного мнения, что проиграла вся команда, а не кто-то один виноват.

Летим на Ил-62 обратно на Родину. Валера Васильев послал меня, как молодого, за багажом, он обещал летчикам подарить клюшки. Стюардесса показала, как попасть в багажное отделение, я вытащил клюшки из хоккейного баула, полез из люка наверх и вижу: Васильев трясет Виктора Васильевича Тихонова за шкирку: «Я тебя сейчас выкину из самолета». Скандал, все бросились их разнимать. Оказалось, Васильев сидел у летчиков и услышал, что в первом классе Тихонов стал обвинять Харламова и Михайлова, других опытных игроков, мол, они старые, зачем мы их взяли, из-за них проиграли. Васильев это услышал и вылетел как пробка от летчиков: «Мы же договорились, что вся команда проиграла»…»

Уже в наши дни Тихонов добавил еще несколько штрихов к неудаче нашей сборной в Лейк-Плэсиде: «После игры со шведами некоторые так перебрали, что за руки — за ноги пришлось носить по номерам… Обидно, что ребята ко мне не прислушались. После того, как незадолго до Игр мы разгромили сборную США 10:3, хоккеисты расслабились. Хотя каждый день твердил: «Забудьте. Наши главные соперники на Олимпиаде — не чехи, а именно американцы». Но достучаться до игроков не смог. Все были уверены, что снова легко с ними разберемся. За это поплатились. А американцы к тому же бежали на допинге, в этом у меня сомнений нет. Что-то им кололи…»

На мой взгляд, ошибки, допущенные Тихоновым, конечно же, сыграли свою роль в нашем поражении в Лейк-Плэсиде. Но было и другое — звездный час тренера американцев Херба Брукса, который выпал именно на февраль 1980 года. Он шел к этому часу ровно двадцать лет — с Олимпиады в Скво-Вэлли, где американские хоккеисты, как мы помним, тоже завоевали золото. Брукс тоже был включен в ту сборную США (ему тогда было 22 года), но потом отцеплен от нее буквально накануне Игр. И эта заноза осталась в его сердце на долгие годы и саднила не переставая. Все эти годы он мечтал избавиться от этой занозы, но не знал, каким образом. Как вдруг в конце 70-х именно его определили старшим тренером сборной США на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. Брукс понял: это тот самый шанс, который он не имеет права упустить. И он взялся «мастерить» сборную из студентов нескольких университетов: Бостона, Миннесоты, Висконсина, Огайо, Северной Дакоты. Перед его глазами прошли четыре сотни (!) студентов-хоккеистов от 18 до 22 лет, из которых он выбрал 20 человек: двух вратарей, шестерых защитников и двенадцать нападающих. В помощники себе он взял тренера Крэйга Пэтрика, для которого это тоже был дебют на

международной арене.

Как Брукс подбирал себе игроков? Будучи психологом, он решил составить анкету, в которой было 300 вопросов. Но ни один из них не касался… хоккея. Брукс интересовался жизненными приоритетами опрашиваемых, их умением преодолевать усталость и боль. Вот что было для него самым главным. Далее послушаем рассказ журналиста А. Поликовского: «Херб Брукс готовил своих парней 5 месяцев. Он мучил их, после тренировочных проигранных игр заставляя бегать стометровки и прыгать тройным, он вдалбливал в их немудреные хоккейные головы, что готовит их для великого события и что для них скоро настанет час судьбы. И он сумел за 5 месяцев превратить этих милых, приятных, обаятельных, спортивных студентов в сплоченную, готовую биться до конца и ложиться костьми команду…»

Не стану спорить с утверждением Тихонова о том, что американские студенты-хоккеисты применяли перед игрой допинг. Однако одним ли допингом можно объяснить тот факт, что на той Олимпиаде сборная США выиграла в шести матчах, два свела вничью (оба со шведами и оба со счетом 2:2) и ни одного матча не проиграла. Она обыграла самих чехословаков со счетом 7:3! Разве можно объяснить эту череду побед одним применением допинга? Здесь, судя по всему, было иное, а именно — сборная США словила свой звездный час, поймала вместе с тренером тот самый кураж, который так часто помогает даже неприметным командам стать чемпионами. В отличие от Брукса, наш тренер Тихонов этого куража тогда поймать так и не смог, чему свидетельством и были те ошибки, о которых шла речь в его собственных словах.

Тихонов и смена поколений

В чемпионате СССР, который завершился в мае 1980 года, все оставалось неизменным: ЦСКА снова стал чемпионом, обогнав столичное «Динамо» на 13 очков (80 против 67), а «Спартак» на целых 19 очков. Гегемония ЦСКА, где были собраны лучшие игроки страны, стала безоговорочной, чего ранее никогда не было. Раньше, как мы помним, чемпионство ЦСКА обязательно нарушалось каким-нибудь столичным клубом: либо «Спартаком» (1962, 1967, 1969), либо «Крыльями Советов» (1974). В конце 70-х и в 80-е эта традиция прекратится, из-за чего интерес к внутрисоюзному первенству несколько снизится. Однако спортивных начальников это волновало в меньшей степени, поскольку на первом плане были дела сборной, костяк которой составляли именно хоккеисты ЦСКА.

Армейцы Москвы продолжали оставаться сильнейшими и в Восточной Европе, раз за разом завоевывая Кубок европейских чемпионов. Например, в бытность тренером Анатолия Тарасова они побеждали в этом Кубке шесть раз подряд (с 1969 по 1974 год). При Константине Локтеве они победили лишь однажды (1975/1976). При Викторе Тихонове череда побед была продолжена: в 1977–1980 годах ЦСКА трижды выигрывал Кубок. Причем в финальной части турнира 1980 года, который проходил в конце августа 1980 года в Инсбруке (Австрия), ЦСКА разгромил всех своих соперников с разгромным счетом: финскую «Таппару» 8:0, шведский «Модо» 7:1, чехословацкий «Слован» 11:1. Кстати, в составе последнего играли несколько игроков сборной ЧССР, в том числе и братья Штясны — Петер, Мариан и Антон. Так вот Петер и Антон именно во время того Кубка европейских чемпионов сбежали в Канаду.

Тренеры сборной СССР в разные годы:
верхний ряд — А. Чернышев, Б. Кулагин, В. Тихонов,
нижний ряд — В. Егоров, А. Тарасов, К. Локтев, В. Юрзинов

Как мы помним, первыми в Чехословакии подобный побег осуществили знаменитый игрок все того же «Слована» (1962–1974) и сборной ЧССР (1965–1974) Вацлав Недоманский и игрок «ЗКЛ» из Брно (1965–1974) и сборной (1969–1974) Рихард Фарда, которые летом 1974 года сбежали в канадский клуб ВХА «Торонто Тороз». Спустя шесть лет по их следам отправились и братья Штясны. Причем приглашение играть в ВХА получил лишь один из них — Антон, но вместе с ним за компанию решил попытать счастья и Петер. Из Инсбрука они позвонили в Канаду и вызвали к себе представителей клуба «Квебек Нордикс». Те примчались спустя 24 часа, поскольку понимали, какая это удача — заполучить в свою команду (а она тогда звезд с неба не хватала) сразу двух талантливых хоккеистов. В итоге братья Штясны были вывезены в Канаду, где весьма успешно вписались в новую команду — стали главными ее бомбардирами. Однако сборная ЧССР потеряла двух своих талантливых игроков.

Но вернемся к сборной СССР.

После провала в Лейк-Плэсиде Виктору Тихонову и Владимиру Юрзинову дали последний шанс — выиграть Кубок Швеции, который проводился в апреле 1980 года в Гетеборге. Если и этот турнир наша сборная бы проиграла, то судьба наших тренеров была бы решена не в лучшую сторону — их ждала отставка. Поэтому они повезли на турнир несколько обновленную команду по сравнению с той, что играла на Олимпиаде. Так, было

видоизменено первое звено — из него был изъят Владимир Петров (Тихонов обвинил его в плохой игре и оставил дома), и вместо него введен молодой игрок Владимир Крутов, хорошо показавший себя на Олимпиаде. Причем его поставили на место Валерия Харламова, на левый фланг, а легендарного хоккеиста сместили в центр на место Петрова.

Не взял Тихонов в сборную и другого ветерана — Валерия Васильева из второго звена, а вместо него был приглашен его одноклубник по «Динамо» Юрий Вожаков, которого поставили в пару с маститым Владимиром Лутченко. Кроме этого, в сборную был вновь приглашен еще один молодой защитник — Ирек Гимаев (как мы помним, он мог играть как в защите, так и в нападении, как это было, к примеру, на Кубке вызова в феврале 1979 года), поставленный в пару к Сергею Старикову.

Были оставлены дома лидеры второго звена Виктор Жлуктов и Хельмут Балдерис, после чего второе звено в нападении выглядело так: Сергей Макаров — Владимир Голиков — Николай Дроздецкий (дебютант из ЦСКА). Два других звена нападения выглядели следующим образом: 3) Юрий Лебедев — Александр Мальцев — Виктор Тюменев; 4) Александр Скворцов — Владимир Ковин — Михаил Варнаков (эту тройку из горьковского «Торпедо» вернули в сборную после годичного перерыва).

С этой командой Тихонов и Юрзинов выиграли Кубок Швеции, победив во всех четырех матчах: 6:3 с финнами, 7:2 со шведами, 4:1 с канадцами, 2:1 с чехословаками. Причем главным «забивалой» в нашей команде стал дебютант Николай Дроздецкий, забивший 4 шайбы (две в матче со шведами и по одной в играх с финнами и чехословаками). Три шайбы у нас забросил другой молодой хоккеист — Сергей Макаров (две финнам и одну шведам). Две шайбы были на счету Владимира Голикова (со шведами). Короче, молодежь не подкачала, чего не скажешь о ветеранах. Например, Михайлов забил две шайбы, Харламов отметился всего лишь одной шайбой, а Мальцев и Лебедев вообще не забили.

Между тем в самом начале 80-х в сборной СССР оставалось лишь несколько хоккеистов, кто начинал свою карьеру в ее составе десять лет назад — в самом начале 70-х. Это были: Владислав Третьяк, Валерий Васильев, Александр Мальцев, Владимир Петров и Валерий Харламов (Борис Михайлов летом 1980 года уйдет на тренерскую работу в ленинградский СКА). В этот же список можно включить Юрия Лебедева и Виктора Шалимова, которые начали играть в сборной в первой половине 70-х. Все остальные игроки пришли в главную национальную команду страны в конце 70-х. Например, в той сборной СССР,

которая победила на чемпионате мира и Европы в апреле 1981 года, призывников конца 70-х — начала 80-х было 16 человек. Если брать клубное представительство, то оно выглядело следующим образом: ЦСКА — одиннадцать игроков (Владислав Третьяк, Вячеслав Фетисов, Сергей Бабинов, Алексей Касатонов, Сергей Капустин, Виктор Жлуктов, Сергей Макаров, Владимир Крутов, Сергей Макаров, Андрей Хомутов — дебютант, Николай Дроздецкий — дебютант); «Динамо» (Москва) — шесть игроков (Владимир Мышкин, Василий Первухин, Зинэтула Билялетдинов, Александр Мальцев, Владимир и Александр Голиковы).

Несколько клубов были представлены одним молодым игроком. Это были: «Спартак» (Москва) — Сергей Шепелев; «Торпедо» (Горький) — Александр Скворцов; «Трактор» (Челябинск) — Николай Макаров.

Отметим, что на том мировом турнире в 1981 году в нашей сборной не играли две признанные звезды, которые представляли два разных поколения игроков: Валерий Харламов (ветеран) и Хельмут Балдерис (молодежь). Почему же их не взяли? Начнем с последнего.

Балдерис весной 1980 года, после очередного чемпионата СССР, решил уйти из ЦСКА. Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Балдериса я случайно увидел в команде «Латвияс Берзс», сразу ухватился: «Что за парень?» — «Не берите его. Намучаетесь, от него все отказались». А меня катание его поразило. Но брак у него был громадный — на скорости с шайбой не очень управлялся. Все с крюка у него убегала. Упустит момент — плачет на скамейке. Я капитана отправлял успокаивать.

Но еще в 80-м я сказал, что Балдерис пойдет вниз. Когда приехали в Москву с Олимпиады, он написал заявление об уходе из ЦСКА. Пытался его отговорить: «Хельмут, ты в самом соку! Еще пару лет можешь отыграть на высочайшем уровне. Нельзя это терять». Тот ни в какую. Объясняю: «В Риге будешь на порядок сильнее всех. Уже никто не заставит вкалывать. Это тебя погубит. К тому же у тебя наигранное звено с Капустиным и Жлуктовым. А так будешь в сборной, как Мальцев, из одной тройки в другую шататься». Но он не послушался. Отыграл Балдерис год в Риге на одном коньке и сдулся…»

А теперь послушаем рассказ самого Х. Балдериса: ««В 1977 году я перешел из Риги в ЦСКА не из-за Тихонова. Мог уклониться от поездки в Москву, но самому хотелось сыграть с большими мастерами. В ЦСКА брали отличных хоккеистов, многие не сумели заиграть. Я решил попробовать себя.

А на Тихонова у меня была обида. Ведь в 1976 году он меня на Олимпиаду не отпустил. Одно дело, когда готовят команду и

тебя не отобрали, потому что есть кто-то сильнее. Тут не может быть обид. Но когда в твой клуб приходит телеграмма с вызовом, а тебе об этом даже не говорят… Ведь как было?

Перед этим, в конце 75-го, Борис Павлович Кулагин, тренер «Крыльев Советов» и сборной Союза, предложил мне играть в «Крыльях» и сказал: «Думай до конца сезона, потом ответишь. Но на Олимпиаду ты едешь, 100 процентов». Меня даже вызывали и спрашивали, с кем хочу играть в сборной. А потом пришла телеграмма из Госкомспорта России в Спорткомитет Латвийской ССР с вызовом для меня. Тихонов это скрыл. Еще и наговорил Кулагину, что я пьянствую и дебоширю, по ресторанам хожу. Я об этой телеграмме понятия не имел. После Олимпиады Кулагин приехал в Ригу, на игру… А я три гола забиваю, передачи даю. Он рассердился даже: «А мне доложили, что пьянствуешь. Но я посмотрел, как ты играешь, и понял, что это вранье»…

Почему Тихонов меня не отпустил? Видимо, ревность. Просто выругаться хочется. Он не хотел, чтобы я уходил. Такое время было, делали, что хотели…

Перед моим отъездом в Ригу Тихонов сказал: «В сборной ты больше играть не будешь»…

Из ЦСКА я ушел потому, что не стал больше Тихонова слушать — он уговаривал меня остаться. Мы тогда проиграли Олимпиаду. Тренеры обещали не обливать игроков грязью. А потом я открыл газету и узнал, что в поражении в финальном матче от американцев виноваты Голиков и Балдерис. Я написал заявление и вернулся в Ригу. Тем более, что сразу предупреждал Тихонова: поеду в Москву только на цикл до 1980 года. Хотя нам с женой хорошо в Москве жилось. Но любовь к родной Риге перевесила. Меня всегда тянуло в город, в котором я родился, ходил в школу, научился играть в хоккей, где живут мои соотечественники. В ЦСКА я часто разговаривал на эту тему с ребятами, приехавшими в Москву из других городов, причем они выступали не только в ЦСКА, но и в «Спартаке», «Динамо», «Крыльях Советов», и их столица влекла не только возможностью играть в более сильных клубах. Это был отличный шанс уехать из провинции, где чаще всего кроме катков, в лучшем случае Дворцов спорта и ресторанов, ничего интересного для них не было. А Рига и в советское время оставалась западным городом, во многом отличавшимся если не от Москвы, то от Челябинска, Горького, не говоря уже об Ухте или Инте, где начинали играть мои партнеры в ЦСКА Жлуктов и Капустин. Кстати, не остался в Москве и Юрис Репс, хотя у него была прекрасная возможность продолжить службу во внутренних войсках, а теперь неплохо жить в российской столице. Во всяком случае, мне хорошо

известно, что Виталий Семенович Давыдов много заботится о ветеранах: всех трудоустраивает, оказывает материальную помощь, а Репс все-таки выбрал Ригу…»

После того как в 1980 году из ЦСКА ушли Балдерис и Капустин, распалось их звено и в сборной СССР. А ведь тройка Балдерис — Жлуктов — Капустин в конце 70-х имела все шансы стать первой в сборной, сменив на этом посту тройку Михайлов — Петров — Харламов. Однако этой смены так и не случилось. И снова послушаем В. Тихонова: «Мера таланта — величина неопределенная. Думаю, однако, что Капустин, Жлуктов и Балдерис были в ту пору потенциально очень сильны, они действительно могли бы пойти дальше выдающихся своих старших товарищей. Их дарования обещали многое. Три талантливейших хоккеиста были объединены в одну тройку, по своему игровому амплуа они удачно дополняли друг друга, и оттого казалось, что остановить это звено соперникам будет трудно.

Но выяснилось, увы, что объединенные в один микроколлектив три звезды не всегда становятся тем ансамблем, который потом надолго задает тон в хоккее. Хоккеисты тройки остановились в росте — и все вместе, как звено, и каждый в отдельности. Играли и тренировались с неохотой, не стесняясь напоминать, что в ЦСКА они не просились. Особенно демонстративно свое недовольство выражал Сергей. Хельмут умел скрывать свое разочарование и нежелание работать через не могу.

И Хельмут, и Сергей играли и трудились с душой не всегда, недолго. Чуть что было не по ним, как они тотчас же просили отпустить их из ЦСКА. Хельмут, когда нагрузки возрастали, когда что-то не получалось, снова и снова просился в Ригу, Но возможно ли при таком настрое, при таком отношении к делу трудиться истово и страстно, до седьмого пота? Возможно ли совершенствовать свое мастерство?

Об улучшении игры, о повышении класса игроков в отдельности и звена в целом не могло быть и речи. И наивно было ожидать, что уж если не в ЦСКА, то в сборной они сыграют отменно.

Сергей Капустин держался на пристойном уровне за счет высоких требований, предъявляемых к нему в ЦСКА. Он подчинялся, надо признать, этим требованиям. Неохотно, подчас открыто выражая недовольство, но подчинялся. Не раз говорил я Сергею, что как только сумеет он «доказать» тренерам, что эти требования не для него, так сразу же сдаст…»

Капустин, как и Балдерис, в том же 1980 году покинул ЦСКА,

перейдя в «Спартак». Однако для него двери сборной после этого не закрылись, и он отыграет в ней еще три года. Кстати, и Балдерис однажды (в 1983-м) вернется в сборную СССР, но это будет уже несколько иной Балдерис.

Что касается Валерия Харламова и его непопадания на Кубок Канады, то в сентябре 1980 года он выступал в товарищеских играх в Швеции и Чехословакии — играл в звене с Михайловым и Крутовым. Сыграл шесть матчей и забросил всего лишь две шайбы. И на Приз «Известий» его не взяли. Как и на серию товарищеских игр в январе 1981 года. Из их легендарного звена в сборной остался лишь один Владимир Петров, игравший на чемпионате мира с Макаровым и Крутовым.

Однако в августе 1981 года Харламова вновь привлекли в сборную — в играх на турнире «Руде право» (тот этап проходил в Стокгольме). Харламов играл с Сергеем Макаровым и дебютантом сборной Игорем Ларионовым (ЦСКА). Но звено не выстрелило, забив в четырех матчах всего лишь две шайбы (обе были на счету Ларионова). Поэтому в сентябре, на Кубок Канады, Тихонов Харламова не взял. По словам тренера: «Валерия не было в списках кандидатов в сборную команду страны, когда мы проводили тренировочный сбор. Однако он блестяще сыграл финальный матч Кубка европейских чемпионов, и потому мы пригласили Валерия в Скандинавию (на «Руде право» . — *Ф. Р.*), зная, естественно, заранее, что матчи в Италии ни в какое сравнение с тем, что предстоит нам выдержать в Канаде, не идут.

Харламов в составе сборной не тренировался, он готовился по плану ЦСКА — не к началу, но к концу сентября, когда стартует чемпионат страны. Однако по уровню мастерства, по силе своего характера, мужеству своему Харламов всегда достоин выступления в сборной, характера у него, как говорится, на троих. Но вот по функциональной готовности… Валерий не набрал еще формы, и отставание его от партнеров было велико. Не было пока еще той двигательной мощи, благодаря которой этот блестящий форвард успевал действовать повсюду.

Мы с ним обстоятельно поговорили. Валерий в заключение сказал:

— Виктор Васильевич, я все понимаю. Я действительно не в форме…

Потом пришел Владимир Владимирович Юрзинов. Разговор продолжался втроем. Валерий пожаловался, что у него не хватает сил играть. Мы ему рассказали, что нужно делать, предложили программу действий.

— Бегать надо по двадцать-тридцать минут каждый день. Тогда в ноябре — декабре ты уже будешь в хорошей форме.

Валерий Харламов

Отыграешь на турнире «Известий» и начнешь готовиться к чемпионату мира…

Харламов ответил:

— Я все понимаю, я дал вам слово… Почему вы мне поручаете работу с молодежью, я понимаю… Сделаю все, чтобы они играли…»

Как мы знаем, то непопадание Харламова в состав сборной СССР, уехавшей на Кубок Канады, станет роковым — 27 августа 1981 года легендарный форвард погибнет в автокатастрофе. А наша сборная в память о нем выиграет тот престижный турнир.

Потеряла сборная и талантливого игрока из числа молодых — Александра Голикова. Однако эта потеря не носила трагического оттенка, как в случае с Харламовым. Вот как об этом рассказывает все тот же В. Тихонов: «После ухода Владимира Владимировича Юрзинова из «Динамо» в этой команде произошел резкий спад в подготовке хоккеистов. Некоторые ведущие мастера посчитали, что программа, которую давал им Юрзинов, чрезвычайно сложна и не нужна.

В тот же год эти игроки, как и вся команда, резко опустились в функциональной подготовке.

К тому же пагубную для Александра роль сыграли еще два обстоятельства. Во-первых, он заболел. А во-вторых, сказались негативные последствия той концепции, которой он придерживался. Голиков и некоторые другие мастера, в частности Владимир Петров, считают, что им, игрокам определенного класса, не надо готовиться к сезону особо старательно, они знают, как подойти к пику: можно набрать высокую форму и в играх чемпионата страны…

Эта психология, к сожалению живучая, помешала Александру Голикову наверстать упущенное…»

На Кубке Канады — 1981 сборная СССР играла в три пары защитников и четыре звена нападения. Защитники: Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов, Валерий Васильев и Сергей Бабинов, Зинэтула Билялетдинов и Василий Первухин; нападающие — 1) Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Владимир

Крутов, 2) Виктор Шалимов, Сергей Шепелев и Сергей Капустин, 3) Александр Мальцев (в трех матчах вместо него играл Ирек Гимаев, который мог играть как в нападении, так и в защите), Владимир Голиков и Николай Дроздецкий, 4) Александр Скворцов, Виктор Жлуктов и Андрей Хомутов. Из числа ветеранов в этой команде остались четверо: Владислав Третьяк, Валерий Васильев, Александр Мальцев и Виктор Шалимов.

Отметим, что именно на Кубке Канады в нашей сборной появилась пятерка Касатонов — Фетисов — Макаров — Ларионов — Крутов. Все они играли в ЦСКА, однако вместе стали играть только в сентябре 1981 года, поскольку только летом в составе армейцев появился игрок воскресенского «Химика» Игорь Ларионов. А до этого в тройке нападения в этом звене рядом с Макаровым и Крутовым играли разные хоккеисты: Владимир Петров, Валерий Харламов, Николай Дроздецкий (двое последних, к примеру, играли в этом звене на турнире «Руде право» в августе 1981 года). Наконец, на Кубке Канады в звено был поставлен Ларионов, после чего стало понятно — это наиболее оптимальный вариант. На этом турнире пятерка забила 13 шайб: Ларионов — 4, Крутов — 4, Макаров — 3, Касатонов и Фетисов — по одной). А уже очень скоро это звено станет выдающимся — ничего подобного в советском (да и мировом) хоккее еще не было. Хотя попытки создать суперпятерку, играющую в одном клубе и сборной, как мы помним, были. Например, в самом начале 60-х у нас играло армейское звено Николай Сологубов — Иван Трегубов — Константин Локтев — Александр Альметов — Вениамин Александров. Но оно просуществовало недолго — чуть больше года.

В начале 70-х Анатолий Тарасов в том же ЦСКА создал еще

одну пятерку: Геннадий Цыганков — Александр Рагулин — Владимир Викулов — Анатолий Фирсов — Валерий Харламов. Но и это звено прожило меньше полугода (декабрь 1971 — апрель 1972), после чего распалось. Еще меньше просуществовало спартаковское звено Евгений Паладьев — Юрий Ляпкин — Евгений Зимин — Владимир Шадрин — Александр Якушев. А вот в случае с детищем Виктора Тихонова ситуация была совершенно иной — ларионовское звено просуществовало целых семь (!) лет, с каждым годом набирая все большую популярность.

Практически в этом же составе в декабре 1981 года сборная СССР выиграла и Приз «Известий». Правда, все победы дались нашим ребятам нелегко и перевес был минимальным: с финнами — 3:2, со шведами — 4:2, с чехословаками — 2:1 и 4:3.

Кстати, сборную ЧССР тренировали новые тренеры: Людек Букач и Станислав Невеселы, которые сменили Карела Гута и Яна Старши, снятых со своих постов после провала на зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде (4-е место). Букач в свое время был нападающим, играл в йиглавской «Дукле» (1961–1963) и пражской «Спарте» (1963–1967), привлекался в сборную ЧССР, с которой стал чемпионом Европы в 1961 году. В 1973–1980 годах он тренировал свою родную пражскую «Спарту», откуда его и перевели в первую сборную на должность старшего тренера.

На декабрьском Призе «Известий» в сборной СССР появился дебютант — игрок московского «Спартака» Александр Кожевников. Отметим, что он мог появиться в ее составе еще на Кубке Канады, но в тот раз Тихонов предпочел взять вместо него Александра Скворцова. И только в декабре Кожевникову дали шанс надеть на себя майку члена сборной. Он играл в тройке со своими спартаковскими одноклубниками Виктором Шалимовым и Сергеем Шепелевым. Тройка забила на турнире 5 шайб (Шепелев — 3, Шалимов и Кожевников — по одной).

Последние из «могикан» — 2

В чемпионатах СССР тихоновский ЦСКА продолжал лидировать. Так, в 1981 году команда снова взяла золотые медали, опередив серебряного медалиста, московский «Спартак», на 11 очков (77 против 66). Однако год спустя разрыв между двумя этими командами, занявшими все те же 1-е и 2-е места, составил всего два очка (78 против 76). А бронзовые призеры, столичные динамовцы, заняли 3-е место, набрав 72 очка. Спартаковцев в те годы тренировал Борис Кулагин, а динамовцев — Владимир Киселев.

Кулагин принял «Спартак» летом 1979 года, сменив на этом посту Анатолия Ватутина. В том году у красно-белых закончил играть Владимир Шадрин — легенда советского хоккея, но Кулагин привел с собой в команду нескольких талантливых игроков. Это были: Александр Бодунов — бывший игрок «Крыльев Советов» и сборной СССР, Борис Александров, который до этого играл в ЦСКА, но был изгнан оттуда (а также из сборной) Тихоновым, Сергей Шепелев из свердловского «Автомобилиста». Учитывая, что в «Спартаке» тогда еще играли Александр Якушев и Виктор Шалимов, а также молодые и амбициозные игроки вроде Александра Кожевникова, можно смело сказать, что состав у красно-белых подобрался сильный. И хотя в первый год тренерства Кулагина они заняли 3-е место, но уже через год прочно обосновались на второй строчке в турнирной таблице, вытеснив оттуда своих земляков из «Динамо». И на протяжении последующих трех лет (1982–1984) «Спартак» неизменно завоевывал серебряные медали. И единственным клубом, которому он чаще всего проигрывал, был только тихоновский ЦСКА.

Так, в сезоне 1979/1980 «Спартак» уступил ему в трех встречах и лишь одну выиграл, в 1980/1981 — две встречи проиграл, одну выиграл и одну свел к ничьей, в 1981/1982 — три матча проиграл и один выиграл, в 1982/1983 — три матча проиграл и один выиграл, в 1983/1984 — проиграл все четыре

встречи.

Между тем в самом начале хоккейного сезона 1982/1983 — 10 ноября 1982 года — из жизни ушел Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Как мы помним, горячий поклонник ЦСКА, человек, стараниями которого хоккей в СССР, что называется, бед не знал, имея господдержку. Однако последняя имела и оборотную сторону. Ведь ЦСКА, забирая себе лучших игроков из других клубов, фактически обескровливал последние, что не могло не сказаться на качестве их игры. Впрочем, на момент смерти генсека его родной клуб хоть и лидировал в чемпионате СССР, но еще не с таким большим отрывом от ближайших преследователей, чтобы это сильно сказалось на приходе зрителей на стадионы. Снижение произойдет чуть позже — весной, когда определились четыре лидера турнира. Кстати, три из них не вызывали удивления — это были ЦСКА, «Спартак» и московское «Динамо». А вот четвертой командой оказался киевский «Сокол», который с начала 80-х под управлением тренера Анатолия Богданова стал набирать обороты, превратившись из заштатной команды в сильного середняка. Для Украины (кстати, родины Л. Брежнева), которая до этого делала погоду в футболе, хоккейный прорыв оказался не менее важен и полезен. В итоге в сезоне 1984/1985 «Сокол» добьется своего самого высокого показателя — завоюет бронзовые медали всесоюзного первенства. Но вернемся на два года назад.

В сезоне 1982/1983 вновь заставил о себе говорить рижанин Хельмут Балдерис: он стал самым результативным игроком чемпионата СССР, набрав 63 очка (32 гола + 31 голевая передача). Естественно, Тихонов снова привлек его в сборную. Правда, старое звено не восстановил, поставив Балдериса играть с Капустиным и Шепелевым. Вспоминает В. Тихонов: «На 99 процентов «разоружился» после ухода из ЦСКА и Хельмут Балдерис. Он сдал сразу и заметно. И когда наша команда проводила однажды неожиданно трудный матч в Риге, где победа далась нам с превеликим трудом — 8:7 и где блистательно сыграла наша новая первая тройка, выигравшая свой микроматч со счетом 7:0, Балдерис был неузнаваем. Более того, в решающем эпизоде только его лень, нежелание преследовать убегающего от него с шайбой соперника спасли армейцев от потери очка.

Дарование Хельмута позволяло ему играть на высоком уровне. В Риге он, и не особенно напрягаясь, показывал поначалу неплохую игру, но так долго продолжаться не могло. И мало-помалу Балдерис утратил свои сильные стороны, прежде всего остроту в атаке, и в 1981 году в состав сборной страны,

выезжающей на чемпионат мира, он не попал. Не взяли мы Хельмута в сборную и год спустя.

Балдерис сделал правильные выводы.

Тренер рижан, мой коллега по сборной Владимир Юрзинов подтвердил, что Хельмут изменился, работает усердно. И результаты первые появились. Балдерис по итогам сезона 1982/83 года стал самым результативным хоккеистом страны по системе «гол + пас»: он набрал 63 балла — 32 гола и 31 результативная передача.

Цифры отражали усиление игры, и мы снова пригласили Хельмута в сборную страны.

К сожалению, на чемпионате мира — 83 в ФРГ Балдерис сыграл все-таки не в прежнюю свою силу, не так, как мог бы. Его назвали «королем неиспользованных возможностей». Великое множество голевых моментов имел этот форвард, но забивал он мало (в 10 матчах забросил всего лишь четыре шайбы . — *Ф. Р.*). Почему? Не потому ли, что утратил остроту в действиях, ему постоянно не хватало долей секунды для завершения атаки? А произошло это оттого, что снизил он к себе в свое время требовательность, перестал совершенствоваться, полагая ошибочно, что сможет поддерживать высокую боеготовность, работая или чуть меньше, или на прежнем уровне.

Но хоккей не прощает остановок в вечном своем движении. Хоккей не прощает лени, работы вполсилы…»

Больше в сборную СССР Тихонов Балдериса не приглашал. Впрочем, после 1983 года из нее ушли и его партнеры: Виктор Жлуктов, Сергей Капустин, Сергей Шепелев.

Чуть раньше — в 1982–1983 годах — из первой сборной постепенно стали уходить и последние «могикане» — ветераны команды. Так, на чемпионате мира и Европы в 1982 году, где советская сборная снова завоевала золотые медали (четвертые по счету при Викторе Тихонове) «могикан» было трое: Владислав Третьяк, Валерий Васильев и Виктор Шалимов. Год спустя, на ЧМ-83, где наши ребята снова были первыми, «могикан» было двое: Владислав Третьяк и Александр Мальцев. А в феврале 1984 года, на зимней Олимпиаде в Сараево, фигурировал уже один Третьяк, а Мальцева Тихонов не взял по причинам сугубо личного характера. По словам самого хоккеиста: «Я мог бы еще сыграть на зимней Олимпиаде в Сараево в 1984 году (она могла стать его четвертой Олимпиадой . — *Ф. Р.*), но поругался с руководством. Высказал свою точку зрения. Сидел в кабинете Валентина Сыча — с Юрзиновым, Тихоновым и Петром Богдановым, председателем центрального совета «Динамо». В сборную вызвали человек шестьдесят. Вот я и подумал: зачем мне с молодыми

тренироваться? Сказал: «Вы, Виктор Васильевич, сказали, что мы — профессионалы. Давайте я с «Динамо» буду тренироваться». До этого три раза подряд становился лучшим нападающим месяца. Но после той реплики о сборной пришлось забыть…»

На той Олимпиаде наша сборная играла с тремя парами защитников и четырьмя звеньями нападающих. Выглядело это так. Первое звено: защитники — Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Владимир Крутов (все — ЦСКА); второе звено: защитники — Сергей Стариков и Игорь Стельнов (оба — ЦСКА), нападающие — Александр Герасимов (ЦСКА), Сергей Шепелев («Спартак») и Андрей Хомутов (ЦСКА); третье звено: защитники — Зинатулла Билялетдинов и Василий Первухин (оба — «Динамо», Москва), нападающие — Николай Дроздецкий (ЦСКА), Виктор Тюменев и Александр Кожевников (оба — «Спартак»); четвертое звено: нападающие — Александр Скворцов и Владимир Ковин (оба — «Торпедо», Горький), Михаил Васильев (ЦСКА).

Владислав Третьяк. Разминка на льду

В Сараево сборная СССР сумела взять реванш за поражение в Лейк-Плэсиде четыре года назад — завоевала золотые медали. Из той сборной в новой остались десять человек: В. Третьяк, В. Мышкин, В. Фетисов, В. Первухин, А. Касатонов, С. Стариков, З. Билялетдинов, В. Крутов, С. Макаров, А. Скворцов.

Самым результативным у нас стало звено нападения Дроздецкий — Тюменев — Кожевников, забившее 14 шайб (Дроздецкий — 10, Кожевников — 4).

Однако в сентябре, на 3-м Кубке Канады наша сборная оказалась всего лишь третьей, пропустив вперед себя канадцев и шведов. К тому времени из нашей сборной ушел последний из «могикан» — вратарь Владислав Третьяк, однако стоявшие в воротах Владимир Мышкин и Александр Тыжных умудрились вдвоем пропустить на турнире меньше всего шайб — в шести играх всего 10 (Мышкин — 6, Тыжных — 4). Но помимо Третьяка

у нас не играли и другие чемпионы последней Олимпиады: Вячеслав Фетисов, Александр Герасимов, Андрей Хомутов, Николай Дроздецкий, Виктор Тюменев. Вместо них появились новые игроки: защитники Владимир Зубков и Алексей Гусаров (оба — ЦСКА), нападающие — Владимир Крутов (ЦСКА), Ирек Гимаев (ЦСКА), Сергей Светлов («Динамо», Москва), Анатолий Семенов («Динамо», Москва), Сергей Яшин («Динамо», Москва), Михаил Варнаков («Торпедо», Горький).

Наша сборная играла в четыре звена. 1) (армейское) защитники — А. Касатонов и В. Зубков, нападающие — С. Макаров — И. Ларионов — В. Крутов (все — ЦСКА); 2) (горьковское) защитники — С. Стариков и И. Стельнов (оба — ЦСКА), нападающие — А. Скворцов — В. Ковин — М. Варнаков (все — «Торпедо», Горький); 3) (динамовское) защитники — З. Билялетдинов и В. Первухин, нападающие С. Светлов — А. Семенов — С. Яшин (все — «Динамо», Москва); 4) нападающие — А. Кожевников («Спартак») — И. Гимаев (ЦСКА) — М. Васильев (ЦСКА).

Отметим, что из всех наших защитников голом отметился лишь один — Касатонов из первого звена (он забросил одну шайбу). А среди троек нападения самым результативным оказалось опять же первое звено, забившее 10 шайб (Макаров — 6, Крутов — 3, Ларионов — 1).

Отметим, что наша сборная на предварительном этапе обыграла всех своих соперников, но, выйдя в полуфинал, проиграла канадцам 2:3, у которых до этого выиграла со счетом 6:3. Вот такая фортуна.

В декабре на Призе «Известий» сборная СССР сумела реабилитироваться перед своими болельщиками, выиграв все четыре матча, причем все с крупным счетом: 6:0 (у ФРГ), 8:1 (у Финляндии), 10:0 (у Швеции), 5:0 (у ЧССР). Эта победа произошла почти за четыре месяца до очередного чемпионата мира и Европы, поэтому многомиллионная армия советских болельщиков была уверена, что до этого турнира наша сборная сумеет сохранить в себе победный настрой. Но вышло иначе…

Провал в Праге, или Конфликт в первом звене

В те годы самым грозным соперником для сборной СССР продолжала оставаться сборная ЧССР. После того, как в 1980 году на ее тренерском мостике произошла рокировка (пришли Людек Букач и Станислав Невеселы), сборная ЧССР пыталась сместить нашу сборную с верхней ступени пьедестала на мировых турнирах, но у нее ничего не получалось. Впрочем, и в былые годы у их предшественников это тоже получалось не столь часто. Например, в 60-е годы такого не было ни разу, а в 70-е лишь трижды: у Ярослава Питнера и Владимира Костки (1972), у Карела Гута и Яна Старши (1976, 1977). Кроме этого, Питнер и Костка выиграли Приз «Известий» (1970), то же самое, но дважды, сделали и Гут со Старши (1974, 1977). Естественно, что Букач и Невеселы были заряжены на такие же результаты, но первые несколько лет им это никак не удавалось. И это несмотря на то, что в обеих командах (ЧССР и СССР) ушли со льда ветераны, а на их место пришла не менее амбициозная молодежь. Но получалось, что и в этих изменившихся условиях наше молодое пополнение было сильнее чехословацкого, наша тренерская школа была сильнее чехословацкой. Поэтому в 1981 году сборная ЧССР была третьей на чемпионате мира и Европы, третьей на Кубке Канады, второй на Призе «Известий», в 1982 году — второй на чемпионате мира и Европы, второй на «Руде право», третьей на Призе «Известий», в 1983 году — третьей на чемпионате мира и Европы, второй на «Руде право», второй на Призе «Известий», в 1984 году — второй на зимней Олимпиаде, пятой на Кубке Канады, второй на Призе «Известий». Так длилось до чемпионата мира и Европы 1985 года, который проходил в столице Чехословакии городе Праге.

Как мы помним, до этого этот город принимал этот турнир дважды: в 1972 и 1978 годах. В первом случае удача на нем сопутствовала хозяевам, во втором — сборной СССР, причем

победа нашей сборной и Тихонову далась там с трудом, по шайбам: проиграй нам хозяева в финале не 1:3, а 2:3, и золото оказалось бы у них, поскольку в первой игре они победили нас с разницей в две шайбы (6:4).

В Прагу-85 Тихонов и Юрзинов повезли практически ту же сборную, что играла на последнем Кубке Канады, да еще усиленную двумя армейцами: защитником Вячеславом Фетисовым и нападающим Вячеславом Быковым (вместо А. Семенова). Но самым мощным у нас оказалось лишь первое звено, которое одно «заколотило» в ворота соперников 25 шайб (Фетисов — 6, Касатонов — 5, Макаров — 9, Крутов — 3, Ларионов — 2). Все остальные звенья сыграли ниже своих возможностей. А звенья были следующие: 2) защитники — Сергей Стариков и Алексей Гусаров, нападающие — Александр Скворцов, Вячеслав Быков и Андрей Хомутов — 15 шайб (Быков — 7, Хомутов — 4, Скворцов и Гусаров — по 2); 3) защитники — Зинэтула Билялетдинов и Василий Первухин, нападающие — Сергей Светлов, Ирек Гимаев и Сергей Яшин — 7 шайб (Гимаев — 3, Светлов и Яшин — по 2); 4) нападающие — Николай Дроздецкий, Виктор Тюменев и Михаил Варнаков — 15 шайб (Варнаков — 6, Дроздецкий — 5, Тюменев — 4).

В итоге мы шли без поражений семь матчей подряд, обыграв своих главных конкурентов: шведов (6:2), канадцев (9:1), чехословаков (5:1). После чего начался кошмар: наши ребята проиграли чехословакам 1:2, а следом и канадцам 1:3. Потеряв четыре очка, мы заняли лишь 3-е место, чего не случалось с нами вот уже восемь лет — с 1977 года. А чемпионами, как и в Вене-77, вновь стали чехословаки. Серебро взяли канадцы — сенсация турнира (это произошло впервые после 1962 года). А ведь выиграй тот турнир сборная СССР, и она могла стать двадцатикратным чемпионом мира, опередив наконец канадцев. Увы, не вышло. Почему? Видимо, из-за недооценки соперников. Как уже говорилось, наши ребята на предварительном этапе сумели обыграть своих главных конкурентов и, видимо, были уверены в том, что им удастся сделать это и в финале. Но соперник оказался хитрее. Так, сборная ЧССР 27 апреля уступила нам со счетом 1:5, а два дня спустя вышла на лед с совершенно иным настроем и уже в первом периоде повела 2:0 (в первом матче она же во второй двадцатиминутке проигрывала 0:5). После чего закрылась в своей зоне и позволила советским хоккеистам забить лишь одну шайбу — это сделал Хомутов из третьего звена. А первое звено в той игре шайбами не отметилось, да и в проигранной игре с канадцами забило лишь один гол (Крутов). Короче, к концу чемпионата наши главные «забивалы» ничем не

смогли отличиться. И в последней игре чемпионата, против сборной США, где мы выиграли со счетом 10:3, первое звено забило 4 шайбы, но сделали это не нападающие, а защитники — Фетисов и Касатонов (каждый забил по две шайбы).

Судя по всему, на настроение в этом звене самым серьезным образом повлиял конфликт между Фетисовым и Макаровым. Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Еще не закончился чемпионат мира, а нашу команду уже чествовали. Чествовали и лучших по итогам первенства континента, причем лауреатов отметили особо. Призы дали, в том числе и нашим — Макарову и Фетисову, лучшему форварду и лучшему защитнику. Вроде бы всем героям турнира надо радоваться. Однако Макаров недовольно буркнул: «Фетисову, этому пьянице-то, за что?..»

Фетисов, как и некоторые другие игроки, эту реплику расслышал.

Мы оставались в Праге, ждали рейса на Москву, я решил провести итоговое собрание. В конце собрания Фетисов поднялся и озадачил меня и команду: «Среди нас есть человек, который не с нами, не с командой. Когда нас награждали после чемпионата Европы, всю сборную награждали золотыми медалями, мы все должны были гордиться своим успехом: ведь выиграла наша, а не другая команда. Но… Многие слышали, что сказал Макаров по поводу меня… Мы посоветовались в своей пятерке и просим, чтобы Макарова больше в нашем звене не было…»

Ничего себе! Думал, правда, что ребята не сегодня завтра разберутся в собственных отношениях, однако я ошибся. На следующий день летим в самолете, и мои лидеры вчетвером снова подходят ко мне и повторяют свою просьбу, высказанную накануне на собрании Фетисовым. Я обещал подумать. В итоге в ЦСКА я вместо Макарова поставил в их звено Анатолия Фетисова — младшего брата Вячеслава. Какой был красавчик! Талантище! Вроде нынешнего Дзагоева. Все при нем. Если б Толя не погиб в аварии, точно Макарова в этой пятерке не было бы. Кстати, это я помогал найти новую квартиру для родителей Фетисова после трагедии, они в старой жить не могли. Им каждый угол сына напоминал. А потом Фетисов с Макаровым вновь друзьями стали. Хоккей объединил. Хоть сколько раз было, что на лавочке собачились — приходилось их рассаживать. Когда звено набирает силу — все замечательно, а дальше начинают славу делить…»

Тот чемпионат в Праге оказался последним для талантливого хоккеиста Николая Дроздецкого. С 1975 года он играл в ленинградском СКА, после чего в 1979 году Тихонов забрал его в ЦСКА. В сборной СССР Николай начал играть в 1981 году, став дважды чемпионом мира и Европы (1981, 1982), обладателем

Кубка Канады (1981), чемпионом зимних Олимпийских игр (1984). Он мог бы играть в сборной и дальше, но травма, полученная в Праге-85 в матче против чехословаков, не позволила ему вернуться к былой форме. В итоге он ушел не только из сборной, но и из ЦСКА — вернулся в родной СКА. Вот как об этом вспоминает В. Тихонов: «Сочинили историю, будто я выгнал из ЦСКА Колю Дроздецкого из-за своего пуделя. Мол, Коля, озлобленный придирками Тихонова, наподдал моей собаке на базе. А как было на самом деле?

В матче с чехами Дроздецкий получил травму. Тогда в моде был прием — «шлагбаум». Держишь клюшку в двух руках и засаживаешь в спину. Вот Коля и попал под такой «шлагбаум». Всю ночь его откачивали. Утром по дороге в аэропорт пять раз останавливали автобус — Дроздецкому было плохо. В Москве повезли на обследование, и выяснилось, что у него оторвалась почка. Когда вернулся на лед, прежним Дроздецким уже не стал. Боялся. И однажды сам подошел: «Отпустите домой, в Ленинград. Чувствую, в ЦСКА не тяну». Вот и вся история…»

И снова матч СССР — ЧССР: на дворе 80-е, а накал страстей все тот же

Двадцатое золото

После пражского провала Тихонов и Юрзинов решили пропустить через сборную молодых игроков. Тем более что впервые за несколько последних лет обострилась интрига в чемпионате СССР по хоккею. Нет, ЦСКА по-прежнему завоевывал золотые медали (это происходило регулярно с 1977 года, когда у руля команды встал Тихонов), однако в сезоне 1984/1985 золотые медали едва не достались динамовцам Москвы. На предварительном этапе они заняли 1-е место, однако на финише им не хватило буквально чуть-чуть для того, чтобы сместить армейцев с чемпионского Олимпа. В итоге ЦСКА вновь стал чемпионом, однако оторвался от «Динамо» всего на одно очко (68 против 67), чего давно уже не было (например, в прошлом сезоне отрыв чемпиона от ближайшего преследователя, «Спартака», составлял почти 20 очков — 86 против 58).

Кроме этого, в сезоне 1984/1985 произошла сенсация: бронзовые медали завоевала команда «Сокол» из Киева. Однако ни один игрок из нее не был вызван в первую сборную, которая комплектовалась в основном на базе двух клубов — ЦСКА и московского «Динамо». Например, в сентябре 1985 года, во время товарищеских матчей в Чехословакии, в нашу сборную не была вызвана первая тройка нападения (Макаров — Ларионов — Крутов), зато появились дебютанты из «Динамо»: Олег Микульчик, Владимир Зубрильчев, Юрий Леонов. Помимо них через сборную прошли еще несколько новичков: Болдин, Хмылев, Семак, Торгаев. Несмотря на столь резкое обновление, сборная СССР сыграла в Чехословакии достойно: из трех матчей против сборной этой страны она ни один не проиграла.

Были одержаны две победы с минимальным счетом (4:2 и 2:0) и одна ничья (3:3).

На Призе «Известий» в декабре у нас вновь появилась тройка Сергей Макаров — Игорь Ларионов — Владимир Крутов. Три других тройки нападения выглядели следующим образом: 2) Сергей Светлов — Анатолий Семенов — Сергей Яшин (все —

«Динамо»); 3) Александр Герасимов (ЦСКА) — Виктор Тюменев (ЦСКА) — Юрий Леонов («Динамо»); 4) Сергей Агейкин — Сергей Шепелев — Сергей Капустин (все — «Спартак»). Возвращение Сергея Капустина можно было бы назвать эпохальным — это был «могиканин» из 70-х (впервые появился в первой сборной в 1974 году). Однако возвращение себя не оправдало — Капустин на том турнире ничем особенным не отметился, даже ни одной шайбы не забил, сделав лишь одну голевую передачу.

Впрочем, на том турнире у всей сборной СССР вышла осечка. Наши ребята легко обыграли канадцев (8:2), финнов (4:1), шведов (10:1), но чехословакам уступили со счетом 1:3 (единственный гол у нас забил Крутов). Именно эта победа и позволила сборной ЧССР выиграть турнир, хотя она набрала столько же очков, сколько и советская сборная, — 6 (чехословаки сыграли вничью со шведами и финнами). Кстати, тренировали сборную ЧССР уже не те тренеры, с которыми она выиграла Прагу-85: вместо Людека Букача и Станислава Невеселы у руля команды встали Ян Старши (второй тренер сборной в 1974–1980) и Франтишек Поспишил (прославленный защитник сборной ЧССР, который трижды становился чемпионом мира — в 1972, 1976 и 1977 годах).

Отметим, что в 1979–1982 годах Ян Старши работал за пределами родной Чехословакии — в ФРГ, где тренировал старейший клуб страны (создан в 1923 году) «СЦ Риссерзее». Эта команда была восьмикратным чемпионом страны, причем в последний раз это случилось в 1978 году, когда команду возглавлял прославленный игрок сборной ЧССР 60-х годов Йозеф Голонка. В 1979 году Голонка уступил место на тренерском мостике Старши и уже спустя два года тот снова привел команду к золотым медалям, причем в ее воротах стоял еще один знаменитый чехословак — Владимир Дзурилла, трижды чемпион мира и Европы (1972, 1976, 1977). Так что назначение Яна Старши главным тренером сборной ЧССР вытекало именно из этого его успеха в ФРГ. И, как видим, этот успех нашел свое продолжение: Приз «Известий»-85 сборная ЧССР под руководством Старши выиграла.

На фоне этой неудачи весьма неясными были перспективы сборной СССР на предстоящем чемпионате мира и Европы, который в 1986 году должен был проводиться в Москве (в последний раз подобное происходило в 1979 году). Тем более что в воротах у нас уже не стоял Владимир Мышкин, а появился новый основной вратарь — двадцатилетний Евгений Белошейкин, который год назад перешел в ЦСКА из ленинградского СКА. Этот переход благотворно сказался на его судьбе — Белошейкин блестяще отстоял весь сезон в новом клубе и завоевал с ним

золотые медали чемпионата СССР. Его называли «вторым Третьяком», связывая с ним большие надежды на будущее. К сожалению, эти надежды не оправдаются: в сборной Белошейкин пробудет два сезона, после чего сдаст позиции. А потом и вовсе уйдет из жизни при трагических обстоятельствах — в ноябре 1999 года покончит жизнь самоубийством. Впрочем, это уже совсем другая история, а мы с вами вернемся в пору рассвета таланта этого вратаря — в 1986 год.

В преддверии очередного чемпионата мира и Европы (в феврале 1986 года) советская сборная отправилась в товарищеское турне по Швеции, ФРГ и Финляндии, чтобы сыграть семь матчей со сборными этих стран. Однако в эту поездку в нашу сборную не был вызван один из ведущих игроков — Игорь Ларионов, из-за чего Макарову и Крутову пришлось играть с другими партнерами — Вячеславом Быковым и Михаилом Варнаковым. Почему же не взяли Ларионова? Дело в том, что незадолго до этого, будучи на играх в Канаде, он дал интервью местной прессе, где высказался за обмен игроками между СССР и Канадой.

Эти высказывания в Москве сочли «опасными» и даже решили, что Ларионов может… сбежать на Запад, как это случилось летом 1980 года с братьями Штясными. Поэтому из страны Игоря решили не выпускать, а чтобы он не потерял игровую практику, пристроили его во вторую сборную.

На чемпионате мира и Европы сборная СССР играла в четыре привычных звена. Причем два из них были почти целиком армейские, чего ранее не случалось. Итак, звенья выглядели следующим образом: 1) защитники — Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Сергей Макаров, Игорь Ларионов, Владимир Крутов (все — ЦСКА); 2) защитники — Алексей Гусаров (ЦСКА) и Василий Первухин («Динамо», Москва), нападающие — Виктор Тюменев, Вячеслав Быков, Андрей Хомутов (все — ЦСКА); 3) защитники — Сергей Стариков и Игорь Стельнов (оба — ЦСКА), нападающие — Сергей Светлов («Динамо», Москва), Михаил Варнаков («Торпедо», Горький), Сергей Яшин («Динамо», Москва). В четвертом звене тройка нападения была составлена из дебютантов: Сергея Агейкина («Спартак»), Владимира Константинова (ЦСКА) и Валерия Каменского (ЦСКА).

На том чемпионате сборная СССР выступила блестяще, выиграв все десять матчей. А вот сборная ЧССР, главный наш соперник, умудрилась три первых встречи проиграть, чего с ней не случалось за всю тогдашнюю (66-летнюю) историю чехословацкого хоккея. В итоге сборная СССР завоевала 1-е место,

а чехословаки — 5-е (сенсационный провал!). Как объяснят потом специалисты, немалую роль в этом провале сыграет новая формула чемпионата ЧССР по хоккею — в сезоне 1985/1986 она впервые была похожа на регламент Кубка Стэнли. В итоге на финише первенства разгорелась нешуточная борьба, которая заставила ведущих игроков сборной потратить много сил — как физических, так и эмоциональных. Поэтому привычное место сборной ЧССР на том чемпионате (2-е) заняла команда Швеции, которая в последний раз завоевывала серебро мирового турнира в 1981 году.

Золото московского чемпионата стало для сборной СССР 20-м по счету на чемпионатах мира и Европы (для Виктора Тихонова это было уже шестое золото на посту старшего тренера национальной команды). Тем самым мы наконец-то опередили сборную Канады, у которой за плечами было 19 побед (кстати, 15 из них канадцы одержали еще до того, как советские хоккеисты вышли на арену чемпионата мира).

Провал в Калгари и победа в «Рандеву-87»

В октябре — ноябре 1986 года сборная СССР провела товарищеское турне по Чехословакии, где сыграла три матча против сборной ЧССР. В двух встречах удача сопутствовала нашим ребятам (2:1 и 3:2), в одном победили хозяева (3:2). И снова в этой поездке не было одного из ведущих советских хоккеистов — Игоря Ларионова, который вот уже больше года являлся невыездным. Однако в начале декабря эта ситуация разрешилась самым благополучным образом для Игоря — его взяли в Берн, на товарищескую игру СССР — Швейцария. Наши ребята выиграли 10:2, а ларионовское звено забросило четыре шайбы (Ларионов — 2, Макаров — 2).

Во второй половине декабря в Москве проходил традиционный Приз «Известий». И снова на нем главными претендентами на победу были две команды — СССР и ЧССР. Последняя опять выступила крайне неудачно — заняла 4-е место, пропустив вперед себя сборные Канады и Швеции. Отметим, что с чехословаками нечто подобное на этом турнире случилось лишь однажды — в 1967 году, на 1-м розыгрыше, но там хоть 3-е место заняла сборная ЧССР-II. Короче, чехословацкая сборная в 1986 году переживала настоящий кризис свежих идей. Однако это не стало поводом к тому, чтобы менять их тренеров Яна Старшего и Франтишека Поспишила.

Что касается сборной СССР, то она тот Приз «Известий» — 1986 выиграла, опередив своих преследователей, канадцев, на два очка (6 против 4). Наша команда играла в четыре звена: 1) защитники — Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Сергей Макаров, Игорь Ларионов, Владимир Крутов (все — ЦСКА); 2) защитники — Михаил

Татаринов и Василий Первухин (оба — «Динамо», Москва), нападающие — Сергей Светлов, Анатолий Семенов, Сергей Яшин (все — «Динамо», Москва); 3) защитники — Сергей Стариков и

Игорь Стельнов (оба — ЦСКА), нападающие — Андрей Хомутов (ЦСКА), Александр Семак («Динамо», Москва), Михаил Варнаков («Торпедо», Горький); 4) защитники — Владимир Тюриков и Александр Фаткуллин (оба — «Спартак»), нападающие — Сергей Харин, Сергей Немчинов, Юрий Хмылев (все — «Крылья Советов»).

Как видим, впервые за последние несколько лет в нашей сборной появились игроки из «Крыльев Советов» — целая тройка нападения. Объяснялось это просто: в сезоне 1986/1987 эта команда заняла 4-е место, хотя год назад финишировала девятой. Именно это и стало поводом для Тихонова и Юрзинова, чтобы обратить внимание на лучшее звено «крылышек». Однако на «Известиях» эта тройка в четырех матчах забила всего лишь две шайбы (Харин — 1, Немчинов — 1). Поэтому на Кубок Калгари в декабре 1986 — январе 1987 года эту тройку разъединили: Хмылев играл все с тем же Немчиновым и другим игроком «Крылышек» Сергеем Пряхиным, а Харин вышел на одну игру с армейцами Быковым и Хомутовым.

Кубок Калгари сборная СССР не выиграла — он достался сборной ЧССР, которая обыграла в финале нашу сборную со счетом 3:2. Это была первая победа чехословацких тренеров Яна Старши и Франтишека Поспишила после победы на Призе «Известий» в декабре 1985 года. Однако спустя месяц сборная ЧССР не смогла повторить свой успех и даже более того — провалилась, что называется, в тартарары. Однако не будем забегать вперед.

В середине февраля 1987 года состоялась очередная Суперсерия игр между сборными СССР и всеми звездами НХЛ. Эти игры назывались «Рандеву-87» и проходили в городе Квебек-Сити. Из всех Суперсерий эта стала самой короткой — всего лишь две игры. Но по своему напряжению и драматизму они не уступали всем предыдущим (в составе канадской сборной играли Уэйн Гретцки, Яри Кури, Эса Тикканен и др.).

«Рандеву-87». Капитаны команд Уэйн Гретцки и Вячеслав Фетисов

Наша сборная играла в четыре звена, которые выглядели следующим образом: 1) защитники — Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов (оба — ЦСКА), нападающие — Сергей Макаров, Игорь Ларионов, Владимир Крутов (все — ЦСКА); 2) защитники — Михаил Татаринов и Василий Первухин (оба — «Динамо», Москва), нападающие — Сергей Светлов, Анатолий Семенов (оба — «Динамо», Москва) и Михаил Варнаков («Торпедо», Горький); 3) защитники — Сергей Стариков и Игорь Стельнов (оба — ЦСКА), нападающие — Андрей Хомутов, Вячеслав Быков и Валерий Каменский (все — ЦСКА); 4) — защитники — Зинэтула Билялетдинов («Динамо», Москва) и Алексей Гусаров (ЦСКА), нападающие — Сергей Пряхин («Крылья Советов»), Анатолий Семенов («Динамо», Москва), Юрий Хмылев («Крылья Советов»).

Первую игру наши ребята проиграли с минимальным разрывом 3:4. Вторая состоялась два дня спустя (13 февраля), на нее сборная СССР вышла почти в таком же составе. Пишу «почти», поскольку две замены все-таки случились: в третьем звене вместо Семенова и Варнакова вышли Александр Семак («Динамо», Москва) и Вячеслав Лавров (СКА, Ленинград). Обратим внимание, что попадание ленинградского армейца в состав национальной сборной — редкое явление. Самые знаменитые игроки СКА,

игравшие в сборной: вратарь В. Шеповалов, нападающие В. и С. Солодухины — все из 70-х. Что касается В. Лаврова, то он блестяще выступил на чемпионате СССР в сезоне 1985/1986, забив 23 шайбы и сделав 12 голевых передач. Однако дальнейшая судьба этого талантливого хоккеиста сложится трагично: больших высот в сборной он не достигнет, а в мае 2000 года погибнет под колесами самосвала.

Но вернемся к «Рандеву-87», ко второму матчу между СССР и звездами НХЛ. Эта игра сложилась в нашу пользу. Проиграв первый период со счетом 0:1, наши ребята во втором периоде уже вели 3:1. А окончательный итог — 5:3 в пользу сборной СССР (по две шайбы у нас забросили Владимир Крутов и Валерий Каменский, которого назвали лучшим игроком «Рандеву-87»).

Провальный 1987-й

С 17 апреля по 3 мая 1987 года в столице Австрии городе Вене проходил очередной (52-й по счету) чемпионат мира по хоккею. Наши тренеры (Виктор Тихонов, Владимир Юрзинов и Игорь Дмитриев из «Крыльев Советов») привезли туда практически тот же состав, что хорошо проявил себя на «Рандеву-87», добавив к нему нескольких игроков: Сергея Немчинова («Крылья Советов»), Александра Фаткуллина и Владимира Тюрикова (оба — «Спартак»).

Предварительный этап мирового турнира наша сборная прошла без запинок, выиграв все семь матчей, в том числе и у сборных Чехословакии (6:1), Швеции (4:2) и Канады (3:2). Однако в финальной стадии чемпионата все сложилось иначе. Уже в первом же матче, с канадцами, была зафиксирована ничья с редчайшим для хоккея тех времен счетом 0:0. Вот как об этом чуть позже будет вспоминать игрок нашей команды Игорь Ларионов: «Накануне встречи с канадцами Тихонов вдруг строго запретил Фетисову и Касатонову подключаться в атаку: «А то поснимаю офицерские погоны!» Наша же игра завязана на активном участии в любом эпизоде каждого игрока, и потому без поддержки защитников мы сразу много потеряли. В итоге — 0:0. И с кем? С очень скромной командой, состоявшей из средних по классу игроков. Нашему тренеру почему-то пришло в голову, что следует опасаться контратак канадцев. А они, по-моему, и не помышляли об этом…»

Отметим, что к тому моменту Касатонов и Фетисов успели забить в предыдущих матчах того чемпионата 5 шайб (Касатонов — 3, Фетисов — 2). Но в оставшихся трех матчах (в том числе и с канадцами) они не забили ни одного гола. Видно, крепко сумел связать им руки Тихонов. Причем даже активность Владимира Крутова из того же звена, забившего потом 3 шайбы, не помогла. Наши ребята сыграли вничью со шведами (2:2) и выиграли в финале у чехословаков (2:1). Однако два потерянных очка сделали свое дело — сборная СССР, набрав, как и шведы, 4 очка,

пропустила их вперед из-за худшей разницы забитых и пропущенных шайб (у нас — 4–3, у шведов — 14—5). На третьем месте с тремя очками расположилась сборная Чехословакии под руководством Яна Старши и Франтишека Поспишила.

Таким образом, это был второй чемпионат мира и Европы, который сборная СССР проиграла под руководством Виктора Тихонова и Владимира Юрзинова. Однако побед за ними было больше — шесть.

Вспоминает В. Фетисов: «В 1987 году наша команда, не уступив ни одной игры, проиграла чемпионат. Такую в международной федерации придумали схему проведения первенства, чтобы как-то остановить советских. Но дома обвинили в поражении нас — первую пятерку. Потому что, когда мы были на льду, шведы забили гол и сравняли счет. Тренеры пришли к выводу, что мы неправильно сыграли. Большая проходила разборка, два дня подряд крутили на видео этот момент: кто что сделал, кто куда побежал, кто не выбросил шайбу из зоны. Сразу на всех наложили типовое наказание — кросс по Венскому парку. Команда выстроилась, посчиталась — и побежала. И это уже — когда чемпионат закончился! Игроки из других сборных обалдели, когда увидели наш утренний бег. А мы, по задумке Тихонова, демонстрировали, что уже работаем, уже готовимся к следующему сражению. Для нас хоккей превратился из игры в боевые действия с водружением своего флага над поверженной вражеской столицей…»

В августе — сентябре 1987 года нашей сборной представилась прекрасная возможность реабилитироваться за поражение на мировом первенстве. Именно тогда в Канаде состоялся 4-й розыгрыш Кубка Канады с участием сильнейших сборных мира: Канады, СССР, ЧССР, Швеции, Финляндии и США. Тихонов и Дмитриев (Юрзинов ушел из сборной) привезли на турнир 17 прежних игроков и четырех новичков: Сергея Мыльникова (основной вратарь, «Трактор», Челябинск), защитников Игоря Кравчука (ЦСКА) и Анатолия Федотова («Динамо», Москва), нападающего Андрея Ломакина («Динамо», Москва).

Четыре звена сборной СССР (из них два армейских и одно динамовское) выступали в следующем составе: 1) защитники Алексей Касатонов и Вячеслав Фетисов, нападающие — Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Владимир Крутов (все — ЦСКА); 2) защитники — Игорь Кравчук и Игорь Стельнов, нападающие — Андрей Хомутов, Вячеслав Быков и Валерий Каменский (все — ЦСКА); 3) защитники — Василий Первухин и Анатолий Федотов, нападающие — Сергей Светлов, Анатолий Семенов и Андрей

Ломакин (все — «Динамо», Москва); 4) нападающие — Сергей Пряхин («Крылья Советов»), Александр Семак («Динамо», Москва), Юрий Хмылев («Крылья Советов»). В последнем звене на замену Семаку выходил Сергей Немчинов из тех же «Крылышек».

Реабилитироваться нашей сборной не удалось. Уже на предварительном этапе она выступила неудачно: сыграв вничью с канадцами (3:3), она проиграла шведам (3:5). Правда, чехословаков обыграла с «сухим» счетом 4:0. Однако в полуфинале мы обыграли-таки шведов (4:2) и вышли на канадцев, которые в свою очередь одолели чехословаков (5:3).

В финале из трех матчей встретились сборные СССР и Канады. Все три закончились с одинаковым счетом 6:5. Правда, в первом успех сопутствовал нашим хоккеистам, а вот в двух остальных победу праздновали хозяева турнира.

В нашей сборной самым результативным звеном в финале оказалось первое, на счету которого было семь голов (Макаров — 2, Крутов — 2, Фетисов — 2, Касатонов — 1). Шесть голов было на счету нападающих второго звена (Хомутов — 3, Каменский — 2, Быков — 1).

Таким образом, в 1987 году сборная СССР проиграла два престижных мировых турнира. Оставался еще один — Приз «Известий», который проходил в декабре в Москве. Но и там нашу сборную ждало разочарование. Но расскажем обо всем по порядку.

В нашей команде произошли изменения — в ее состав были введены восемь новых игроков. Это были: защитники Илья Бякин («Автомобилист», Свердловск), Валерий Ширяев («Сокол», Киев), Владимир Константинов (ЦСКА), Андрей Чистяков («Спартак», Москва), Игорь Кравчук (ЦСКА), нападающие Александр Черных («Химик», Воскресенск), Евгений Давыдов (ЦСКА).

Золото в Калгари, или Последняя зимняя Олимпиада в жизни СССР

Год 1988-й был олимпийский, поэтому, учитывая череду провалов в 1987 году, наша сборная вступала в тот год в тревожном настроении. Поэтому в преддверии Олимпиады надо было срочно наигрывать состав, для чего сборная СССР в январе — феврале 1988 года отправилась в товарищеское турне по Норвегии и Финляндии. Кстати, на тренерском мостике в сборной произошли изменения. Как мы помним, долгие годы тренерами у нас были Виктор Тихонов и Владимир Юрзинов. Однако в 1987 году третьим тренером сборной стал Игорь Дмитриев, тренировавший «Крылья Советов». Под его руководством эта команда стала набирать силу и мощь, в результате чего в сезоне 1986/1987 она заняла в чемпионате СССР 4-е место, обогнав даже «Спартак» (6-е место после прошлогодней бронзы). Поэтому Дмитриева сделали сначала третьим тренером сборной, а в 1988 году он стал вторым, вытеснив Владимира Юрзинова, который с 1980 года тренировал рижское «Динамо».

Но вернемся к турне сборной СССР в начале 1988 года.

Первое звено отправилось в поездку в прежнем составе: Алексей Касатонов — Вячеслав Фетисов — Сергей Макаров — Игорь Ларионов — Владимир Крутов. Другие три звена претерпели изменения — где-то небольшие, где-то кардинальные. Так, во втором звене в защите играли Зинэтула Билялетдинов («Динамо», Москва) и Илья Бякин («Автомобилист», Свердловск), в нападении — Сергей Светлов — Анатолий Семенов — Сергей Яшин (все — «Динамо», Москва). Третье звено было, как и первое, целиком армейское — из ЦСКА: Сергей Стариков — Игорь Кравчук (дебютант) — Андрей Хомутов — Вячеслав Быков — Валерий Каменский. Четвертое звено было вновь созданное: в защите играли Игорь Стельнов и Алексей Гусаров (оба — ЦСКА), в нападении — Александр Могильный (ЦСКА), Александр Черных («Химик», Воскресенск) и Александр Кожевников («Крылья

Советов»). В этом же звене на замену выходили Сергей Харин («Крылья Советов»), Александр Семак и Андрей Ломакин (оба — «Динамо», Москва). В воротах у нас стояли попеременно Евгений Белошейкин (ЦСКА) и Сергей Мыльников («Трактор», Челябинск).

Сборная СССР сыграла в турне четыре матча: три выиграла (8:1, 9:0 и 4:1), один сыграла вничью (5:5 с финнами). Затем наши ребята прилетели в Канаду, на Олимпиаду, где 10 февраля сыграли еще один товарищеский матч — со сборной Канады. И уступили в нем со счетом 2:3, причем первое звено не забило ни одной шайбы. Это поражение было плохим предзнаменованием, поскольку до начала Олимпиады оставалось всего… три дня.

Олимпиада в Калгари началась для сборной России 13 февраля матчем-раскаткой — против сборной Норвегии. Эту игру мы выиграли со скромным для уровня этих команд счетом — 5:0. Причем первое звено снова действовало на удивление нерезультативно — забило всего лишь одну шайбу (Крутов). Короче, число скептиков с нашей стороны прибавилось. Однако затем наши ребята разыгрались и выиграли начала у австрийцев (8:1), затем у американцев (7:5), западных немцев (6:3) и, наконец, у самих чехословаков (6:1). А 24 февраля сборная СССР встречалась на льду с канадцами, которым она, как мы помним, проиграла в преддверии Олимпиады. Казалось, что этот матч будет не менее драматичным. И первый период и в самом деле настраивал на такие мысли — он закончился со счетом 0:0. Но во втором периоде советские хоккеисты забрали инициативу в свои руки и больше ее не отпускали. Итог — 5:0 в нашу пользу.

Великолепная пятерка: Сергей Макаров, Алексей Касатонов, Игорь Ларионов, Вячеслав Фетисов, Владимир Крутов

После этой победы до золотых медалей было рукой подать — надо было обыграть в следующем матче сборную Швеции. Что наша команда и сделала с разгромным счетом 7:1. Поэтому на последнюю игру с финнами советские хоккеисты вышли в ранге олимпийских чемпионов (мы опережали соперника на три очка). Как итог — последнюю игру сборная СССР проиграла с минимальным разрывом 1:2, что позволило финнам впервые в истории взять серебряные медали. А вот сборную ЧССР ждал настоящий провал — 6-е место.

Интрига внутреннего чемпионата, или Тихонов против рижан

13 мая 1988 года завершился чемпионат СССР по хоккею (62-й по счету). Он отличался от предыдущих тем, что в нем была изменена формула с тем, чтобы обострить интригу. Дело в том, что в последние годы интерес к внутреннему чемпионату падал, поскольку лидером с большим отрывом становилась одна и та же команда — ЦСКА. Например, в сезоне 1985/1986 армейцы оторвались от серебряного призера, московского «Динамо» (напомним, что за год до этого они стали чемпионами страны, обогнав ЦСКА всего на одно очко), на 14 очков (69 против 55), а от серебряного («Спартака») — на 20 очков. В сезоне 1986/1987 отрыв ЦСКА от того же «Динамо», снова ставшего вторым, составил все те же 14 очков (74 против 60), а от ленинградского СКА, ставшего третьим, на целых 25 очков. А недавний бронзовый призер «Спартак» занял и вовсе 6-е место, отстав от ЦСКА на 34 очка. Заметим, что красно-белые в те годы переживали кризис, поскольку из команды ушла целая группа ведущих игроков в лице Сергея Капустина (в 1986 году он повесил коньки на гвоздь), Александра Кожевникова (перешел в «Крылья Советов»), Ильи Бякина (вернулся в свердловский «Автомобилист»). Короче, у тренера «Спартака» Бориса Майорова сил хватало лишь на то, чтобы удерживать свою команду в середине турнирной таблицы — между 5-м и 6-м местами.

Зато в те годы в тройку призеров стали выходить периферийные команды: СКА (Ленинград) — 3-е место в 1987 году, «Динамо» (Рига) — 3-е место в 1988 году. А воскресенский «Химик» в 1989 году и вовсе сделает немыслимое — завоюет серебро. Но вернемся на год раньше, когда руководители советского хоккея решили обострить интригу чемпионата и, во-первых, увеличили число команд с 12 до 14, во-вторых — провели чемпионат в два круга, причем в последнем не шли в зачет очки, набранные в первом круге. В финале четыре лучшие команды

(ЦСКА, московское «Динамо», «Крылья Советов» и рижское «Динамо») соревновались между собой в кубковых сериях (два полуфинала, финал и матч за 3-е место).

В результате этих нововведений чемпионат стал намного интереснее, что немедленно вернуло зрителей на трибуны. И хотя чемпионом в 1988 году вновь стал ЦСКА (и это несмотря на то, что армейцы оставляли костяк сборной СССР и отдали много сил на последней Олимпиаде), однако полуфинальная интрига привлекла на матчи огромное количество зрителей — впервые за последние годы были аншлаги. В итоге в финале армейцы сыграли четыре матча с рижскими динамовцами. В первой игре интриги почти не было — ЦСКА выиграл 7:3. Однако во втором матче успех сопутствовал рижанам, пусть и с минимальным счетом — 2:1. В двух остальных поединках успех был на стороне армейцев, хотя игра была напряженной и победа ЦСКА досталась с трудом — 4:2 и 5:2. Короче, со своими бывшими воспитанниками, которых теперь тренировал Владимир Юрзинов, Виктору Тихонову пришлось изрядно повозиться. Но это только добавило интереса к чемпионату.

Ученик против учителя, или Ларионов против Тихонова

В мае 1988 года сборная СССР отправилось в короткое турне по Японии, где сыграла два матча со сборной Японии. Обе встречи закончились нашей победой (10:4 и 13:2). Между тем это были последние игры, где первое звено в лице Касатонова — Фетисова — Макарова— Ларионова — Крутова играло в своем привычном составе. И забросило 7 шайб (Макаров — 6, Крутов — 1). А потом произошли события, которые разрушили это легендарное звено. Впрочем, доверительные отношения между отдельными хоккеистами из этого звена расстроились чуть раньше. Мы помним, как весной 1985 года Макаров прилюдно оскорбил Фетисова, назвав его пьяницей, а за полгода до этого, осенью 1984 года, непростой разговор состоялся между Касатоновым и Ларионовым. Последний вспоминает: «После травмы Фетисова осенью 84-го мы кувыркались без него. А капитаном временно избрали Касатонова. Как-то ехали мы в машине на базу в Архангельское, и по дороге разгорелся спор. Принципиальные:

— Ну что ты, Игорь, с Тихоновым все время споришь? (Уже тогда в моих отношениях со старшим тренером наметилось напряжение.) Да будь ты чуточку поумней. В конце концов, нужна тебе однокомнатная квартира?

— Мало ли что мне нужно. Я не прошу ничего.

— А мне нужна трехкомнатная. Послушай мой совет: как бы он тебя ни обзывал — молчи! Пусть что угодно делает. А ты делай свое дело — играй. И все.

— Да что ж ты говоришь, Леша?! Если тренер неправ, почему я должен выслушивать, как он меня при всех унижает? Что я — робот бессловесный?

— Ну, ты, старик, неправ. Жизнь одна, и надо все делать на благо себе. А все остальное — чепуха.

С тех пор я перестал с Касатоновым доверительно общаться.

Я уже не воспринимал его как личность…»

Между тем хоккей в СССР существовал не в безвоздушном пространстве — на него всегда оказывала влияние и та политическая обстановка, которая существовала в стране. А в конце 80-х эта обстановка была весьма бурной. Особенно это касается второй половины того десятилетия. Именно тогда так называемая горбачевская перестройка пошла вразнос, после чего в народе появилась поговорка «Перестройка плавно перешла в перестрелку». Спусковым крючком для этой «перестрелки» послужила 19-я партийная конференция, которая состоялась в мае 1988 года. После нее в стране рухнули последние прежние авторитеты, а те, что пришли им на смену, закусили удила. Стало модным и современным ниспровергать с корабля современности прежних кумиров, объявляя их антидемократами и сталинистами. Например, в кинематографе низвергли Сергея Бондарчука, в литературе — Георгия Маркова и т. д. Что касается хоккея, то в нем сталинистом и антидемократом суждено будет стать Виктору Тихонову, монополия которого в ЦСКА и сборной СССР длилась ровно 11 лет.

Самое интересное, что это ниспровержение прежних кумиров ничем хорошим не закончится: то же кино после таких колоссов, каким был С. Бондарчук, измельчает и деградирует, литературу будет ожидать тот же удел, как и советский хоккей, который тоже достаточно быстро превратится в местечковый и откатится на задворки мирового процесса. Другое дело, что люди, которые ниспровергнут Бондарчука или Тихонова, неплохо устроят свою личную судьбу, а нужды родины им будут до лампочки. Вот и получится, что тот же Ларионов ничем не будет отличаться от Касатонова — та же забота о собственной рубашке, которая ближе всего к телу. Впрочем, тогда миллионы советских людей оказались заражены бациллой антигосударственности и мечтали отречься от этого государства, чтобы «жить красиво, как на Западе». А для этого было необходимо осудить и сдать прежних кумиров, с которыми переход от одного «корыта» к другому был попросту невозможен.

В середине октября 1988 года в главном рупоре либеральной фронды — журнале «Огонек» (N42) под водительством Виталия Коротича — появилось открытое письмо Игоря Ларионова на имя Виктора Тихонова. В нем хоккеист бросал серьезные обвинения своему тренеру: дескать, развел в ЦСКА и сборной диктатуру, когда хоккеистов мурыжат по 11 месяцев в году на сборах, не давая видеться с семьями. Чуть позже те же самые претензии озвучит в своих мемуарах и партнер Ларионова по первому звену Вячеслав Фетисов. Цитирую последнего: «Взрослые мужики

канючили: «Виктор Васильевич, отпустите домой!» — «Ты помнишь, как такой-то напился в прошлый раз? Никто теперь не едет домой». Тихонов противопоставлял кого-то одного всему коллективу. Но в следующий раз срывался кто-то другой. Во всяком случае, искать причины, чтобы не отпускать ребят со сборов, долго не приходилось. И мы ходили к нему, вымаливали побывку: «Отпустите, пожалуйста, домой, Виктор Васильевич». После игры жены и подруги стояли и махали из-за загородки, иногда милиция их к автобусу не пускала, тогда ты постоишь с девушкой или с женой так романтично, за углом, там пообнимаешься и бежишь в автобус…»

Вот и Ларионов в своем открытом письме писал то же самое: мол, у нас семейная жизнь проходит по телефону (кстати, первенец у Ларионова родился за год до письма — в 1987 году). А вот еще несколько отрывков из письма Ларионова, где он обвиняет своего тренера в следующем: «Хоккеист для Вас просто функционирующая единица, которой отведена не только профессиональная, но и социальная роль. Не справляешься с нею — убирайся на все четыре стороны! Вон сколько парней мечтает в сборную попасть — только свистни! Незаменимых нет!..

Складывается впечатление, что Вы просто не заинтересованы, чтобы команда состояла из ярких индивидуальностей. Что Вам будто бы проще иметь средних три-четыре звена, этакое рижское «Динамо» 1974 года… Такую команду легче удерживать под гнетом жесточайшей дисциплины, в обстановке постоянного страха за будущее, которое ни один игрок ЦСКА или сборной не может предсказать в атмосфере, когда становятся выгодными доносы… Дело дошло до того, Виктор Васильевич, что уже не только на собрании — и в раздевалке лишнего слова не скажешь в Ваш адрес, потому что в тот же день Вы будете иметь самую полную информацию и, выждав время, отомстите…

Так год за годом Вы приучили людей к тому, что они пешки в Ваших руках. Думается, что и в Госкомспорте тоже не слишком ломают голову. Вы пользуетесь там влиянием и безмерным уважением, поскольку время от времени даете результаты. Какой ценой достигнута победа, начальство, как правило, не интересуется!..

Я взял на себя смелость сказать, что в стиле руководства ЦСКА и сборной Вы ничего нового не придумали. Вы создали для хоккеистов обстановку, где «коллективистский дух» означает солдафонщину, где демократия подменена беспрекословным подчинением, где любимая всеми нами игра в хоккей поставлена на службу Вам, нашему тренеру…»

Заметим, что сам Тихонов в своих мемуарах, которые вышли

в самом начале 80-х, отзывался о Ларионове весьма лестно: «В ЦСКА Игоря приняли сразу… Его приняли еще и потому, что он очень умный, честный, интеллигентный, приятный в общении человек. Это оценили сразу…

В Архангельском, на базе хоккеистов и футболистов ЦСКА, где спортсмены живут во время учебно-тренировочных сборов, прямо напротив моей комнаты — дверь. Если мне вечером нужен кто-то из ребят, я, как правило, ищу его здесь.

В комнате собирается едва ли не половина команды. Гостеприимные хозяева, а живут здесь Игорь Ларионов и Владимир Зубков, угощают гостей кофе и чаем. Желающие могут отведать меда, варенья. Звучит музыка — самые модные ансамбли. И освещение необычное, Ларионов по этой части общепризнанный знаток.

Суперфорвард 80-х Игорь Ларионов. В 1988 году написал скандальное письмо тренеру В. Тихонову

На стенах афиши — Аркадия Райкина с его автографом: «Моей любимой команде», популярных ансамблей.

Комната — центр всеобщего притяжения.

Глядя на Игоря, не скажешь, что это хоккеист. Не то что щупл, но и не атлет, не богатырь. Изящен. Мягкое, интеллигентное лицо. К своим 22 годам успел уже закончить педагогический институт в Коломне и подумывает об

аспирантуре. Он доброжелателен, покладист, корректен, однако отличается острым критическим умом. В игре сообразителен необыкновенно. Прирожденный диспетчер. Опережает в тактическом мышлении любого соперника на ход или на два. Технически подготовлен великолепно.

Впрочем, для меня достоинства Игоря не были секретом и ранее. Я посмотрел Ларионова в деле, на тренировках, которые проводил сам, прежде чем пригласить его в ЦСКА. Считаю это чрезвычайно важным, ибо, переходя в новую команду, спортсмен во многом решает свою спортивную, да и человеческую судьбу. И всякая ошибка чревата самыми неприятными последствиями как для того коллектива, куда переходит игрок, так и — особенно — для него самого.

Я тщательно проверил возможности Ларионова, ибо вокруг него было множество разных слухов, разговоров и домыслов. Утверждали, что он физически хилый, хотя и техничный игрок, со светлой головой. Что характер у него слабоватый, что сложные задачи ему не по плечу и объема тренировочных занятий, принятых в ЦСКА, он не выдержит.

Я видел, как играет Ларионов в своем клубе, как выступает он на уровне второй сборной. Играл он неплохо, казался игроком перспективным…

Ларионов, безусловно, уже сегодня игрок экстра-класса, умный, тонкий, прекрасно разбирающийся в хоккее. Пройдет немного времени, и зрители будут ходить на него, как ходили когда-то на Анатолия Фирсова или Александра Якушева…»

Вообще, ситуации, когда ученики восстают против своих учителей, в жизни встречаются часто, а в спорте тем более (вспомним хотя бы историю со знаменитым тренером по фигурному катанию Станиславом Жуком и отдельными его учениками). Поэтому конфликт Ларионова с Тихоновым не был каким-то экстраординарным событием. Другое дело, что оно стало достоянием широкой общественности ввиду гласности — политики, провозглашенной в период горбачевской перестройки. До этого все подобные конфликты проходили в тишине кабинетов и не выплескивались наружу. А в конце 80-х писать открытые письма стало модным, чем Ларионов и воспользовался, по всей видимости, подзуживаемый недоброжелателями Тихонова в высших сферах власти (напомним, что в ЦСКА и сборную его назначал лично Брежнев, который уже шесть лет как скончался, а весь его период правления с легкой руки горбачевских идеологов был назван «застойным»). Короче, в этой истории сошлись не только личные интересы Ларионова, который мечтал уехать играть в НХЛ, но и интересы идеологов перестройки, которым

было выгодно опорочить еще одного «диктатора», приверженца «тоталитарной советской системы».

О том, какую все-таки роль сыграл Виктор Тихонов в советском хоккее — больше положительную или отрицательную, — существуют разные точки зрения. Приведу на этот счет мнения двух людей из мира спорта — Семена Вайханского и Александра Петрова. Один против Тихонова, другой — за. Итак, вот мнение С. Вайханского: «Календарь в угоду сборной, потворство в создании суперклубов за счет массового «вывоза» игроков из провинции в столицу и, вследствие этого, волюнтаристские решения по сохранению мест в высшей лиге, наконец, отчетность Управления хоккея исключительно по итогам сборной страны, — все это окончательно оформилось в негласную программу только при Тихонове.

А Виктор Васильевич правил сборной целых 15 лет…

В Москве, куда Тихонова, по его же собственным словам, призвали прежде всего, чтобы наладить дисциплину в лучшей команде страны, Виктор Васильевич стал антиподом самому себе. И для решения дисциплинарной проблемы в ЦСКА и сборной не нашел ничего более надежного, кроме тех самых «несчастных» сборов, от которых всеми силами старался откреститься еще в Риге. И только за счет этого нажил себе врагов на всю жизнь, Михайлова и Петрова, например. И раньше времени спровоцировал уход из хоккея Третьяка, который, конечно же, так еще нужен был ему для новых и новых побед. А просил-то Владислав для себя всего ничего — разрешения жить дома.

И авторитет Тихонова, огромный, казалось бы, после бесконечных побед вверенных ему «хоккейных дружин» — клуба и сборной, так и не сработал на благо великой команды ЦСКА, создавшей этот авторитет. Виктор Васильевич превратил его всего-навсего в необузданный авторитаризм.

А едва забрезжило в сознании «задавленных» им людей «зарево свободы», как выдающиеся мастера хоккея побежали от этого тренерского всевластия, как от чумы. Им, прежде всего, хотелось свободного хоккея. Вне тихоновской «казармы», обязывавшей не только жить на сборах, но и непременно побеждать, — всех и всегда, и с самым крупным счетом, что в спорте, вообще-то говоря, просто невозможно и в чем не может быть постоянной необходимости, даже если ставить своей задачей победы во всех чемпионатах мира (как же тогда быть с такой чертой канадского хоккея, как заряженность на победу до самой последней секунды игры? — Ф. Р.)…

Конечно, и Аркадий Иванович Чернышев, и Анатолий Владимирович Тарасов работали в той же «системе», которая

призвала потом и Тихонова. И Тарасов, и Чернышев, безусловно, не избежали ошибок. Но они построили хоккейную систему, которую Тихонов ровно ничем не развил и не дополнил, не написал даже ни одной более или менее серьезной статьи в развитие хоккейных идей. Он только разрушал эту систему во имя сиюминутных побед…»

А вот мнение А. Петрова: «Для миллионов болельщиков, привыкших к победам ЦСКА и сборной СССР, проблемы армейского клуба, образовавшиеся к концу 80-х годов XX века, неожиданностью не были. Любители хоккея имели достаточно негативной информации для того, чтобы прийти к выводу — ситуация в знаменитом клубе и национальной команде, если хотите, реальность, продиктованная смутным временем.

Ближе к распаду СССР в течение нескольких лет общественное мнение формировалось группой людей таким образом, что и без хоккейного монстра ЦСКА сборная страны играла бы как минимум не хуже. Обсуждались авторитарные методы правления, палочная дисциплина, имперские амбиции Виктора Тихонова. Ходили среди некоторых периферийных тренеров и специалистов разговоры, что любой другой на его месте «сыграл» бы не хуже.

В принципе, чего-то оригинального здесь не было. Во все времена людей, идущих впереди, недолюбливали. Достаточно вспомнить Анатолия Тарасова. И критику в адрес Тихонова по логике вещей никак нельзя было назвать конструктивной. Тем более что весьма слабенькой была доказательная база, поскольку сборная СССР и ЦСКА были лучшими по игре и результатам. Что руководило оппозиционерами, догадаться несложно. Есть такое человеческое чувство, как зависть, совсем не белая. Она, естественно, не имеет национальности, но если бы существовал рейтинг, то СССР бы занимал в нем первое место. Были и так называемые непризнанные гении, утверждавшие, что «белое» — это «черное». Мол, гегемония ЦСКА нам всем боком выйдет. Теперь мы знаем, что это не так, после 1992 года армейцы резко сдали, а после 1993-го скатилась вниз и сборная России. Естественно, распад СССР здесь ни при чем, поскольку абсолютное большинство элитных хоккеистов имели российские паспорта.

Кроме того, к концу восьмидесятых успехи Тихонова многим надоели. Оппозиция возмущалась — ну нельзя же столько времени выигрывать (оппозиция политическая, в свою очередь, возмущалась: «Ну нельзя же столько лет быть великой державой» . — *Ф. Р.*). В принципе, конечно, не очень интересно уже в начале любого первенства знать процентов на 90, кто именно победит.

Но кто помешал, например, московскому «Динамо», «Крыльям Советов» превзойти армейцев? В общем, обычная история, имеющая простой ответ — в любой ситуации не кивать на кого-то надо, а спрашивать с себя…

Масса разговоров до сих пор ходит по поводу Анатолия Владимировича Тарасова, все верно — великий тренер. Однако не он один советскую школу хоккея создал. Безусловно, огромен вклад и Виктора Тихонова. Борис Майоров, говоря об этих тренерах, назвал их идеологами, подчеркнул, что у обоих была концепция работы не только с национальной командой, но и концепция развития хоккея в СССР в целом. У нас была потрясающая группа классных тренеров — Александр Игумнов, Анатолий Кострюков, Борис Кулагин, Владимир Егоров, Николай Эпштейн, Николай Пучков, Дмитрий Богинов, Всеволод Бобров, Николай Карпов — дважды ЦСКА обыгрывавший, более молодые Владимир Юрзинов, Игорь Дмитриев, Борис Майоров, Юрий Моисеев. Наконец, мэтр советского хоккея — Аркадий Чернышев, старший тренер сборной СССР в 1961–1972 годах. Каждого из них можно назвать Личностью.

Вспоминаю, какое прекрасное впечатление они производили во время работы на скамейке запасных, в общении с журналистами, на льду в ходе тренировок. Не сомневаюсь, что именно их интеллект, профессиональный уровень сыграли огромную роль в становлении отечественной хоккейной школы. Увы, нет у нас теперь такого тренерского цеха.

Почему крайне редко обсуждаются человеческие и профессиональные качества Тихонова, хотя тренерский путь Виктора Васильевича был, безусловно, сложнее, чем представлялось обыкновенным болельщикам? Они видели только вершину айсберга, белую и ослепляющую…»

Пятна на золоте, или Начало конца

Итак, осенью 1988 года один из лидеров ЦСКА и сборной СССР Игорь Ларионов в открытую выступил против своего тренера. В итоге в октябре того же года, когда сборная СССР отправилась в товарищеское турне по Чехословакии, Ларионова в сборной не оказалось. И вместе с Макаровым и Крутовым в нападении играл бывший армеец (1986–1987) Александр Черных из воскресенского «Химика». Впрочем, в первом звене не было и Алексея Касатонова (его перевели в третье звено, к Гусарову), и Фетисов играл в паре со своим одноклубником Владимиром Малаховым (дебютантом сборной). Три остальных звена выглядели следующим образом: 2) Игорь Стельнов (ЦСКА) и Анатолий Федотов («Динамо», Москва), нападающие — Андрей Ломакин, Анатолий Семенов и Сергей Яшин (все — «Динамо», Москва); 3) защитники — Алексей Касатонов и Алексей Гусаров, нападающие — Андрей Хомутов, Вячеслав Быков и Валерий Каменский (все — ЦСКА); 4) защитники — Владимир Тюриков («Спартак») и Илья Бякин («Автомобилист», Свердловск), нападающие — Игорь Есмантович, Сергей Немчинов и Юрий Хмылев (все — «Крылья Советов»).

Турне по Чехословакии закончилось для сборной СССР провалом: она выиграла всего лишь одну игру (3:1) и в двух уступила (3:5 и 1:4). Первое звено отметилось всего лишь двумя шайбами (обе забил Крутов).

Однако в декабре, на Призе «Известий», вместе с Макаровым и Крутовым в центре играл уже другой игрок — Игорь Масленников. И это звено забило 9 шайб (Крутов — 4, Макаров — 3, Масленников — 2). А вместе с Фетисовым в этом звене играл армеец Владимир Константинов.

При «Известий» наша сборная выиграла, победив всех своих соперников — тех же чехословаков мы разгромили со счетом 6:1 (проигрывая 0:1 в первом периоде). А в январе у Тихонова случился конфликт с ведущим игроком ЦСКА и сборной — Вячеславом Фетисовым. Вот как об этом вспоминает сам тренер:

«Готовясь к чемпионату мира, ЦСКА проводил матчи за океаном. И вот в самом начале того памятного для многих из нас года меня попросили, чтобы я на какое-то время оставил Фетисова поиграть в команде Нью-Джерси. Я ответил, что это не в моей компетенции, но если удастся договориться с высоким воинским начальством, в частности с министром обороны, тогда пожалуйста. Я возражать не стану. Мы выиграли в Нью-Джерси, нас после этого успеха поздравлял и посол Добрынин вместе со своими сотрудниками. Он попросил у меня разрешения поговорить с ребятами. Я, естественно, разрешил. Посол прошел в раздевалку, поздравил хоккеистов, а затем спросил, какие есть вопросы, пожелания, просьбы. И Фетисов говорит: «Я бы хотел сыграть в Нью-Джерси». Добрынин отвечает: «Я буду в Москве, переговорю с министром… Думаю, что мы этот вопрос решим».

Мы возвращаемся в Москву. Числа 10, а может, 12 января 1989 года я прихожу на каток, и Володя Попов, второй тренер ЦСКА, говорит мне, что пришел Фетисов, бросил форму и сказал, что больше играть в ЦСКА не будет…

Что бы в те дни или позже ни писали про интриги Тихонова, который, дескать, хочет остановить развитие мирового и отечественного хоккея, сопротивляется ходу демократических перемен в стране, — совесть у меня чиста. Я делал для Фетисова все, что было можно. Подключились по моей просьбе к решению проблемы Марат Грамов, Вячеслав Гаврилин, Вячеслав Колосков. Все они искали пути разумного и возможного решения этого вопроса. Фетисов — офицер советской (тогда еще!) армии, майор, и как решить проблему с «командировкой» офицера в НХЛ, не знал никто. Помню, возникла и совсем уж неожиданная идея: понарошку (только по каким-то временным документам, которые затем можно будет изъять из личного дела) демобилизовать Вячеслава — на полгода, на год, как уж получится.

Вячеслав Фетисов

Ничего не получалось. А Фетисов ждать не хотел. Он, что называется, закусил удила и стоял на своем. А перед этим, напомню, «Огонек» уже напечатал «Открытое письмо» Игоря Ларионова, официально адресованное мне…»

Тем временем 17 марта 1989 года завершился чемпионат СССР по хоккею. Как и в прошлом году, он выдался на редкость интересным, хотя кубковых финалов и не было — на первом этапе 14 команд провели двухкруговой турнир, а затем 10 лучших участвовали еще в одном двухкруговом, уже финальном турнире. И снова чемпионом стал ЦСКА, но его отрыв от ближайших преследователей и в этот раз был минимальным: от серебряного призера, воскресенского «Химика» (сенсация!), он оторвался на три очка (28 против 25), а от бронзового, «Крыльев Советов» под руководством Игоря Дмитриева, который привел команду к бронзе впервые после одиннадцатилетнего перерыва, на четыре очка. Кстати, напомним, что в 1987 году Дмитриев стал третьим тренером сборной СССР, а на Олимпиаде в Калгари он был уже вторым тренером, вытеснив Владимира Юрзинова.

Между тем приближалось время очередного чемпионата мира и Европы по хоккею, который должен был проходить в Швеции. А в сборной СССР сложилась ситуация, когда сразу двое ведущих

игроков — Фетисов и Ларионов — выступили с ультиматумом, что не собираются играть в сборной, если им не разрешат-таки уехать в Канаду. В итоге Тихонов принял решение Фетисова в Швецию не брать. Но после этого взбунтовались ведущие игроки из двух главных звеньев — первого (Макаров, Ларионов, Крутов) и второго (Хомутов, Быков, Каменский), которые заявили, что без Фетисова на мировой турнир не поедут. Вспоминает В. Тихонов: «В ЦСКА были явные нелады. Когда в марте команда проводила в «Лужниках» последний матч, Ларионов и Фетисов не играли. Они сидели на трибуне и смотрели игру. Мы забили важный гол и выиграли встречу. Вячеслав и Игорь ушли с трибуны. Закончился матч, армейцы направляются в раздевалку, ко мне подходит Макаров: «Виктор Васильевич, если вы Фетисова в сборную не возьмете, мы играть тоже не будем…» Я отвечаю: «Сереженька, в 10 часов вы должны быть на сборах…»

Признаюсь, после давней стычки Макарова и Фетисова в 1985 году в Праге это был со стороны Сергея поступок. Не хочу гадать, чем он был продиктован, но он не мог не удивить.

Вечером на следующий день, когда все сидели у телевизора, ребята снова подняли волнующий их вопрос. Утром Слава Быков, Андрей Хомутов опять атаковали меня. Сдержался. Спокойно говорю: «Забирайте вещи — и домой». Они сразу начали объясняться: «Нет, Виктор Васильевич, вы не поняли. Это нас попросили похлопотать за Славу…»

Через несколько дней собралась вся команда. Приехали начальники из спорткомитета. Неожиданно появился и Анатолий Владимирович Тарасов. Он мне объявил: «Все говорят, что надо Фетисова взять в сборную». Я отвечаю: «Он с января до середины февраля ничего не делал, толком подготовкой не занимался, не было времени. Все ушло на интервью и заявления, что в команде Тихонова он играть не будет». В течение часа шел жаркий спор… К общему мнению прийти никак не удавалось…»

И все-таки игроки, что называется, «дожали» Тихонова. Макаров, Ларионов и Крутов в один из дней приехали на ТВ, в популярную передачу «Взгляд», и объявили о своем решении не ехать на мировой турнир без Фетисова на всю страну. После этого Тихонову ничего не оставалось, как принять условия бунтарей — вернуть Фетисова в сборную за три недели до мирового чемпионата. Кроме этого, тренер дал слово Ларионову и Фетисову отпустить их после Швеции в НХЛ.

Таким образом, первое звено вновь воссоединилось, только выглядело теперь чуть иначе: в защите играли Вячеслав Фетисов и Валерий Ширяев («Сокол», Киев), в нападении — Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Владимир Крутов. В других звеньях

выступали: 1) защитники — Алексей Касатонов (ЦСКА) и Владимир Константинов, нападающие — Андрей Хомутов, Вячеслав Быков и Валерий Каменский (все — ЦСКА); 3) защитники — Алексей Гусаров и Илья Бякин (оба — ЦСКА) (на замену в этом звене выходил Святослав Хализов из ленинградского СКА), нападающие — Александр Могильный и Сергей Федоров (оба — ЦСКА, дебютанты сборной), Сергей Яшин («Динамо», Москва); 4) нападающие — Андрей Квартальнов и Александр Черных (оба — «Химик», Воскресенск), Сергей Немчинов («Крылья Советов») (на замену в этом звене выходил Юрий Хмылев из «Крыльев Советов»).

В воротах у нас стояли Сергей Мыльников из челябинского «Трактора» и Артур Ирбе из ЦСКА (третьим вратарем был ветеран Владимир Мышкин из столичного «Динамо»). А ведь три последних года (1986–1988) в наших воротах стоял Евгений Белошейкин из ЦСКА, которого называли «вторым Третьяком». Он и в самом деле был очень талантливым голкипером. Но в 1988 году, после Олимпиады в Калгари, вынужден был покинуть ЦСКА и сборную, после чего ни в один именитый клуб больше так и не попал (поиграл в «Ижорце» из Колпино, а потом полгода играл в фарм-клубе «Эдмонтон Ойлерз»). Почему? Вот как об этом рассказывает В. Тихонов: «Хороший был хоккеист — Женя Белошейкин! По таланту сильнее Третьяка! У Женьки была невеста в Ленинграде. Славная девушка. Как ни приедем туда на игру, она и родители Жени приходили к нам. А потом после победы на чемпионате мира на банкете познакомился с ассирийкой из гостиницы «Россия». Как связался с ней, все рухнуло. О ленинградской невесте забыл, женился на этой. Вместе прожили недолго. Развелись, и Женька запил. Пил он много, запоями. С дружками, а часто и в одиночку. Что мы только не делали — уговаривали, ругали, лечили в клинике. Однажды заставили вшить «торпеду». А он через несколько дней вырезал ее и опять напился. Тогда я вывел Белошейкина из основного состава команды, объявив: не перестанет пить — выгоню вообще. Хоккей он очень любил, и я думал, что, отлученный от него, наконец-то образумится. Не образумился… В 33 года повесился (это случится в ноябре 1999 года . — *Ф. Р.*)».

Но вернемся к чемпионату мира и Европы в 1989 году.

Сборная СССР начала турнир 15 апреля с игры против сборной США. Этот матч наши ребята выиграли со счетом 4:2, причем лучшим у нас оказалось третье звено, где в нападении играли Могильный — Федоров и Яшин. В итоге именно Федоров забил две шайбы из четырех (одна была на счету Макарова, другая на счету Квартальнова).

Далее наша сборная выиграла у сборных ФРГ (5:1), Финляндии (4:1), Польши (12:1), Чехословакии (4:2), Канады (4:3), Швеции (3:2). Лучшим звеном нападения в этих матчах было второе, на счету которого было 11 шайб (Быков — 5, Хомутов — 3, Каменский — 3). Следом шло первое звено нападения, которое забило в этих матчах 7 шайб (Макаров — 3, Крутов — 3, Ларионов — 1).

В финальной стадии чемпионата сборная СССР тоже выступила блестяще, выиграв все три матча: у ЧССР 1:0, Канады 5:3, Швеции 5:1. Но там третье звено отметилось всего лишь одной шайбой (Быков), зато первое звено забило 4 шайбы (Ларионов — 2, Макаров и Крутов — по одной). В итоге чемпионами стали советские хоккеисты, опередившие канадцев на два очка (6 против 4). Бронза досталась сборной ЧССР, которую тренировали один новый тренер — Павел Вол (из пражской «Спарты») и один прежний — Станислав Невеселы (он был тренером национальной сборной в 1980–1985 годах).

Однако на родину сборная СССР возвращалась с испорченным настроением. Почему? Сразу после финального матча против сборной Швеции (1 мая) из расположения нашей сборной сбежал Александр Могильный. Он с 1986 года играл в ЦСКА, был чемпионом страны в 1987–1989 годах (сыграл 98 матчей и забил 38 голов). В феврале 1988 года стал олимпийским чемпионом в составе сборной СССР (в шести матчах забил 3 гола). На мировом турнире в Швеции — 1989 он сыграл во всех 10 матчах, однако ни одной шайбы не забросил (лучшим в их звене был Сергей Федоров, на счету которого было 6 шайб).

Могильный сбежал по простой причине — хотел играть в НХЛ, в клубе «Баффало Сейбрз». На него обратили внимание еще в начале года, когда ЦСКА был в турне по США. Видимо, именно тогда и был разработан план побега, Могильного снабдили всему нужными инструкциями. А в Швеции последние были претворены в жизнь. 9 мая Могильный выступил с официальным заявлением о том, что он сбежал в США и просит там политического убежища, тем самым повторив судьбу братьев Штясны. В результате Тихонов добился, чтобы против беглеца было возбуждено уголовное дело по факту дезертирства (Могильный был младшим офицером Советской армии). В ответ на этот демарш тренера прославленный советский хоккеист Анатолий Фирсов (он тогда был депутатом Верховного Совета СССР) заявил следующее: «Я совсем не собираюсь оправдывать Могильного, но этот случай дает серьезный повод для беспокойства о неблагополучии в советском хоккее и, в частности, в сборной.

Прошло время тренеров-диктаторов и игроков — безропотных исполнителей их воли…»

Действительно, времена тогда на дворе стояли уже иные — перестройка «а-ля Горбачев» превратила страну во взрывоопасный котел, готовый вот-вот взорваться. Либеральная фронда при поддержке Запада активно наводила мосты для смены одного строя (социализма) на другой (капитализм). В этой ситуации бегство тех же хоккеистов в НХЛ было вполне закономерным процессом, остановить который было практически невозможно. В те дни очень актуальной была строка из песни рок-группы «Воскресение»: «То ли птицы летят перелетные, то ли крысы бегут с корабля…» Ресурсы некогда великой державы отныне должны были обогащать не ее саму, а сопредельные и отдаленные государства, которые давно об этом мечтали. Ведь та же НХЛ давно варилась в собственном соку и к концу 80-х нуждалась в радикальном обновлении, чтобы привлечь на трибуны новых зрителей. И лучшим выходом для этого было привлечение в НХЛ игроков с Востока — это гарантировало повышенный интерес публики, новые барыши и появление свежих идей в канадско-американском хоккее. А то, что при этом должен был «загнуться» советский хоккей, остаться без зрелища советский зритель, мало кого волновало, поскольку на самом Советском Союзе давно был поставлен крест. Собственно, ради этого (завоевания территории и ресурсов СССР) к руководству страной и был приведен Михаил Горбачев — борец за «общемировые человеческие ценности». Жаль, что понятно это стало лишь тогда, когда изменить ситуацию было невозможно.

Символично, что в год прихода Горбачева к власти (1985) сборная СССР по хоккею проиграла чемпионат мира по хоккею (впервые с 1977 года), а ЦСКА — чемпионат СССР (впервые с 1976 года). Тогда оба этих события были истолкованы неправильно: дескать, неудачи на хоккейном фронте сигнализируют о том, что всей системе необходимо обновление, в противном случае ее ждет стагнация. Именно с приходом Горбачева миллионы советских людей связывали наступление долгожданного обновления. На самом деле, как выяснится позже, хоккейные поражения 1985 года явились первым «звонком» как по самому советскому хоккею, так и по всей советской системе. Этот «звонок» возвещал, что новый генсек пришел вовсе не для того, чтобы обновить систему, сделать ее сильнее и конкурентоспособнее, а исключительно чтобы угробить ее.

Осенью 1989 года пала Берлинская стена, после чего процесс развала Восточного блока принял необратимый характер. И из той же Чехословакии на Запад уехали 56 хоккеистов — больше,

чем из СССР. Впрочем, как мы помним, чехословацкие игроки начали уезжать в США и Канаду гораздо раньше наших — в далеком 1969 году. Так что опыта в этом у них было побольше. А у нас в 1989 году контракты с НХЛ подпишут лишь несколько игроков: Вячеслав Фетисов (с «Нью-Джерси Дэвилз»), Сергей Макаров (с «Калгари Флэймз»), Игорь Ларионов и Владимир Крутов (с «Ванкувер Кэнакс»). В 1990 году к ним присоединится еще один партнер по звену — Алексей Касатонов («Нью-Джерси Дэвилз»).

Последние победы эпохи СССР

В конце мая 1989 года сборная СССР во главе с Виктором Тихоновым отправилась на очередной турнир — в Токио, на Кубок Японии, который разыгрывался в первый раз. Подавляющая часть игроков у нас была та же, что победила в Швеции. Но были и новички, среди которых назовем восемнадцатилетнего Павла Буре из ЦСКА, который был поставлен играть в третье звено вместо Могильного — к Сергею Федорову и Владимиру Константинову (последнего из защиты перевели в нападение).

Кубок Японии сборная СССР выиграла, хотя и выступила не так ярко, как в Швеции. Так, она обыграла сборную Японии (10:1 и 10:6), но дважды сыграла вничью с чехословаками (3:3 и 2:2). Лучшим звеном нападения у нас было первое, которое раньше было вторым — Андрей Хомутов — Вячеслав Быков — Валерий Каменский, на счету которого было 7 шайб (Каменский — 3, Хомутов — 2, Быков — 2).

В декабре сборной СССР был выигран и Приз «Известий», причем на этот раз наши ребята проиграли чехословакам (3:4), но выиграли остальные четыре матча. Лучшим у нас снова было первое звено нападения, забросившее 9 шайб (Каменский — 5, Хомутов — 3, Быков — 1).

Тем временем весной 1990 года завершился чемпионат СССР по хоккею. Ввиду того, что ЦСКА потерял своих лучших игроков, уехавших в НХЛ, бороться за золотые медали сил у них не хватило. Кроме этого, на ситуацию в армейском клубе повлияла нервозная атмосфера, сложившаяся в клубе в то время. Короче, впервые с 1985 года ЦСКА уступил 1-е место — его заняли динамовцы «Москвы» (они же потеснили с него армейцев и в 1985 году).

Виктор Тихонов

Той же весной сборная СССР отправилась на очередной чемпионат мира и Европы, который в тот раз проводился в столице Швейцарии городе Берне. В последний раз этот город принимал мировой хоккейный турнир в далеком 1971 году, и тогда чемпионом стала сборная СССР. Кстати, в последний раз после девятилетней беспроигрышной серии, начатой в 1963 году. В 1990 году история повторилась, но с более печальными последствиями. Это тоже будет наша последняя победа после двухлетнего победного периода, после которого мы два года будем на задворках — в 1991 году станем третьими, а в 1992-м и вовсе не войдем в призовую тройку. Но вернемся в Швейцарию-90.

Туда приехала сборная, составленная из опытных игроков,

которые либо неоднократно, либо однажды уже играли в ее составе. Подавляющая часть игроков представляла ЦСКА, несмотря на то, что армейцы завоевали в чемпионате СССР лишь серебро, — их было 12 человек: вратарь Артур Ирбе, защитники — Алексей Гусаров, Владимир Константинов, Владимир Малахов, Илья Бякин, Игорь Кравчук (дебютант), нападающие — Андрей Хомутов, Валерий Каменский, Вячеслав Быков, Сергей Федоров, Павел Буре, Евгений Давыдов.

Еще два игрока были бывшими хоккеистами ЦСКА, а теперь играли в НХЛ. Это были защитник Вячеслав Фетисов («Нью-Джерси Дэвилз») и нападающий Сергей Макаров («Калгари Флэймз»).

Трое игроков сборной представляли команду «Динамо» (Москва): защитник Михаил Татаринов, нападающие Александр Семак и Юрий Леонов.

Двое были из «Крыльев Советов»: нападающие Сергей Немчинов и Сергей Пряхин.

Нападающий Виктор Тюменев (бывший игрок московского «Спартака») играл тогда в клубе ТПС из Финляндии.

Среди дебютантов сборной значился Дмитрий Христич из киевского «Сокола». Он, кстати, потом тоже будет играть в НХЛ, где станет самым результативным игроком с Украины.

Итак, в Швейцарии-90 сборная СССР завоевала золотые медали. Причем наши хоккеисты проиграли всего лишь один матч — сборной Швеции (1:3), победив во втором (3:0). Отметим, что в последние годы мы стали часто проигрывать шведам, зато чехословаков по-прежнему «клали на лопатки». Вот и в Берне мы выиграли у них дважды (4:1 и 5:0).

Еще мы сыграли вничью с канадцами (3:3), но в повторном матче победили с разгромным счетом 7:1.

В мае наша сборная победила еще в одном турнире — Кубке Японии. Наши ребята сыграли по два матча со сборными Швеции и Японии и из всех вышли победителями (5:2, 7:0, 17:3, 10:2). Причем у нас не играли ведущие игроки: В. Фетисов, С. Макаров, С. Федоров, А. Хомутов. Но забивать все равно было кому: Сергей Немчинов забил шесть голов, Павел Буре, Валерий Каменский, а также двое дебютантов — Олег Знарок и Вячеслав Буцаев — забросили по четыре шайбы. Среди дебютантов также значились: защитник Андрей Смирнов, нападающие — Андрей Коваленко, Андрей Потайчук, Алексей Жамнов.

В конце июля — начале августа 1990 года сборная СССР участвовала в Играх доброй воли, которые проходили в США, в Трей-Сити. Тихонов взял туда тот же состав, что и на Кубок Японии, добавив к ним защитника из воскресенского «Химика»

Сергея Селянина. Однако едва команда прибыла в Штаты, как из ее расположения пропал ведущий игрок — Сергей Федоров. Вскоре выяснилось, что он… подписал контракт с клубом НХЛ «Детройт Рэд Уингз». И хотя по стопам Могильного он не пошел — политического убежища не попросил и заявил, что будет в дальнейшем играть за сборную СССР, однако Тихонову от этого было не легче — на Играх доброй воли пришлось выступать без ведущего игрока, ломая состав. И отдадим ему должное — команду он сумел скомпоновать и настроить на победу. В итоге Игры сборная СССР выиграла, победив во всех матчах. В финале наши ребята встречались с хозяевами турнира, американцами, и в упорной борьбе обыграли их со счетом 4:3. Короче, был еще порох в советских хоккейных пороховницах.

В декабре сборная СССР участвовала сразу в двух турнирах: Кубке «Ниссана» в Берне (Швейцария), где помимо нее выступали еще две сборные ФРГ и Швейцарии, и Призе «Известий» в Москве, где нашими соперниками были сборные ЧССР, Швеции, Канады и Финляндии. И оба турнира советская команда выиграла, играя по сути в полностью обновленном составе. Во всяком случае, из той сборной, которая выступала в олимпийском Калгари в 1988 году, в ее составе остались только трое игроков: Илья Бякин, Игорь Кравчук и Валерий Каменский. Все остальные были новичками. Назовем их: вратарь — Алексей Марин, защитники — Владимир Константинов, Владимир Федосов, Евгений Попихин, Владимир Тюриков, Дмитрий Миронов, Вячеслав Уваев, Владимир Малахов, нападающие — Александр Андриевский, Андрей Ковалев, Сергей Немчинов, Алексей Жамнов, Александр Семак, Виктор Гордиюк, Вячеслав Буцаев, Игорь Масленников, Сергей Бушмелев, Рамиль Юлдашев, Равиль Хайдаров, Евгений Давыдов.

Отметим, что большинство из этих игроков не сумеют закрепиться в составе национальной сборной, по сути не оправдав выданных им авансов. Например, Юлдашев и Хайдаров из киевского «Сокола», который в 80-е годы, как уже отмечалось, из заштатного клуба превратился в сильную команду, взявшую бронзу в сезоне 1985/1985. И Рамиль Юлдашев стал одним из лучших бомбардиров чемпионата СССР в сезоне 1988/1989, набрав 32 очка (19 голов + 13 голевых передач). Кстати, его одноклубник Евгений Шастин набрал в том же сезоне еще больше баллов — 34 (21 + 13), но его в сборную не пригласили. Однако для Юлдашева это было первое и последнее приглашение, поскольку на Призе «Известий» — 1990 он провел четыре матча и забросил всего лишь одну шайбу.

Когда в феврале 1991 года сборная СССР отправилась на Шведские хоккейные игры, то из нее выбыли сразу восемь

прежних игроков (Бякин, Андриевский, Малахов, Бушмелев, Масленников, Юлдашев, Хайдаров, Давыдов), а их место заняли другие хоккеисты: защитники Евгений Наместников, Александр Смирнов, Владимир Ширяев, нападающие Павел Буре, Вячеслав Козлов, Валерий Залепукин, Леонид Трухно, Дмитрий Квартальнов.

Шведские игры наша сборная выиграла, победив сборные Финляндии (9:6), Швеции (6:4), а со сборной ЧССР сыграв вничью (2:2). Это была отличная проверка перед очередным чемпионатом мира и Европы, который должен был пройти в апреле — мае 1991 года в столице Финляндии городе Хельсинки. Напомним, что в последний раз этот турнир проходил там в 1974 году и тогда его выиграла сборная СССР. Было к чему стремиться нашей тогдашней сборной. Однако, несмотря на ее стремление, выше головы ей прыгнуть не удалось.

А началось все с внутреннего чемпионата СССР, где ЦСКА второй год подряд упустил золотые медали — чемпионами вновь стали московские динамовцы. А армейцы Москвы впервые в истории (!) заняли 4-е место, пропустив вперед себя московский «Спартак» (2-е место) и «Крылья Советов» (3-е место). Все это было следствием тех скандалов, которые потрясли ЦСКА в последние годы. Некогда великий клуб утратил былое величие. С этим можно было бы и смириться, если бы вместе с этим не пошел вразнос и весь советский хоккей. Впрочем, вразнос пошла вся страна, которая доживала последние месяцы своего существования. Всякие горбачевы и шеварднадзе, коротичи и собчаки могли торжествовать победу — их мечты сбылись.

На мировой чемпионат в Хельсинки сборная СССР отправилась не в самом, казалось бы, худшем составе. Например, в команде согласились играть наши энхаэловцы и ветераны Владимир Мышкин (играл тогда в финском «Лукко»), Вячеслав Фетисов («Нью-Джерси Дэвилз»), Алексей Касатонов («Нью-Джерси Дэвилз»), Сергей Макаров («Калгари Флэймз»), Вячеслав Быков (швейцарский клуб), Алексей Гусаров («Квебек Нордикс»), Валерий Каменский. Кроме них в сборную попали: вратари — Андрей Трефилов, Алексей Марьин, защитники — Илья Бякин, Владимир Константинов, Игорь Кравчук, Владимир Малахов, Дмитрий Миронов, нападающие — Павел Буре, Александр Семак, Алексей Жамнов, Вячеслав Козлов, Андрей Ломакин, Вячеслав Буцаев, Сергей Немчинов, Валерий Залепукин, Дмитрий Квартальнов.

Однако ветераны нас не спасли. Видимо, был утрачен привычный контакт игроков с тренером, а может быть, и сам Виктор Тихонов уже не имел того драйва, который был ему

свойственен в прежние годы. Поэтому ни ветераны, ни молодежь рубаху на себе особо не рвали, особенно в финале турнира. Ведь предварительные игры наши ребята прошли без проблем — выиграли шесть матчей подряд. А вот в финальной «пульке», куда вышли четыре команды (СССР, Канада, Швеция и США), нашей сборной упорства не хватило — они проиграли шведам финальную игру со счетом 1:2. В итоге сборная Швеции завоевала золотые медали, серебро досталось канадцам, а наша сборная оказалась третьей — впервые после 1985 года.

Все это было весьма символично. Ведь именно в 1985 году к власти в СССР пришел Михаил Горбачев, который за шесть лет своего правления довел великую страну до ручки. Получилось, что сборная СССР по хоккею заняла позорное 3-е место на заре правления нового генсека (спустя месяц после его воцарения в Кремле в марте 85-го) и на закате этого правления. Закат этот наступил спустя семь месяцев после мирового турнира в Хельсинки — в декабре 1991 года, когда государственный флаг СССР был спущен и великий Советский Союз перестал существовать де-факто. Вместе с этим кануло в небытие и все великое, что было создано в уничтоженной стране: великая наука, великий кинематограф и, конечно же, великий спорт, где одним из самых популярных видов был герой нашего рассказа — хоккей.

Эпилог

Из героев этой книги — прославленных советских тренеров — раньше всех из жизни ушел Всеволод Бобров. Дело было так.

Покинув пост старшего тренера сборной СССР (1974), Бобров какое-то время работал в Спорткомитете СССР, после чего в 1976 году был назначен старшим тренером футбольной команды ЦСКА. Придя к руководству клубом, Бобров в первую очередь избавился от «балласта» — игроков, лучшие годы которых были уже позади, и тех, кто играл из-под палки (в основном это были призывники). Однако, чтобы новички заиграли в полную мощь, необходимо было время, и Бобров это прекрасно понимал. В итоге в чемпионате 1977 года ЦСКА занял 14-е место.

В следующем сезоне Бобров рассчитывал вывести команду из опасной зоны и закрепиться в числе сильнейших. Для этого у ЦСКА были все предпосылки. Однако в команде внезапно начался бунт. Против Боброва выступили его помощники Капличный и Агапов (кстати, приглашенные в команду самим Бобровым), а также несколько ведущих футболистов. Они были недовольны его методами руководства. Но на стороне тренера выступил спорткомитет Министерства обороны, и «бунт» был подавлен весьма решительными действиями — нескольких смутьянов из команды убрали. Клуб перестало лихорадить, и в чемпионате-78 он занял 6-е место. Однако далее произошло неожиданное — Боброва сняли с должности тренера. Почему? Он так и не смог сработаться с председателем спорткомитета Министерства обороны Шашковым. Тому на посту тренера армейского клуба нужен был совсем другой человек — покладистый, смотрящий в рот начальству. Бобров же был совсем из другого теста. В результате на его место был приглашен помощник Валерия Лобановского Базилевич. Кстати, с его назначением в ЦСКА впервые была нарушена давняя традиция — ставить во главе команды людей, воспитанных именно армейским клубом. Базилевич таковым не являлся. Может быть, это всего лишь совпадение, но спустя четыре года после прихода Базилевича в

ЦСКА руководимый им клуб вылетел из высшей лиги в первую.

Для Боброва неожиданное снятие с должности обернулось печально. Будто в насмешку над его талантом, армейские начальники послали его тренером в детскую футбольную школу. Бесспорно, воспитание подрастающих спортсменов вещь необходимая, но все понимали, что для Боброва это назначение было чем-то вроде почетной ссылки. Понимал это и он сам. В итоге поработать с мальчишками он так и не успел. В 1979 году за короткий промежуток времени у него случилось два сердечных приступа. Финал наступил внезапно. Вспоминает жена Боброва Елена: «27 июня до часу ночи смотрели футбол Дания — СССР. Утром Сева уехал с дачи на тренировку. Я еще впервые в жизни положила ему квитанцию, чтобы получить белье в прачечной, потому что в пятницу ожидался заезд друзей — Старшиновых, Якушевых. Сева для них выстроил баню, всем хвастался, что пар в ней духовитый…

Уехал Сева в Москву и не вернулся. На другой день я не выдержала, тоже в Москву помчалась. Узнала, что Сева в госпитале под Красногорском без сознания. Потом пришел в себя, даже с медсестрами шутил: «Вот я оклемаюсь, приглашу вас на дачу. Лентя — он так меня звал — очень любит гостей. А я вас хорошенько попарю». А через сутки, 1 июля 1979 года, его не стало.

Причина — тромб. Во время тренировки он оторвался (обе ноги Боброва были биты-перебиты еще в молодости . — *Ф. Р.*), а Сева, не зная этого, пошел на… массаж. Это была страшная ошибка. Он размял тромб, и чуть ли не миллион мелких тромбиков попали в легкие… Похороны (они прошли на Кунцевском кладбище . — *Ф. Р.*) я пережила как в страшном сне…»

Кстати, за несколько лет до назначения старшим тренером футбольного ЦСКА в этой же должности трудился и другой герой нашей книги — Анатолий Тарасов. Случилось это сразу после его увольнения из хоккейного ЦСКА — летом 1974 года. Отметим, что футбольный ЦСКА, став чемпионом страны в 1970 году, в последующие несколько лет растратил всю свою былую мощь, буквально балансируя на «качелях»: то займет 12-е место (1971), то 5-е (1972), то 10-е (1973), то 13-е (1974). Именно чтобы вытянуть команду из этой депрессии, и был делегирован Анатолий Тарасов. Но у него ничего не получилось, и в 1975 году ЦСКА вновь оказался на 13-й ступеньке в турнирной таблице. После этого Тарасова перевели в отдел хоккея Спорткомитета СССР, где он работал с командами высшей лиги, а также был президентом турнира «Золотая шайба» (как мы помним, он же

стоял у истоков его создания в 1964 году).

Что касается Аркадия Чернышева, то он ушел с поста старшего тренера хоккейного клуба «Динамо» (Москва) в том же году, что и Тарасов в ЦСКА — в 1974-м. После чего был назначен директором динамовской хоккейной школы, где проработал до 1983 года. Одновременно с этим он был председателем тренерского совета федерации хоккея СССР. В середине 80-х он ушел на пенсию, после чего прожил недолго. Прославленный тренер скончался фактически сразу после развала СССР — 17 апреля 1992 года, спустя месяц после своего 78-летия. Похоронили его на Ваганьковском кладбище.

Без сомнения, что на смерть Чернышева самым непосредственным образом повлияла горбачевская перестройка и последовавший за ней в декабре 1991 года развал Советского Союза. Эту трагедию выдающийся тренер принял близко к сердцу. Та же история случилась и с Тарасовым, который ненамного пережил своего многолетнего партнера по сборной СССР. Вот как об этом вспоминает дочь Анатолия Владимировича Татьяна Тарасова: «Отец не принял перестройку, был убежден, что распад Советского Союза — непоправимая ошибка. Он не мог смотреть телетрансляции со съездов народных депутатов (начались в мае 1989 года . — *Ф. Р.*), нервничал, подскакивало давление. Утешало его одно: «У Нинки (жена Тарасова . — *Ф. Р.*) и девок хоть деньги после моей смерти будут. Я столько книжек написал, станут получать мои авторские». Отец был человеком неприхотливым, роскошь не любил, ходил по преимуществу в спортивном костюме, стригся в простой парикмахерской за семнадцать копеек. В сберкассе у него лежало тридцать шесть тысяч советских рублей, заработанных, как он говорил, «на виду у всей страны». Когда одна за другой начались денежные реформы, мы уговаривали его снять все и во что-то вложить:

— Папа, давай хоть дачу побольше купим. На тридцать шесть тысяч можно было тогда приобрести трехэтажный особняк.

— Зачем? Мне хватает и этой.

— Но деньги могут просто пропасть, обесцениться.

— Этого не может быть! Власти не могут так поступить с народом.

Папа не верил, что у людей отберут заработанное потом и кровью. Ошибался… (отъем, а фактически грабеж, вкладов у населения произошел при правительстве Егора Гайдара в январе 1992 года — тогда свои сбережения разом потеряли около 40 миллионов бывших советских граждан . — *Ф. Р.*)».

Естественно, что это ограбление не могло прибавить здоровья Тарасову (как и миллионам других людей, чьи сбережения

«сгорели» в топке «шоковой терапии»). В итоге после этого он прожил недолго — всего лишь три года. Отметим, что в жизни великого тренера были разные серьезные испытания, которые толика за толикой отнимали у него здоровье: например, снятие его с поста старшего тренера сборной СССР в 1972 году. Однако в те годы он был еще относительно молод (ему было 54 года), к тому же с хоккеем не расставался, работая в спорткомитете. Но в начале 90-х, с развалом СССР, здоровье Тарасова начало стремительно угасать. Он просто потерял смысл жизни. А когда его еще и ограбили, отняв все накопленные за годы его тренерства сбережения, то просто отняли последнюю надежду. Как итог — 23 июня 1995 года Анатолий Владимирович Тарасов скончался. Рассказывает его супруга — Нина Григорьевна: «Толю пригласили на очередной чемпионат мира по хоккею. Таня говорит — ты все-таки с отцом съезди в 67-ю больницу, покажи его. Может, врачи подскажут лекарство, а отец с Галей купят. Собрались, поехали. И профессор, делая анализы, занес Тарасову гнойную палочку — и пошло заражение крови. На следующий день температура, а через два дня — инсульт. Забрали в госпиталь, он уже не говорил, отнялась рука… Сделали операцию, но все впустую. Со всего мира присылали кровь, делали переливание. Я в суд хотела на того доктора подать, да родственники отговорили. Я с тем доктором разговаривала — нахал нахалом. Когда мы из той больницы уходили, Анатолий сказал: «Я больше сюда не вернусь. Больно делают». Так и получилось. Не вернулись. А на том чемпионате, куда Тарасов хотел съездить, наши проиграли (сборной руководил Борис Михайлов, наши не смогли войти даже в тройку призеров, а чемпионами стали канадцы — впервые после 1961 года . — *Ф. Р.*). Приходим с девочками к отцу в реанимацию: «Пап, проиграли…» Он встрепенулся, датчики начали работать. Я в слезы… Там он и умер.

Мы понимали, что его уже не спасти. Не надеялись, что поднимется. Хоть он и сильный человек, но когда тебя заражают — это безнадежно. Мы знали…

Моя комната рядом, а Толя был в этой. Утром подхожу: «Как себя чувствуешь?» Молчит. Я говорю: «Сейчас придет сестра делать укол». Опять молчит. Приходит сестра, уколола — молчание. Старшая дочка в этом же подъезде живет, поднялась. Позвонили Тане, та в Англии на гастролях была. Каждый день девочки на аэродром ездили, получали кровь.

Толю снова забрали в больницу. Он был весь подключен к датчикам. Я увидела, думаю — господи, это не он! Тарасов никогда не смог бы лежать под этими приборами. И он тем же

вечером все трубки вырвал. А утром позвонили — умер. Ему было семьдесят шесть лет…».

Похоронили А. Тарасова на том же кладбище, что и А. Чернышева, — на Ваганьковском.

В самый разгар горбачевской перестройки ушел из жизни другой выдающийся тренер — Борис Кулагин. Как мы помним, он долгие годы работал помощником Тарасова в хоккейном ЦСКА (1961–1971), после чего ушел старшим тренером в «Крылья Советов». И в 1974 году сделал эту команду чемпионом СССР. В эти же годы он был и тренером первой сборной СССР: в 1972–1974 — ее вторым тренером, в 1974–1977 — старшим. В 1979–1984 годах Кулагин тренировал московский «Спартак», который при нем выступал весьма неплохо: 3-е место в 1979/1980 2-е — в 1980–1984 годах. Однако эти показатели не стали препятствием для того, чтобы уволить Кулагина с тренерского мостика. После чего он прожил всего лишь три с половиной года — смерть настигла его 25 января 1988 года на 64-м году жизни.

Спустя полтора года после смерти А. Тарасова ушел из жизни еще один бывший тренер ЦСКА и сборной СССР — Константин Локтев. После развала СССР он кем только не работал: инженером по гражданской обороне, ревизором на стройке и даже вице-президентом акционерного общества. А умер он при следующих обстоятельствах.

Рассказывает журналист Б. Валиев: «29 ноября 1995 года умерла старшая дочь Локтевых Ирина, так быстро и неожиданно, как это порой случается с онкологическими больными. Эта смерть окончательно подкосила Константина Борисовича. «Вы даже не представляете, как мне тяжело!» — сказал он на похоронах супруге Тарасова Нине Григорьевне. Беспокоившие его и раньше болезни вдруг навалились все разом: начались серьезные проблемы с печенью и сердцем. Осенью 1996 года Локтев оказался в одном из подмосковных госпиталей, откуда, впрочем, был выписан в конце октября с показателями на улучшение здоровья. Успел, по словам Валентины Михайловны, сходить на кладбище, посетил могилы дочери и отца, а через три дня вдруг почувствовал себя очень плохо…

Он умер утром 4 ноября, не дожив 25 дней до годовщины смерти любимой Иринки. В этот же день какая-то мистическая сила остановила и его «Ролекс»…»

Бывший тренер воскресенского «Химика» Николай Эпштейн оставил свой пост в 1975 году, «оттрубив» на нем ровно 20 лет (при нем эта команда дважды выигрывала бронзовые медали чемпионата СССР — в сезонах 1964/1965 и 1969/1970). При этом Эпштейн параллельно руководил сборной СССР (1969–1972)

среди юниоров, и она трижды завоевывала золото чемпионата Европы.

Уйдя из «Химика», Эпштейн возглавил другую хоккейную команду — «Сибирь» (Новосибирск), которая играла в первой лиге, а под его руководством в 1975 году добилась права играть в высшей лиге (правда, недолго — всего один год). В 1978 году Эпштейн был назначен начальником хоккейного клуба «Спартак». А в конце 80-х стал тренировать сборную Израиля.

В последние годы жизни Эпштейн страдал тяжелейшим заболеванием — болезнью Альцгеймера. И из жизни ушел при обстоятельствах весьма драматичных.

Утром 19 августа 2005 года он тайком от всех ушел с дачи в Наро-Фоминском районе и пропал. Спустя неделю — 26 августа — истощенного Эпштейна обнаружили в заброшенном доме в Апрелевке и отвезли в больницу в Селятине, где он и скончался спустя несколько часов. Его тело отправили в морг, где оно лишь 6 сентября было обнаружено его сыном среди неопознанных. На момент смерти выдающемуся тренеру было 85 лет.

Бывший тренер московского «Спартака» Николай Карпов тренировал красно-белых до 1977 года. После чего год работал старшим тренером другой столичной команды — «Локомотива». А затем уехал в Горький, где принял к руководству тамошнее «Торпедо». Это была сильная команда — в чемпионате СССР она занимала 5-е место. В первый же сезон с Карповым она заняла эту же строчку в турнирной таблице, но в сезоне 1980/1981 скатилась на 8-е место. Но спустя год впервые в истории стала четвертой, обогнав даже «Крылья Советов» (8-е). Но в сезоне 1982/1983 «Торпедо» откатилось на 6-ю позицию, после чего Карпов покинул команду и больше к тренерству в высшей лиге не возвращался.

На склоне лет Николай Иванович работал советником президента хоккейного клуба «Спартак» (Москва), а также тренировал ветеранскую команду звезд «Легенды хоккея». Это было его последнее место работы. 7 ноября 2013 года Н. Карпов скончался, не дожив всего один день до своего 84-го дня рождения.

Использованная литература

Книги: «Хоккей» (справочник), «Хоккей» (Энциклопедия), С. Вайханский «Золотая книга сборной СССР по хоккею», А. Тарасов «Совершеннолетие», А. Тарасов «Хоккей грядущего», Е. Зимин «Мастерство в твоих руках», Б. Михайлов «Такова хоккейная жизнь», Ю. Метаев, В. Ульянов «Мастера хоккея — будущим мастерам», В. Акопян «Тренер Анатолий Владимирович Тарасов», В. Тихонов «Хоккей: надежды, разочарования, мечты», Е. Рубин «Пан или пропал!», В. Третьяк «Хоккейная эпопея».

Газеты: «Московский комсомолец», «Советский спорт», «Спорт-экспресс», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Вечерняя Москва».

Автор выражает признательность всем коллегам-журналистам, бравшим интервью и писавшим о героях этой книги. Среди этих журналистов: О. Спасский, А. Салуцкий, А. Поликовский, С. Емельянов, Ю. Голышак, А. Кружков, С. Киселев, А. Баутин, Б. Валиев.